
Л. Н. ТОЛСТОЙ и Н. Н. ГЕ
переписка
Academia

Переписка между Львом Николаевичем Толстым и Николаем Николаевичем Ге охватывает более чем десятилетний период (1884 — 1894 гг.), период наибольшего сближения между писателем и художником.

Переписка устанавливает общность взглядов и некоторых черт в творчестве Л. Н. Толстого и Н. Н. Ге.

В основу текста легли материалы, хранящиеся в Толстовском музее при Рукописном отделении Библиотеки Академии Наук СССР.

С. П. Яремич, находившийся в близких отношениях с Н. Н. Ге в последние годы его жизни, во вступительной статье и в примечаниях восстанавливает связь между отдельными письмами и дополняет эту переписку рядом подробностей.

В книге помещены автографы Л. Н. Толстого и Н. Н. Ге и 16 рисунков на отдельных листах (портреты Л. Н. Толстого и Н. Н. Ге, снимки с картин Н. Н. Ге и др.).

Цена 2 р. 40 к.

Переплет 35 к.

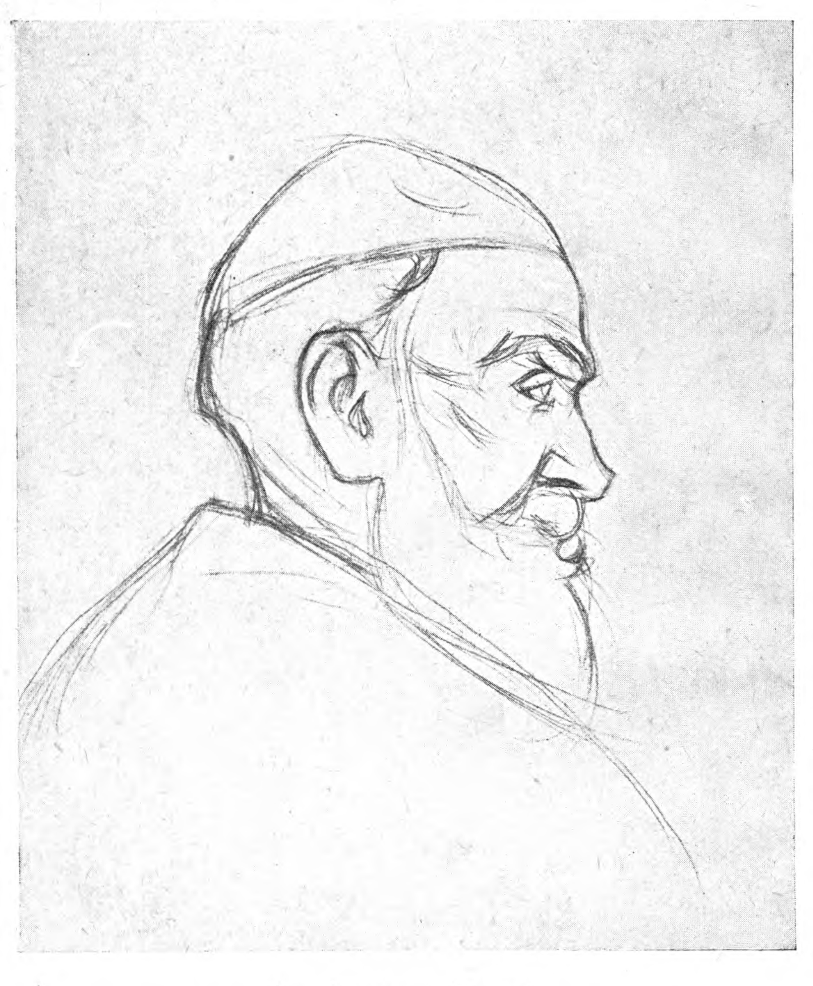

ЛН ТОЛСТОЙ
и
НН ГЕ

переписка

Academia

ACADEMIA

Лев Николаевич Толстой.

Набросок с натуры С. П. Яремича, 8 июля 1897 г. в Ясной Поляне.

Л. Н. ТОЛСТОЙ
И
Н. Н. ГЕ

ПЕРЕПИСКА

Вступительная статья
и примечания
С. П. Яремича

„ACADEMIA“
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
MCMXXX

ПЕРЕПИСКА ПОДГОТОВЛЕНА К ПЕЧАТИ КОМИТЕТОМ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ПРИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Обложка и супер-обложка работы
худ. В. М. Конашевича

Государственн. тип. имени Евгении Соколовой.
Ленинград, пр. Красных Командиров, 29.
Ленинградский Областлит № 42728.
Тираж 3070—6½ л. Заказ № 1333.

Переписка между Львом Николаевичем Толстым и Николаем Николаевичем Ге издается по материалам хранящимся в Толстовском Музее (Рукописное Отделение Академии Наук СССР) и представляющим собою большею частью подлинные письма, частью же копии. Среди них имеются и письма Толстого к Николаю Николаевичу Ге — младшему и письма Николая Николаевича Ге к дочерям Толстого.

Документы эти не исчерпывают всей переписки — некоторые письма известны издательству только по труду В. В. Стасова „Николай Николаевич Ге, его жизнь, творчество и переписка“ (изд. „Посредника“ 1904 г.) откуда они и заимствованы для большей полноты материала.

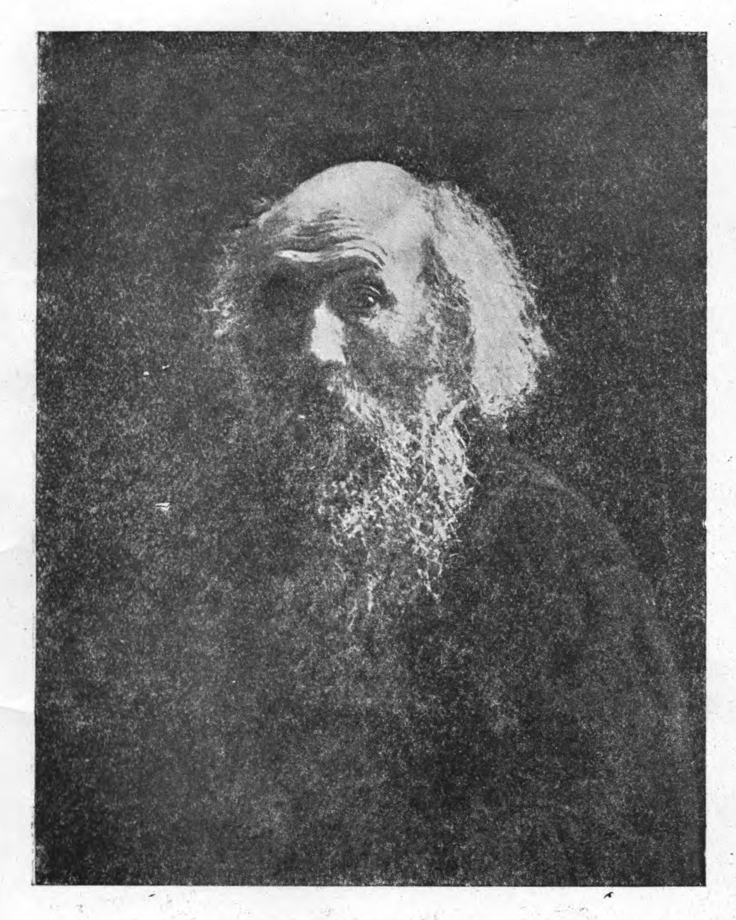
Письма хранящиеся в Толстовском Музее в редких случаях датированы, что поставило перед издательством трудную задачу по распределению материала в хронологическом порядке.

С. П. Яремич, находившийся в близком общении с Н. Н. Ге в последние годы его жизни, выполнил эту ответственную работу и дополнил изда-

ваемую переписку вступительной статьей и примечаниями.

Окончательное редактирование переписки любезно принял на себя Всеволод Измайлович Срезневский и этот ценный труд Комитет считает долгом отметить здесь с глубокою благодарностью.

Комитет

Автопортрет. Окончен 23 сент. 1892 г.
Всеукраинский музей в Киеве.

ТОЛСТОЙ и ГЕ

В то время, когда Николай Николаевич Ге впервые встретился с Львом Николаевичем Толстым, ему исполнилось пятьдесят один год (Ге родился 17 февраля 1831 г.), следовательно, оба они, как живописец, так и писатель были приблизительно одного и того же возраста — старшинство Толстого выражалась в двух с половиною годах. На Ге встреча произвела неизгладимое впечатление и послужила началом теснейшей дружбы. Но и на Толстом это знакомство оставило глубокий след. С первых же дней знакомства Толстой был пленен богатством натуры своего друга, и не мог не оценить редкие свойства его ума, его горячность, непосредственность, простоту, неиссякаемое остроумие и живую образность речи. Наконец, нельзя было не любить в нем какую-то особенную благожелательность к людям, какой он неизменно был проникнут несмотря на частые разочарования. Связывало обоих великих людей тождество параллельно пережитых умственных и общественных настроений, связывали

общие симпатии и антипатии, общие знакомства — обширная галлерея лиц, уже отошедших в безбрежность, но все еще хранившихся в больших тайниках памяти и реально ощущаемая ими обоими. Толстой не только любил Ге за его чудесные душевные качества, находя в его обществе отдых и отраду, но он высоко ценил его и как художника. Вот почему сколько бы ни длилось свиданье, им все мало, все недостаточно. Это поразительно редкий пример дружбы, проникнутой глубоким постоянством чувства. Несколько позже Толстой перенес свою любовь и на одного из сыновей художника — Николая Николаевича — младшего.

О первой встрече с Львом Николаевичем Н. Н. Ге в своих записках рассказывает так:

„В 1882 году случайно попалось мне слово великого писателя Л. Н. Толстого «О переписи в Москве». Я прочел его в одной из газет. Я нашел тут дорогие для меня слова. Толстой, посещая подвалы и видя в них несчастных, пишет: «Наша нелюбовь к низшим — причина их плохого состояния...»

„Как искра воспламеняет горючее, так это слово меня всего зажгло. Я понял, что я прав, что детский мир мой не поблекнул, что он хранил целую жизнь и что ему я обязан лучшим, что у меня в душе осталось свято и цело. Я еду в Москву обнять этого великого человека и работать ему.

„Приехал, купил холст, краски — еду: не застал его дома. Хожу три часа по всем переулкам, чтобы встретить — не встречаю. Слуга (слуги — всегдашние мои друзья), видя мое желание, говорит: „Приходите завтра в 11 часов, наверное он дома“. Прихожу, увидел, обнял, расцеловал. „Лев Николаевич, я приехал работать, что хотите — вот ваша дочь, хотите, напишу портрет?“ — „Нет, уж коли так, то напишите жену“. — Написал. Но с этой минуты я все понял, я безгранично полюбил этого человека, он мне все открыл. Теперь я могу назвать то, что я любил целую жизнь, — он мне это назвал, а главное, он любил то же самое.

„Месяц я видел его каждый день. Я видел множество лиц, к нему приходивших, и между ними одну, которая воскресила воочию то высокое, то дорогое, что вместе и самое высшее, самое лучшее в человеке.

„Я сидел, обернувшись к окну, и слезы мешали мне слушать эту женщину. Она пришла в истинный восторг, узнав, что он так думает. Я стал его другом. Все стало мне ясно. Искусство потонуло в том, что выше его несоизмеримо. Это была бесконечная радость, но тут же началось то, что всегда преследует уже не художника, а человека, и преследует до смерти“.

Об этих первых днях знакомства находим живой отклик в письме С. А. Толстой к ее сестре Т. А. Кузьминской:

„... Теперь знаменитый художник Ге (Тайная вечеря на полу, говорили про него, что он нигилист) пишет мой портрет масляными красками и очень хорошо. Но какой он милый, наивный человек, прелесть, ему пятьдесят лет, он плешивый, ясные голубые глаза и добрый взгляд. Он приехал познакомиться с Левочкой: объяснился ему в любви и хотел для него что-нибудь сделать. Взошла моя Таня, он говорит Левочке: „Позвольте мне написать вашу дочь". Левочка говорит: „Уж лучше жену". Вот я сижу уже неделю и меня изображают с открытым ртом, в черном бархатном лифе, на лифе кружева мои d'Alençon, просто, в волосах, очень строгий и красивый стиль портрета".

Появление Ге в доме Толстых не прошло бесследно и для других членов семьи. Особенно сильное впечатление произвел он на дочерей Льва Николаевича — Татьяну Львовну и Марью Львовну, что впоследствии вылилось в дружескую переписку. Татьяна Львовна посвящает художнику страницу своих воспоминаний, где довольно верно определяет мотивы, способствовавшие столь внезапному сближению Ге с ее отцом. Она рассказывает:

„Во время сеансов Ге много разговаривал со всеми нами. Он рассказывал, между прочим, о том впечатлении, какое произвела на него статья моего отца „О переписи в Москве", и о том, как она совершенно перевернула все

его миросозерцание и из язычника сделала его христианином.

„Он до конца жизни понимал это и сохранил к отцу самую нежную благодарность, которую он часто высказывал ему и еще чаще нам, его детям, и моей матери, боясь быть неприятным отцу слишком частым повторением своих чувств.

„Трудно сказать, насколько мой отец был причиной того нравственного переворота, который произошел в душе Ге. Я была слишком молода во время их первого знакомства, чтобы тогда быть в состоянии составить себе об этом ясное представление. Но теперь, мне кажется, что пути, по которым шла душевная работа Ге и моего отца, в начале шли независимо друг от друга, но в одинаковом направлении. Оба они были художниками, за обоими были в прошлом крупные художественные произведения, сделавшие их славу как художников, и оба они, пресытившись славой, увидали, что она не может дать смысла жизни и счастья. Мой отец провел несколько лет в мучительных исканиях и сомнениях. Насколько я знаю, то же было и с Ге. Несколько лет его жизни прошло, в которые он не написал ни одной картины. Он жил у себя в Малороссии и тосковал без дела и без цели в жизни.

„Он был на перепутьи, и как только он увидал по статьям отца, что отец переживает ту же душевную работу, которая и в нем происходила, он узнал

себя и с радостью и с восторгом бросился к отцу, в надежде, что он поможет ему выбраться из той темноты, в которой он пребывал в последнее время. Это так и случилось. И хотя изредка нападало на него чувство раздражения и одиночества среди людей, не разделяющих его взглядов, он, тем не менее, всегда умел себя побороть и стать опять спокойным и радостным“.

Потребность в общении с Толстым диктовалась всем строем жизни художника. Заброшенный в деревенскую глушь, Ге вел крайне одинокое существование, лишь изредка общаясь с представителями художественного мира. Вследствие глубокого расхождения мировоззрений его столичные связи мало по малу отмирали. А между тем он испытывал громадную потребность в общении, в нем клокотали неизрасходованные творческие силы, возникавшие идеи не находили выхода. В тесном семейном кругу трудно было искать поддержку бурному течению мысли, не только не мирившейся с действительностью, но и отрицавшей ее. А его прежние товарищи и даже немногие поклонники начали смотреть на него, как на юродивого чудака.

Ге при жизни хотя и находился в первых рядах выдающихся людей своего времени, но тем не менее нельзя сказать чтобы он был избалован успехом. По существу его известность заблистала ярким светом лишь однажды, а именно в тот период его

жизни, когда появилась в 1863 году картина „Тайная вечеря“, столь поразившая всех необычайной новизной трактовки евангельского сюжета. Художник имел смелость отбросить вековую традицию, приблизив событие и придав ему животрепещущий смысл современности. Картина поразила современников смелостью выражения мысли и большими живописными качествами, но это был единственный момент в жизни, когда художнику удалось вызвать всеобщее внимание и восторг и когда враждебные голоса вынуждены были замолкнуть.

Последующие картины, несмотря на свойственные художнику оригинальность замысла и крупные живописные достоинства, не пользовались ни малейшим успехом. Крайне враждебное отношение встретили картины—„Вестники воскресения“ и „Гефсиманский сад“. Несколько большее внимание сосредоточила на себе картина „Петр и Алексей“, главным образом, благодаря резко выраженному контрасту в характеристике и положении изображенных лиц. Но вслед за тем появившиеся на выставках „Екатерина у гроба Елизаветы“ и „Пушкин в селе Михайловском“ прошли среди всеобщего индиферентизма почти незамеченными.

Необходимо отметить еще одно обстоятельство, ставившее Ге в исключительное положение и сильно углублявшее его одиночество. Затрагиваемые им темы очень часто не давали уверенности в том, что

та или иная картина увидит свет и будет допущена на суд публики, так как его творчество постоянно находилось под угрозой цензурного запрета. Таким образом Ге оказался в двояко тяжелом положении. С одной стороны — художественная критика, и руководимый ею зритель начали относиться к художнику с незаслуженным высокомерием, с другой стороны — он все время ощущал на себе тяжесть цензурного гнета.

Такого рода неудачи, грозившие полным материальным крахом, заставили Ге временно отказаться от художественной деятельности. Правда, у него был еще один выход: он мог занять место профессора Академии и искать казенных заказов. Но Ге от природы был слишком независимый человек, с величайшим отвращением относившийся ко всякого рода академиям и ко всему академическому. И одна мысль о том, что ему пришлось бы работать по указке, подделываясь под чужой вкус, приводила его в ярость, настолько подобная работа казалась ему нестерпимо унизительной.

Необходимо отметить одну очень существенную особенность характера Ге: осуществляя свои творческие задачи, он никогда не руководствовался материальными соображениями. Если законченный труд находил покупателя, это художнику доставляло удовлетворение, но никогда это не являлось самоцелью. Никогда, ни при каких обстоятельствах он не под-

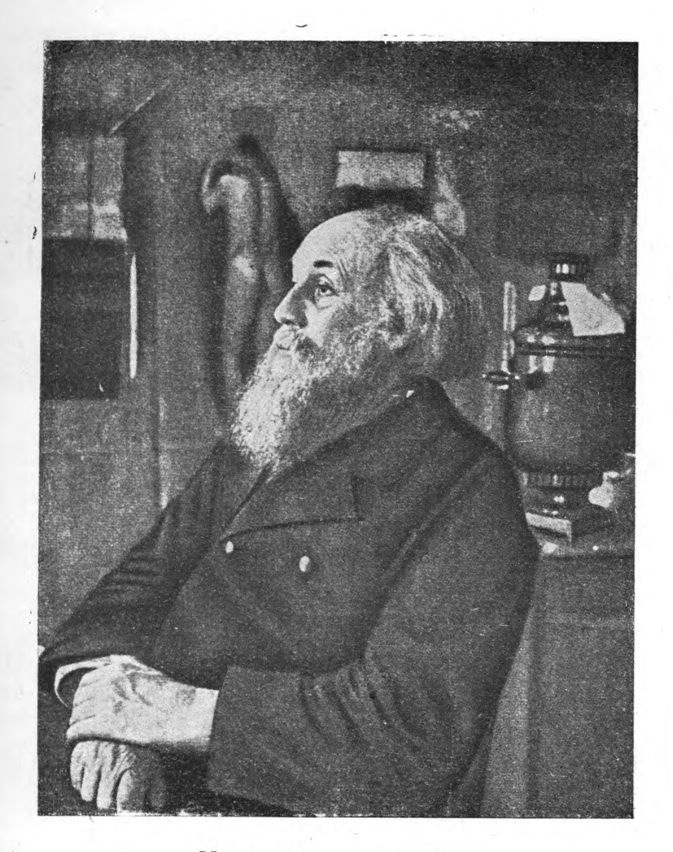
лаживался под вкус заказчика или покупателя. Этим между прочим объясняется неуспех Ге в качестве портретного живописца, а между тем никто не станет отрицать, что и в этой области он был первоклассный мастер.

И тем не менее необходимо было принять какое-то решение, необходимо было найти реальный выход из критического положения. У него была семья, состоявшая из жены и двух сыновей школьного возраста, следовательно, средства требовались не только для удовлетворения потребностей текущего момента, но необходимо было думать и об образовании детей. Мысль о надвигающейся катастрофе заставила прибегнуть к решительным мерам. Надо было самым спешным образом расстаться со своими столичными иллюзиями и подумать о переселении в маленькое именьице Черниговской губернии, приобретенное отчасти в долг, отчасти на кой-какие остатки средств, и для спасения положения посвятить себя работе на земле. Потребовалось несколько лет тяжелого и напряженного труда, покуда сыновья не получили возможности выступить на самостоятельную дорогу и тогда снова у Николая Николаевича ожили мечты об осуществлении оставленных под влиянием неблагоприятно сложившихся обстоятельств художественных задач.

В 1880 году художник напомнил о себе картиной „Милосердие“, появившейся на выставке передвиж-

ников. Эта вещь была больших размеров и сохранилась только в фотографических снимках. И тем не менее даже в том виде, когда о ней можно судить лишь со стороны композиции, она поражает значительностью замысла и говорит о том, что в авторе ее произошел какой-то важный перелом, и что годы отшельничества не прошли для него даром. Один из учеников художника, ныне здравствующий А. А. Куренной, в годы юности многие месяцы проводивший на хуторе Ге, сохранил живое воспоминание о крупных достоинствах этой работы. Особенно хорош был залитый ярким светом закатного солнца широко писанный пейзаж, составлявший сильный контраст с теневой фигурой стоящего на первом плане Христа — нищего. Картина не имела никакого успеха, и зрители и художники отнеслись к ней с полным равнодушием. Это пренебрежительное отношение к его работе передалось и самому Ге, так как он рассматривал эту картину, и между прочим совершенно несправедливо, как самое неудачное свое произведение и настолько неудачное, что даже уничтожил ее.

Наступила самая тяжелая пора. Художник находился на переломе, покинутый друзьями и своими бывшими единомышленниками, сомневающийся, колеблющийся, потерявший надежду встретить в комлибо поддержку. И вдруг, такое счастье — встреча с Толстым. Как все разом прояснилось и приняло

Николай Николаевич Ге.

С фотографии Л. М. Ковальского. Снимок сделан в Киеве в начале 1891 г.

праздничную окраску. Куда рассеялись колебания, неуверенность; то, что вчера казалось беспросветно трагичным, теперь ушло бесповоротно и совершенно потеряло всякую остроту. Ге нашел, наконец, верного друга и мощную опору в трудные минуты жизни. Он почувствовал почву под ногами, и его работа получила прочный стержень. Теперь он перестал страшиться одиночества, так как его идеи нашли выход, а его мысль постоянно освежалась путем общения с великим мыслителем. Бытовые неудобства показались пустяками, нестоящими внимания, перестало раздражать и высокомерное отношение художественной среды. Теперь, принимаясь за работу, художник руководствовался воодушевлявшим его желанием удовлетворить единственного зрителя, а уже удовлетворив его, он был уверен, что овладеет вниманием и всех остальных.

Трудно выразить всю силу счастья, каким был проникнут Ге. Он часто повторял, что только благодаря Льву Николаевичу ему удалось выйти из тупика и родиться к новой жизни. И тем не менее в области творческих приемов живописец сохранял за собой полную независимость мысли. В подтверждение сказанного можно отметить такой существенный факт: Толстой не вполне был согласен с выражением типа Христа Ге и в особенности в картине „Суд синедриона" и настоятельно просил, чтобы художник его смягчил и сделал доступнее, миловиднее. Но Ге с этим

никогда не мог согласиться и остался непоколебим, так как такой взгляд коренным образом противоречил его художественным воззрениям. По его пониманию красота лица человеческого заключается не в строгой каноничности, или в безупречных формах пропорции, а создается красотой положения. Самый безобразный физически человек, находясь в положении гонимого за великую идею, тем самым уже становится прекрасен. Таков в своей основе взгляд Ге на сущность человеческой красоты, выражаемой им в живописи, и поколебать его в этом не мог даже Толстой.

Некоторые разногласия не вносили и тени отчуждения в отношения друзей. Н. Н-ч находился в состоянии постоянного восхищения перед великой личностью своего друга. Он говорил: „Л. Н. заключает в себе необъятно огромный мир идей и образов. Каждый раз касаясь разрешения сложного вопроса, он дает может быть всего только тысячную часть из тех запасов, которые в нем таятся. Обыкновенно люди высказывают как будто умные и обстоятельные вещи, но за тем, что высказано у них, ничего не остается — одна пустота. Совсем другое Л. Н-ч. Он мне представляется в виде огромного сосуда, из которого содержимое проходит через маленькую воронку, и сколько бы через нее не вытекло, а все кажется, что содержимое сосуда не убывает“. В свою очередь и работа

Ге в глазах Толстого представляет предмет удивления. Наблюдая однажды за выполнением рисунков к разсказу „Чем люди живы“ — этой прекрасной и единственной в своем роде сюиты, по силе выражения равной оригиналу — он сказал:

— Удивительно, как это вы все помните — лица, положения, все приемы сапожной работы, все эти подробности...

Толстого поражало в рисунках друга то, что он по памяти так свободно воссоздавал людей и обстановку, а между тем это являлось в сущности его же собственным методом работы.

С неослабевающим вниманием Толстой следил за ходом творческой мысли своего друга, напряженно вникая в малейшие детали. Одно время у него явилась даже мысль дать комментарий к ряду подготовлявшихся к изданию небольших композиций на евангельские темы. Издание вследствии возникших цензурных затруднений не было осуществлено и сохранился только текст к „Тайной вечери“. Такое отношение со стороны Толстого послужило толчком огромному творческому подъему, в сильнейшей степени способствовавшему созданию последнего цикла картин на евангельские темы. Ге стал относиться с полным спокойствием к равнодушию публики, не страшили его и цензурные репрессии, настолько сильно в нем жила уверенность

в том, что плоды его деятельности время пощадит, и они займут видное место в истории живописи своей эпохи.

Начинается цикл „Выходом из тайной вечери“, этой прекрасной пейзажной элегией, где с чисто пуссеновским чувством выражена щемящая прелесть тишины лунной ночи.

В картине „Что есть истина“ в личностях Христа и Пилата дано представление о двух противоположных мирах, вечно находящихся в антогонизме друг с другом. В Пилате выражен мир самодовольного сибаритизма, утверждающего свою жизнь на внешних удобствах. В виде антитезы представлен Христос — мир гонимой, но в конце-концов, торжествующей идеи.

Новая страница открывает перед зрителем вид на душную мрачную комнату, где при вечернем свете, происходит фарс суда, когда судьба подсудимого уже заранее предрешена — это „Суд Синедриона“.

Затем следует изображение трагической ночи, когда совершилось предательство, когда Иуда, остановившись на каменистой дороге, мучимый сожалением, не может оторвать глаз от увлекаемого стражей учителя, это „Совесть“.

Наконец, цикл заканчивается „Распятием“, где показан с громадной живописной силой один из мучительнейших видов казни.

На каждой из этих картин Толстой неоднократно останавливал свое внимание. Но особенно долго он находился под впечатлением двух из них — „Что есть истина“ и „Распятие“. На этих двух картинах необходимо остановиться подробнее, тем более, что эту задачу облегчают сохранившиеся документы.

К концу жизни Н. Н. Ге мог, наконец, осуществить свою заветную мечту и посвятить свое время исключительно творчеству. В интервалы, в виде отдыха от художественных работ, он складывдл печи и производил эту работу по собственной системе удивительно искусно. Иногда по старой памяти выходил на полевые работы, но все это в качестве отдыха от основного дела. С лихорадочным подъемом отдавался живописи в зимние месяцы. Начиная с поздней осени подводились реальные итоги тому, что вынашивалось в течение весны и лета. Вероятно, в связи с такой повышенной деятельностью явилась потребность в более частых свиданиях с Л. Н. — чем, тем более, что потребность вызывалась обоюдным желанием. Обыкновенно в январе заканчивалась картина и художник отправляясь с ней в Петербург по пути заезжал к Толстому, предвкушая радость встречи и сгорая от нетерпения узнать, каково будет его впечатление от нового труда.

В феврале 1890 г. художник явился к Толстому со своей картиной „Что есть истина?“ Значение

слов, взятых за основу темы, Ге понимал по своему, подчеркивая, что смысл заключается в вопросе, проникнутом высокомерным сарказмом, тогда как Толстой придает этому месту оттенок иронического замечания, незаключающего в себе никакого вопроса.

Картина эта была выставлена у передвижников и обратила на себя внимание. Немногие сочувственные голоса потонули в шуме яростных нападок отрицателей. Последние, как стоящие у власти, оказали давление и картина была снята с выставки.

Николай Николаевич был огорчен запрещением картины, но мужественно переносил это и утешал себя мыслью о том, что каждая живая идея требует жертв. После этого запрещения картины он, между прочим, писал Бирюкову со своего хутора:

„По поводу картины я получил здесь два чрезвычайно хороших и дорогих мне письма: одно от студента, чрезвычайно восторженное, другое от присяжного поверенного... Да, я не жалуюсь и понимаю, что они должны были запретить. Не любя Христа, нельзя видеть правдивое его изображение. Язычникам и жрецам не это нужно. Им нужно боготворение тела; духа они не признают и не любят“.

Вообще картина была принята с некоторым недоумением. Лев Николаевич был огорчен, что одно из значительнейших художественных явлений остается непонятым. Неприятно поразил его и тот факт,

что крупный меценат того времени П. М. Третьяков из боязни пропустить что-нибудь значительное приобретавший даже второстепенные вещи, в то же время прошел мимо этой картины с полным равнодушием.

Тайком от своего друга Л. Н. написал Третьякову письмо, где указывал на его ошибку и в категорической форме утверждал, что картина эта составит эпоху в истории искусства. П. М. Третьяков, желая получить разъяснение по поводу этого положения, обратился к Л. Н. с письмом, на которое получил такой ответ (в феврале 1890 г.):

„Спасибо за доброе письмо ваше, почтенный Павел Михайлович.

„Что я разумею под словами: „картина Ге составит эпоху в истории христианского искусства?“ Следующее:

„Католическое искусство выражало преимущественно святых, Мадонну и Христа, как бога. Так это шло до последнего времени, когда начались попытки изображать его, как историческое лицо.

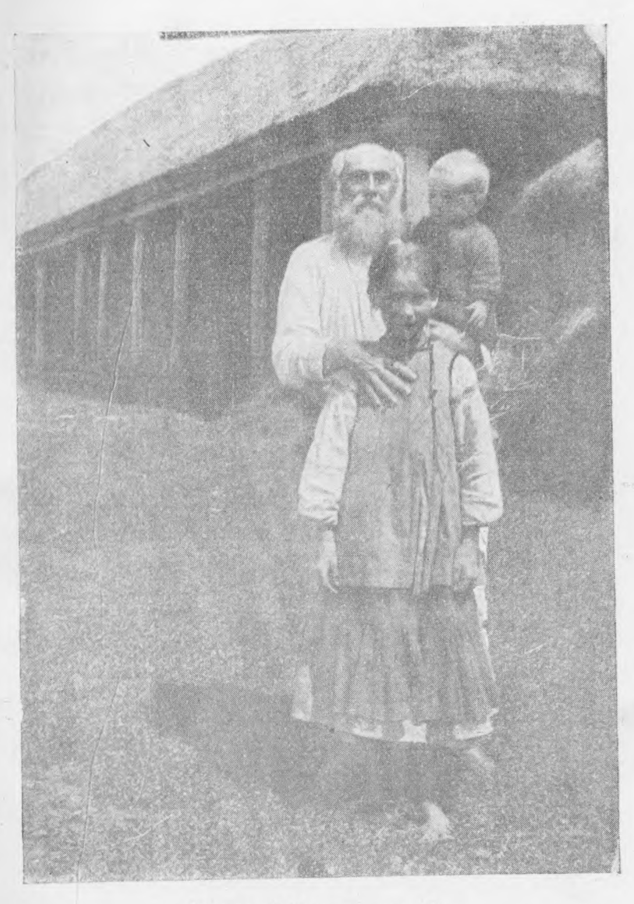
„Но изобразить как историческое лицо, то лицо, которое признавалось веками и признается теперь миллионами людей богом, неудобно: неудобно потому, что такое изображение вызывает спор, а спор нарушает художественное впечатление. И вот, я вижу много всяких попыток выйти из затруднения. Одни

прямо с задором спорили, — таковы у нас картины Верещагина, даже и Ге „Воскресение“, другие хотели трактовать эти сюжеты, как исторические, — у нас Иванов, Крамской, опять Ге „Тайная Вечеря“, третьи хотели игнорировать всякий спор, а просто брали сюжет, как всем знакомый, и заботились только о красоте, — Дорэ, Поленов, и все не выходило дело.

„Потом были еще попытки свести Христа с неба, как бога, и с пьедестала исторического лица на почву красивой обыденной жизни, придавая этой обыденной жизни религиозное освещение, несколько мистическое. Таковы Ге „Милосердие“ и французского художника „Христос в виде священника“, босой, среди детей и др., и все не выходило.

„И вот, Ге взял самый простой и теперь понятный после того, как он взял его, мотив: Христос и его учение не на одних словах, а на деле, в столкновении с учением мира, т.-е. тот мотив, который составлял тогда и теперь составляет главное значение явления Христа, и значение не спорное, такое, с которым не могут не быть согласны и церковники, признающие его богом, и историки, признающие его важным лицом в истории, и христиане, признающие главное в нем, его нравственное учение.

„На картине изображен совершенно с исторической верностью тот момент, когда Христа водили,

Николай Николаевич Ге
с внуками Парасей (Прасковья Ник. Ге) и Ваней.
Фотография Л. М. Ковальского, лето 1891 г.

мучили, били, таскали из одной кутузки в другую, от одного начальства к другому и привели к губернатору, добрейшему малому, которому нет дела ни до Христа, ни до евреев, ни до еще менее, до какой-то истины, о которой ему, знакомому со всеми учениями философов Рима, толкует этот оборванец, ему дело только до высшего начальства, чтобы не ошибиться перед ним. Христос видит, что пред ним заблудший человек, заплывший жиром, но он не решается отвергнуть его по одному виду и потому начинает высказывать ему сущность своего учения, но губернатору не до этого, он говорит: «Какая такая истина», и уходит. И Христос с грустью смотрит на этого непроницаемого человека.

„Таково было положение тогда, такое положение тысячи, миллионы раз повторяется везде, всегда между учениями истины и представителями сего мира. И это выражено на картине. Это верно исторически и верно современно и потому хватает за сердце всякого того, у кого есть сердце.

„Ну, вот такое отношение к христианству и составляет эпоху в искусстве, потому что такого рода картин может быть бездна и будет“.

Картина эта была действительно приобретена П. М. Третьяковым. Но прежде, чем быть выставленной в галлерее, она должна была совершить путешествие в Америку. Везти ее туда взялся присяжный поверенный Н. Д. Ильин, человек не ли-

шенный прожектерского духа, сильно увлекающийся, повидимому уверовавший в то, что из этого предприятия могут получиться большие материальные выгоды. Но, однако, все деньги в размере пяти тысяч рублей полученные от Третьякова, были употреблены на расходы по устройству выставки этой картины сперва в Гамбурге, Берлине и Ганновере, а затем в Балтиморе и Бостоне и на путевые издержки самого Ильина, но о какой либо прибыли не могло быть и речи.

Лев Николаевич с самого начала довольно скептически отнесся к этой поездке с картиной, но в то же время делал все возможное со своей стороны для успеха картины. С этой целью он написал большое письмо известному американскому публицисту Джорджу Кеннану, в котором выпукло отметил идейные и художественные достоинства картины и просил о том, что бы он взял на себя труд „содействовать пониманию ее американской публикой, растолковать ее“:

„My dear mr. Kennan. Несмотря на английское обращение, смело пишу вам по-русски, уверенный в том, что вы с вашим прекрасным знанием русского языка не затруднитесь понять меня. Не помню, отвечал ли я вам на ваше последнее письмо; если я этого не сделал, то, надеюсь, что вы за это не сердитесь на меня. С тех пор, как я с вами познакомился, я много и много

раз был в духовном общении с вами, читая ваши прекрасные статьи в Century, который мне удалось доставать без помарок. Последние статьи еще не прочтены мною, но я надеюсь достать их. В последнее время вспоминал о вас по случаю ваших, произведших такой шум во всей Европе, статей о Сибирских ужасах. Часть этих статей, не замаранная, дошла до меня в журнале Стэда, не помню каком — Pall Mal Budget или Revue of Revues. Очень, очень благодарен вам, как и все живые русские люди, за оглашение совершающихся в теперешнее царствование ужасов. Вы верно слышали про страшную историю повешения в Пензе двух крестьян из семи приговоренных к этому за то, что они убили управляющего, убившего одного из них. Это было в газетах, и даже в том освещении, которое дано этому правительственными органами, возбуждает страшное негодование и отвращение, особенно в нас, русских, воспитанных в сознании того, что смертная казнь не существует в нашем законодательстве. Помню, сколько раз молодым человеком я гордился этим, теперь же, с нынешнего царствования, смертная казнь получила у нас права гражданства и без всякого суда, т.-е. подобием его. Об ужасах, совершаемых над политическими, и говорить нечего. Мы ничего здесь не знаем. Знаем только, что тысячи людей подвергаются страшным мучениям оди-

ночного заключения, каторге, смерти, и что все это скрыто от всех, кроме участников в этих жестокостях.

„Разговорился я о том, что интересует вас и не может не интересовать меня; цель же моего этого письма вот какая:

„Нынешней зимой появилась на петербургской выставке передвижников картина Н. Ге — Христос перед Пилатом, под названием: „Что есть истина“ (Иоанн. XVIII, 38). Не говоря о том, что картина написана большим мастером (профессор академии) и известным своими картинами — самое замечательное „Тайная Вечеря“ — художником, картина эта, кроме мастерской техники, обратила особенное внимание всех силою выражения основной мысли, и новизной и искренностью отношения к предмету, как верно говорит, кажется, Swift, что: We Shall find that to be the best fruit which the birds have pitchin y at.

„Картина эта вызвала страшные нападки; до такой степени, что ее сняли с выставки и запретили показывать. Теперь один адвокат (я не знаю его), решился на свой счет и риск вести картину в Америку, и вчера я получил письмо о том, что картина уехала. Цель этого письма — та, чтобы обратить ваше внимание на эту, по моему мнению, составляющую эпоху в истории христианской живописи, картину, и если она, как я почти уверен, произведет на вас то же впечатление, как на меня, то я

хочу просить вас содействовать пониманию ее американской публикой, растолковать ее. Смысл картины, на мой взгляд, следующий: в историческом отношении она выражает ту минуту, когда Иисуса, после бессонной ночи, во время которой его, связанного, водили из места в место и били, привели к Пилату. Пилат живет только интересами метрополии и, разумеется, с презрением и некоторой гадливостью относится к тем смутам, да еще религиозным, грубого суеверного народа, которым он управляет. Тут-то происходит разговор (Иоанн, XVIII, 33, 38), в котором добродушный губернатор хочет спуститься, en bon prince, до варварских интересов своих подчиненных, и, как это свойственно важным людям, составил себе понятие о том, о чем он и спрашивает, и сам вперед говорит, не интересуясь даже ответом. С улыбкой снисхождения (я полагаю) все говорит: так ты — царь. И Иисус измучен, и одного взгляда на это выхоленное, самодовольное, отупевшее от роскошной жизни лицо достаточно, чтобы понять ту пропасть, которая их разделяет, и невозможность или страшную трудность для Пилата понять его учение. Но Иисус помнит, что и Пилат человек и брат, заблудший, но брат, и что он не имеет права не открывать ему ту истину, которую он открывает людям, и он начинает говорить (37). Но Пилат останавливает его на слове — истина. Что может оборванный

нищий сказать ему, другу и собеседнику римских поэтов и философов, сказать об истине? Ему не интересно дослушивать, что ему может сказать этот еврей и даже немножко неприятно, что этот бродяга может вообразить, что он может поучать римского вельможу, и потому он сразу останавливает его и показывает ему, что об этом слове и понятии „Истина“ думали люди умные, поумнее, поученее и поутонченнее его и его евреев, и давно уже решили, что нельзя знать, что такое истина, что истина — пустое слово. И сказав: „что есть истина“, и повернувшись на каблучке, добродушный и самодовольный губернатор уходит к себе. А Иисусу жалко человека и страшно за ту пучину лжи, которая отделяет его и таких людей от истины, и это выражено на его лице. Достоинство картины, по моему мнению, в том, что она правдива (реалистична, как говорят теперь) в самом настоящем значении слова. Христос не такой, какого приятно было бы видеть, а именно такой, каким должен быть человек, которого мучили целую ночь и ведут мучить. И Пилат такой, каким должен быть губернатор. Эпоху же в христианской живописи эта картина производит потому, что она устанавливает новое отношение к христианским сюжетам. Это не есть отношение к христианским сюжетам, как историческим событиям, как это требовали многие и всегда неудачно, потому что отречение Наполеона

или смерть Елизаветы представляет нечто важное по важности лиц изображаемых; но Христос в то время, когда действовал, не был не только важным, но даже и заметен, и потому картины из его жизни никогда не будут историческими: отношение к Христу, как к Богу, произвело много картин, высшее совершенство которых давно уже позади нас. В настоящее время делают попытки изобразить нравственное понимание жизни и учение Христа. И попытки эти до сих пор были неудачны. Ге же нашел в жизни Христа такой момент, который важен был для него, для его учения и который точно так же важен теперь для всех нас и повторяется везде и во всем мире, в борьбе нравственного разумного сознания человека, проявляющегося не в блестящих сферах жизни, с преданиями утонченного добродушного и самоуверенного насилия, подавляющего это сознание. И таких моментов много, и впечатление, производимое изображением таких моментов, очень сильно и плодотворно".

Конечной целью был поставлен Нью-Йорк, но картину не удалось там выставить из-за отсутствия средств. Мало того, одно время самой ее сохранности грозила большая опасность. Однако, П. М. Третьяков пришел во-время на помощь, прислав деньги на обратную пересылку картины и только благодаря этому она вернулась обратно в Третьяковскую Галлерею. Сам же Ильин окончательно разочаровавшись в предпринятом деле, из ревност-

ного почитателя Ге и Толстого превратился в их непримиримого врага.

Над „Распятием“ художник работал много и долго периодически в несколько приемов. По словам невестки художника, Екатерины Ивановны Ге, Николай Николаевич начал писать „Распятие“ еще в 1884 г. В своих записках она отмечает: „Я никак не думала, что он эту картину напишет, столько он ее переписывал и так с нею мучился. Все был недоволен выражением своей мысли“. Все это оттого, что Ге не любил находиться у своей работы на поводу. Он не любил, подобно многим художникам, зависеть от случайной удачи. Он упрямо направлял свое задание по определенному руслу, безжалостно кромсая, ломая, всячески выкраивая, переделывая видоизменяя как мысль, так и форму.

Принявшись со всей страстью (а он всегда во всех делах проявлял большую страстность) он убедился, что работа еще не созрела. Временами она заслоняется другими задачами, временами снова начинает овладевать вниманием и, наконец, с весны 1892 года уже окончательно занимает всю мысль и все внимание.

Все лето этого года художник усиленно работал над „Распятием“, трактуя распятых традиционно висящими на крестах. Как результат работы этого характера, кроме альбомных рисунков, сохранилась большая картина, исполненная с необычайной силой.

Н. Н. Ге с семьей своего сына Н. Н. Ге—младшего. Слева вверху сам художник, рядом с ним Н. Н-ч. — младший. В нижн. ряду слева направо: Прасковья Ник. (Парася), в середине жена Н. Н-ча—сына—Агафья Ивановна, мален ький Ванечка и А. Э. Владыкина.

Фотография Л. М. Ковальского, лето 1891 г.

Над ней работал художник отчасти в мастерской, а отчасти под открытым небом, в саду. Фигуры Христа и разбойника штудировались с натуры и это значительно усилило впечатление правдивости, так как форма получила осязательность Позировать для этой картины было своего рода большим подвигом. Особенно мучительной была поза для распятого Христа. По обоим концам горизонтальной перекладины были прикрепленны из туго скрученных полотенец петли; в них вдевались кисти рук и тело повисало в воздухе, находя крайне слабую опору лишь в ступнях ног, опиравшихся на палку, продетую в отверстие столба; но так как колени вследствие тяжести туловища были согнуты до предельной возможности, то опора была крайне незначительна. Висеть в таком положении дольше трех минут было невозможно, так как плечевые связки страшно напрягались, а в запястьях рук, зажатых холщевой петлей, ощущалась нестерпимая боль. Эта картина сохранилась в несколько пострадавшем виде. Вследствие недостатка в холстах Н. Н-ч вознамерился ее счистить и уже соскоблил почти всю второпланную фигуру удаляющегося солдата. Спасла от гибели картину счастливая случайность. Оказалось что масляные краски так плотно соединились с грунтом холста, что счистить их, не повредив полотна, не представлялось возможным. Благодаря этому обстоятельству картина уцелела и на-

ходится теперь в Люксембургском Музее в Париже.

Тут попутно необходимо исправить ошибку, допущенную Н. Н. Ге—сыном в изданном им альбоме произведений отца, в котором эта картина отнесена к 1893 году. Подобная же неточность допущена и в отношении воспроизводимого здесь автопортрета. Он окончен, как свидетельствует случайно сохранившаяся у меня запись 24 сентября 1892 года, тогда как в „Альбоме" это произведение также отнесено к 1893 году.

Перелом в трактовке сюжета произошел вследствие письма Толстого (22 сентября 1892 г.), указавшего на картину шведского художника, где Христос и разбойники распяты так, что ноги стоят на земле. Для Ге это сообщение было ударом грома. В ожидании присылки репродукции с картины шведского художника, он начал совершенно новую композицию, где распятые не висят, а стоят на земле, привязанные к крестам. И тем не менее всю осень 1892 года Ге находился в страшном смятении, так как он никак не мог остановить свой выбор композиционного разрешения сюжета. Идеи и образы бурлили в нем с необычайной силой, и художник менял до бесконечности форму и положение фигур, каждый раз придавая новые оттенки выражению лиц. Сперва он разрабатывал сюжет, направляя все свои силы на разрешение психологи-

ческого смысла события, где главные лица трагедии, превозмогая физические муки, были представлены в состоянии покоя. Картина в этом виде к середине ноября была совершенно закончена, но вскоре уничтожена художником, и след ее сохранился только в фотографическом снимке, сделанном учеником мастера, Л. М. Ковальским.

После уничтожения этой картины начала нарастать тревога, и художником овладело страшное беспокойство. Очень ясно его вижу, как он в блузе, сшитой Марьей Львовной, с засученными по локоть рукавами, стоит у мольберта. Уверенная рука напряженно вытянута во всю длину. Послушная кисть стремительно бегает по холсту, то еле касаясь его, то усиливая удары. Крупные капли пота покрывают его великолепный сократовский череп, а он совершенно отрешившись от окружающего, весь целиком находится во власти нахлынувших на него образов. Порой он доходил до галлюцинаций. Был один момент когда он, подпав под влияние преследовавших его видений, оторвался от реальной основы: тогда ему начинал грезиться призрак пролетающего в воздухе Христа, лобызающего измученного разбойника, блаженно в ответ улыбающегося в предсмертном забытьи.

Но большею частью художник оставался в пределах реального понимания события. Одна из таких картин, необыкновенно ярко выражавшая событие,

сохранилась в моей памяти На ней был изображен уже умерший Христос (центральная фигура). На первом плане двое солдат спиной к зрителю, у одного из них полено в руке, которым он только что раздробил колени одному из распятых разбойников. Другой разбойник, которого ожидает такая же участь, находится в страшном смятении и ищет для себя опоры в умершем Христе, обращая к нему заплаканное лицо.

Таких картин, сменявших на одном и том же полотне одна другую, было несколько десятков.

Чтобы продолжать дальше работу, требовался отдых, а для этого необходимо было переменить обстановку. Ге совершил очередную поездку в Москву и Петербург в начале февраля 1893 года, повидался с Толстым и его семьей, освежил свои художественные впечатления. По возвращении все лето и осень шла усиленная работа, но характер этой работы на этот раз был более спокойный, так как основной смысл произведения уже был найден. К концу января 1894 года „Распятие“ окончательно было готово, а в первой половине февраля художник появился в Москве.

Сам Ге описывает содержание своей последней картины в сжатой, но необыкновенно выразительной форме: „Христос на кресте умирает. Около него рвется с креста к умирающему разбойник в ужасе; только что полюбил он в первый раз, узнал любовь

и теряет самое дорогое — Христа, который зажег в нем жизнь, любовь, правду. Этому ужасу, этому горю вторит буря; облака пыли, песка сливают небо с землей, — тьма надвигается, чтобы закрыть все".

„11 февраля 1894 года, — вспоминает П. И. Бирюков,—мы всей компанией двинулись в Москву.

„Там нас ожидала новая картина Ге. Так как она предназначалась для публичной выставки в Петербурге, то ее нельзя было выставить публично в Москве, и Н. Н. поместил ее в одной частной мастерской, на Долгоруковской улице. Выставив картину надлежащим образом, с хорошим верхним светом, Н. Н. Ге пригласил посмотреть ее Л. Н—ча. Мне пришлось быть свидетелем торжественной и умилительной сцены. Два друга, два великих художника, поставивших целью своей жизни воплотить в искусстве новый христианский идеал, были в этот момент соединены одним сознанием, через которое, как через хороший проводник, передавался таинственный ток художественного созерцания. Волнение их достигло высшего предела, когда Л. Н — ч вошел в мастерскую и остановился перед картиной, устремиив на нее свой проницательный взгляд. Н. Н. Ге не выдержал этого испытания и убежал из мастерской в прихожую. Через несколько минут Л. Н — ч пошел к нему, увидал его, смиренно ждущего суда, он протянул к нему руки, и они бросились друг другу в объятия. Послышались тихие

сдержанные рыдания. Оба они плакали, как дети, и мне слышались сквозь слезы произнесенные Л. Н — чем слова: „Как это вы могли так сделать“.

„Н. Н. Ге был счастлив. Экзамен был выдержан, но в этом триумфе уже чувствовалась новая трагедия. Картина так сильна, что власти не допустят ее до публичной выставки. Так и случилось.

„Много народу перебывало в этой маленькой мастерской. По просьбе Н. Н. Ге, я оставался в ней дежурить для приема посетителей. Когда посетители уходили и я оставался один, меня охватывало какое-то жуткое благоговейное чувство, как-будто я сторожил тело дорогого покойника.

„Н. Н. вскоре увез картину в Петербург и представил ее на выставку. Президент Академии Художеств великий князь Владимир Александрович посмотрел на картину, отвернулся и произнес: „это бойня“. Этого слова было достаточно, чтобы картину сняли. Новое волнение для Н. Н. Хотя он и ожидал этого, но надежда не покидала — надежда показать большой публике, массе среднего люда, тысячами посещающего выставку в Петербурге и других городах, куда ее перевозят, — показать, как он понимает распятие, с его беспощадным реализмом и с его идеальным представлением о миссии Христа.

„Ему удалось после снятия картины с выставки, выставить ее в квартире его друга Алекс. Ник.

Страннолюбского. Тысяча людей видели ее там, но это была избранная публика, а не та, с которой хотел говорить художник“.

Насколько сильное впечатление произвела картина на Толстого, указание на это находим и в письмах самого художника. В письме к сыну (середина февраля 1894 года):

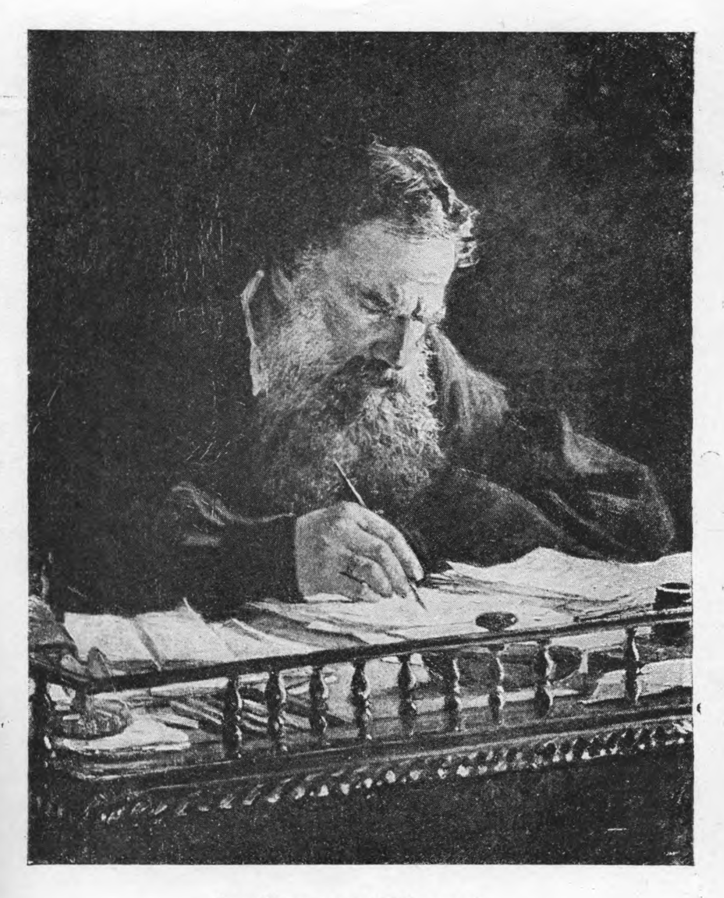
„Дорогой Количка, 25 я перееду в Петербург. Здесь я живу у Толстых, которых все более и более люблю. Таня уехала в Париж за Левой Поша и Женя здесь, я каждый день их вижу Картина сделала впечатление потрясающее, человек 300 ее видели. Л. Н. очень доволен. Солдатенков заказал мне повторение. Еду в Петербург и боюсь, но иногда мне кажется, что страх напрасный. Напиши, дорогой, где ты, что думаешь. Что Зоя, здорова ли? Целую тебя и твоих. Любящий Н. Ге“.

Еще ярче это же самое выражено в письме ко мне (21 марта):

„Милый Степан Петрович, получил ваше дорогое письмо — не унывайте, крепитесь, лето все поправит вот скоро вернусь домой и вас позову, будем опять работать. Картина свое сделала. Толстой в восторге, залился слезами и сказал: „Так должно было быть. Вы ничего не сделали лучше этого“. Все, все одинаково относятся к картине. Как вы, милые мои друзья, так и здесь. Ходят и смотрят картину —

она пойдет в Лондон с выставкой товарищества. А на ругань отвечать не стоит. Бог с ним, он сам может проснется. Целую вас всех и люблю. Ваш Николай Ге“.

Запрещение картины мало огорчило художника, так как это не явилось для него неожиданным ударом. Такой исход предрешался запрещением двух предыдущих картин: „Что есть истина“ и „Суд Синедриона“ („Повинен смерти“). И трудно было ожидать, чтобы правительство отнеслось более снисходительно к последней картине, где острота мысли и живость и непримиримость воззрений обнаружились с исключительной наглядностью и с большой живописной силой. Те немногие, кто помнит еще художника в этот последний год его жизни, скорее были поражены необыкновенным подъемом клокотавших в нем сил. Законченная после ряда лет усилий работа уже отошла в историю. На нее можно было оглядываться с удовлетворением, так как она достигла цели, сделала свое дело. Возникали новые идеи, новые задачи влекли к себе. В живом воображении возникали иные образы, зарождалось желание перепланировать заново жизнь. Он чувствовал, какие громадные возможности заложены в нем, чувствовал себя во всеоружии техники и чувствовал в себе силы осуществить то, что назрело. „Да я ведь и в самом деле молод, мне всего двенадцать лет“, любил он в это время повторять полу-шутя полу-серьезно, устанавливая дату своего рождения

Лев Николаевич Толстой.

Портрет работы Н. Н. Ге (январь, 1884). Третьяковская галлерея.

со дня знакомства с Львом Николаевичем. И в самом деле, он был необыкновенно молод духом, бодр телом и необыкновенно свеж и поразительно отзывчив. Все его трогало, события и люди чрезвычайно интересовали.

Как раз в это время у него наступило разочарование в деятельности товарищества Передвижных выставок. Основания для этого разочарования были более чем уважительные. Члены товарищества, позабыв все протесты и всю свою двадцатипятилетнюю борьбу против Академии Художеств и ее рутины, теперь взапуски устремились на казенные места в эту же самую столь до сих пор презираемую Академию. Ге тяжело было оставаться безмолвным зрителем такого унижения. У него возникло твердое решение отмежеваться от своих товарищей и даже больше того — прекратить с ними всякие отношения. Он поставил себе задачей тщательно, во всех подробностях документально проработать историю передвижничества за первые двадцать пять лет существования, показать причины, вызвавшие появление к жизни, причины успеха, осветить также и причины, приведшие к упадку. Это он готовил к ближайшему годичному собранию товарищей, повторяя: „прочту некролог товарищества и сам уйду". Проживи он еще год, несомненно так бы и произошло. Ему становилось тесно в замкнутом кружке, откуда, по его мнению, жизнь начинала

уходить. Больше чем когда-либо художника занимала мысль о поездке в Лондон и Париж. Ему страстно хотелось окунуться в европейскую художественную жизнь. Им овладело желание поближе познакомиться с современной французской живописью. Он преклонялся перед Миллэ, рассматривая его, со свойственным ему оригинальным уклоном мысли, как крупнейшего и оригинальнейшего выразителя религиозного чувства в живописи. Ему также хотелось поближе познакомиться с представителями французского импрессионизма, за деятельностью которых он издали следил с живейшим интересом.

Словом, очень заметно чувствовались признаки какого-то решительного перелома в деятельности большого мастера. И это полное энергии и силы движение вдруг резко оборвалось. Перед тем как приняться за работу он навестил своих киевских друзей и учеников, затем поехал проведать семью своего младшего сына Петра Николаевича, находившуюся в то время в г. Нежине, Черниговской губернии. Возвращаясь отсюда в ночь с 31 мая на 1 июня к себе домой, уже у самого дома Николай Николаевич почувствовал себя худо и через несколько часов скончался. Эта неожиданная кончина потрясла друзей, родных и знакомых и особенно болезненно поразила Льва Николаевича. В целом ряде писем этого времени к своим друзьям и в днев-

нике его отражается то впечатление, до какой степени он был потрясен этой потерей.

Впечатление от этой потери отразилось с необычайной силой в письме к В. В. Стасову от 12 июня 1894: „Владимир Васильевич! Очень рад, что вы цените деятельность Ге и понимаете ее. По моему мнению это был не то что выдающийся русский художник, а это один из великих художников, делающих эпоху в искусстве. Разница наших с вами воззрений на него та, что для вас та христианская живопись, которой он посвящал исключительно свою деятельность, представляется одним из многих интересных исторических сюжетов для меня же, как это было и для него, — христианское содержание его картин было изображение тех главных важнейших моментов, которые переживает человечество, потому что движется вперед человечество только в той мере, в которой оно исполняет ту программу, которая поставлена ему Христом и которая включает в себя всю какую может интеллектуальную жизнь человечества. Это мое мнение отчасти и отвечает на ваш вопрос, почему я говорю о Христе. Не говорить о Христе, говоря о жизни человечества и о тех путях, по которым оно должно итти, и о требованиях нравственности для отдельного человека, все равно, что не говорить о Копернике или Ньютоне, говоря о небесной механике. О боге же я говорю потому, что это понятие са-

мое простое, точное и необходимое, без которого говорить о законах нравственности и добра так же невозможно, как говорить о той же небесной механике, не говоря о силе притяжения, которая сама по себе не имеет ясного определения. Так же как Ньютон для того, чтобы объяснить движение тел, должен был сказать, что есть что-то похожее на притяжение тела „quasi attrahantur“, так и Христос, и всякий мыслящий человек не может не сказать, что есть что-то такое, от чего произошли мы и все, что существует, и как будто по воле которого все и мы должны жить. Вот это есть — бог, понятие очень точное и необходимое. Избегать же этого понятия нет никакой надобности, и такой мистический страх перед этим понятием ведет к очень вредным суевериям. Ге письма я вам соберу, соберу его письма к дочерям. Его разговоры, в особенности об искусстве, были драгоценны. Я по прошу дочь записать их и помогу ей в этом. Особенная черта его была необыкновенно живой блестящий ум и часто удивительно сильная форма выражения. Все это он швырял в разговорах. Письма же его небрежные и обыкновенные. Желал бы очень повидаться. *Лев Толстой*“.

14 июня он писал Ив. Ив. Горбунову:

„От смерти нашего друга не могу опомниться, не могу привыкнуть. Какая удивительная таинствен-

ная связь между смертью и любовью. Смерть как-будто обнажает любовь, снимая то, что скрывало ее, и всегда огорчаешься, жалеешь, удивляешься, как мог так мало любить или, скорее, проявить эту любовь, которая связывала меня с умершим. И когда его нет, того, кто умер, чувствуешь всю силу связывающей тебя с ним любви. Усиливается, удесятеряется проницательность любви, чего не видал прежде или видел, но как-то совестился высказывать, как будто это хорошее было уже что-то излишнее. Это был удивительный, чистый, нежный, гениальный старик ребенок, весь по края полный любовью ко всем и ко всему, как те дети, подобными которым надо быть, чтобы вступить в царство небесное.

„Детская у него была и досада и обида на людей, не любивших его и его дело. Он, которому должен был поклоняться весь христианский мир, был вполне счастлив и сиял, если его труды оценивались гимназистом и курсисткой.

„Как много было людей, которые прямо не верили ему только потому, что он был слишком ясен, прост и любезен со всеми. Люди так испорчены, что им казалось, что за его добротой и лаской было что-то, а за ней ничего не было, кроме бога любви, который жил в его сердце.

„А мы так плохи часто, что нам совестно, неловко видеть этого бога любви: он обвиняет нас, и мы отворачиваемся от него. Я говорю не про

кого-нибудь, а про себя. Не раз я отворачивался от него. Просто мало любил. Ну, зато теперь больше люблю. И он не ушел от меня. Знаю, где найти его — в боге. Поднимает такая смерть, такая жизнь.

„От Петруши, его сына, было длинное письмо, описывающее его последние дни и смерть. Он только-что готовился работать, был в полном обладании духовных сил. Был весел, приехал домой, вышел из экипажа, ахнул несколько раз и помер“.

Подобное же впечатление Л. Н — ч выражает в в письме к Дм. Ал. Хилкову:

„... Не могу привыкнуть к смерти Ге старшего Н. Н. (Вы верно знаете). Подробностей печати никаких не знаю. Только было письмо Колечки, что он вернулся домой, сказал, что ему дурно, слез с извозчика, стал задыхаться и умер. Редкая смерть так поражает меня. Уж очень он жив был и очень был хорош, просто хорош, так что доброта его не замечалась, а принималась как что-то самое естественное и потом мне казалось, что он так много еще может и должен сделать. Очевидно мы никак не поймем, что человеку нужно и должно сделать, и полагаем, что нужно, чего вовсе не нужно, и, главное, не видим, зачем и когда нужно умереть. Вы верно также очень любили и любите его. Он очень любил и любит вас. От Колечки ныне получено письмо, что он присылает к нам все его картины. Были вы у него? Нет, кажется. Картины

на меня мало действуют, но его распятие нынешнего года — удивительная картина. В первый раз все увидели, что распятие — казнь и ужасная казнь".

Тогда же он писал Леониле Фоминишне Анненковой:

„Не помню, чтобы какая-нибудь смерть так сильно действовала на меня. Как всегда при близости смерти дорогого человека стала очень серьезна жизнь, яснее стали мои слабости, грехи, легкомыслие, недостаток любви, одного того, что не умирает, и просто жалко стало, что в этом мире одним другом, помощником, работником меньше".

Позднее, уже в августе, он написал Николаю Семеновичу Лескову:

„О Ге я не переставая думаю, не переставая чувствую его, чему содействует то, что его две картины Суд и Распятие стоят у нас, и я часто смотрю на них, и что больше смотрю, тем больше понимаю и люблю.

„Хорошо было бы, если бы вы написали о нем. Должно быть, я напишу. Это был такой большой человек, что мы все, если будем писать о нем с разных сторон, — мы едва ли сойдемся, т.-е. повторять друг друга".

То же отражение впечатления смерти друга мы находим и в дневнике того времени. Сначала он выражает мысль подобную той, которую он выразил в письме к Горбунову.

13 июня он записывает:

„Какая-то связь между смертью и любовью.

„Любовь есть сущность жизни, и смерть, снимая покров жизни, оголяет, ее сущность, любовью.

„Когда человек умер, только тогда узнаешь, насколько любил его“.

И, заговорив о любви, он продолжает развивать свою мысль:

„Все, что вижу: цветы, деревья, небо, земля, все это — мои ощущения. Ощущения же мои суть не что иное, как сознание пределов моего — „я“. „Я“ стремится расшириться и в этом стремлении сталкивается с своими пределами в пространстве, и сознание этих пределов дает ему ощущение, а ощущения он объективирует в цветы, деревья, землю, небо.

„Потом подумал: что же такое любовь? Зачем любовь, когда жизнь состоит в этих столкновениях с своими пределами? Столкновения с этими пределами необходимы, и в этих столкновениях игра жизни. При чем тут любовь? Не помню как, но это представление жизни упраздняло любовь, делало ее ненужной. И на меня нашло сомнение и уныние. Не выдуманое ли все то, что думаю и говорю о любви? Правда, что не один говорю про нее, не я выдумал это. А давно и все. Но хотя это и дает вероятие, что есть что-то, все-таки не самообман ли это?

Николай Николаевич Ге—младший, 1884 г.
Собств. Н. Н. Ге. Женева.

„Пошел дальше и подумал: да почем же я знаю, что я — я, а что все то, что я вижу, есть только предел меня? Кроме сознания пределов есть еще сознание себя — того, что сознает пределы. Что же это сознание? Если оно чувствует пределы, то оно по существу своему беспредельно и стремится выйти из этих пределов. Чем же я могу выйти из этих пределов? Чем могу проникнуть за них?

„Только тем, чтобы любить то, что за пределами. Так что любовь уничтожает пределы, соединяя того, кто любит, с тем, что за пределами, с Богом, с любовью.

„Посредством любви человек разрушает ограничивающие его пределы, может делаться беспредельным, богом. Сначала человек уничтожает эти пределы между ближайшими к нему понятнейшими существами, потом между более отдаленными, труднее постигаемыми.

„Но как же питаться, не убивая растений, не давя траву, насекомых, т.-е. не нарушая любви? Стало быть, как ни увеличивай пределы в этом мире, немыслимо осуществление полной любви, т.-е. уничтожение пределов между собой и миром.

„Невозможно полное осуществление, но возможно бесконечное приближение.

„Но мир этот не один, — есть другие миры, в которых осуществление, вероятно, возможно. Чело-

век с одной стороны приближает в этом мире осуществление царства бога, т.-е. любви; с другой— сам готовится к той жизни, в которой это возможно".

В заключение необходимо привести два письма к П. М. Третьякову, так как в них необыкновенно выпукло отражается отношение Льва Николаевича к личности друга и к его творчеству. Первое из них 14 июня 1894 г.:

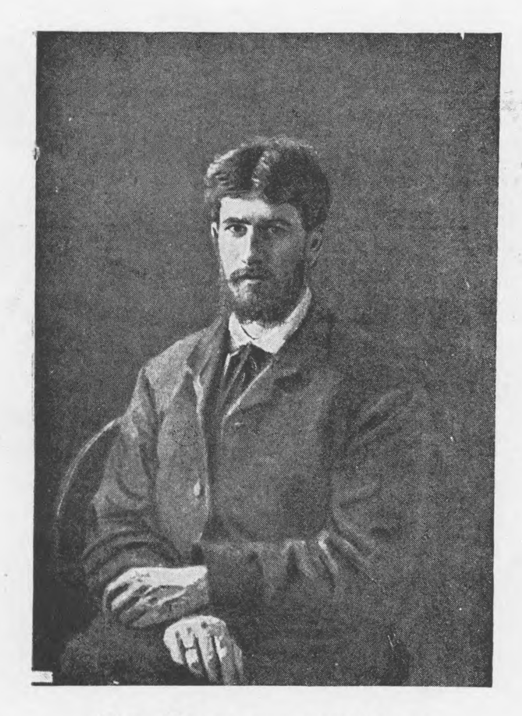
„Павел Михайлович, вот пять дней уже прошло с тех пор, как я узнал о смерти Ге, и не могу опомниться. В этом человеке соединялись для меня два существа — три даже — 1) один из милейших, чистейших и прекраснейших людей, которых я знал, 2) друг, нежно любящий и нежно любимый не только мной, но и всей моей семьей от старых до малых, и 3) один из самых великих художников, не говорю России, но всего мира. Вот об этом-то третьем значении Ге мне и хотелось сообщить вам свои мысли. Пожалуйста, не думайте, чтобы дружба моя ослепляла меня: во-первых, я настолько стар и опытен, чтобы уметь различить чувство от оценки, а во-вторых, мне незачем из дружбы приписывать ему такое большое значение в искусстве: мне было бы достаточно восхвалять его, как человека, что я и делаю, и что гораздо важнее.

„Если я ошибаюсь, то ошибаюсь не из дружбы, а оттого, что имею ложное представление об искус-

стве. По этому же представлению, которое я имею об искусстве, Ге между всеми современными художниками, и русскими и иностранными, которых я знаю, все равно, что Мон-Блан перед муравьиными кочками. Боюсь, что это сравнение покажется вам странным и неверным, но если вы станете на мою точку зрения, то согласитесь со мной. В искусстве, кроме искренности, т.-е. того, дабы художник не притворялся, что он любит то, чего не любит, и верит в то, во что не верит, — как притворяются многие теперь будто бы религиозные живописцы,— кроме этой черты, которая у Ге была в высшей степени, — в искусстве есть две стороны: форма— техника и содержание — мысль. Форма-техника выработана в наше время до большого совершенства. И мастеров по технике в последнее время, когда обучение стало более доступно массам, явилось огромное количество, и со временем явится еще больше. Но людей, обладающих содержанием, т.-е. художественной мыслью, т. е. новым освещением важных вопросов жизни, таких людей, по мере усиления техники, которой удовлетворяются мало развитые любители, становилось все меньше и меньше, и в последнее время стало так мало, что все, не только наши выставки, но и заграничные салоны наполнены или картинами, бьющими на внешний эффект, или пейзажи, портреты, бессмысленные жанры и выдуманные исторические или ре-

лигиозные картины, как Уде или Беро, или наш NN. Искренних же, содержательных картин, нет. Ге же главная сила в искренности, значительном и самом ясном доступном для всех содержании. Говорят, что его техника слаба, но это неправда. В содержательной картине всегда техника кажется плохой, для тех особенно, которые не понимают содержания. А с Ге это постоянно происходило. Рядовая публика требует Христа иконы, на которую ей молиться, а он дает ей Христа живого человека, и происходит разочарование и неудовлетворение, вроде того, как если бы человек готовился выпить вина, а ему в рот влили воды. Человек с отвращением выплюнет воду, хотя вода здоровее и полезнее вина.

„Я нынче зимой был три раза в вашей галлерее и всякий раз невольно останавливался перед „Что есть истина?“ совершенно независимо от моей дружбы с Ге и забывая, что это его картина. В эту же зиму у меня были два приезжие умные и образованные крестьянина: один из Самары, другой из Тамбова. Я посоветовал им сходить в вашу галлерею. И оба, несмотря на то, что я им ничего не говорил про картину Ге — оба они были в разное время — были более всего поражены картиной Ге. „Что есть истина?“ Пишу вам это мое мнение затем, чтобы посоветовать приобрести все то, что осталось от Ге, так, чтобы ваша, т. е. национальная

Петр Николаевич Ге (1884 г.).
Всеукраинский музей в Киеве.

русская галлерея не лишилась произведений самого своего лучшего живописца с тех пор, как существует русская живопись.

Очень жалею, что не видел вас нынче зимой. Желаю вам всего хорошего. Любящий вас *Лев Толстой*".

Второе письмо 15 июня 1894 года:

„Павел Михайлович! В дополнение к тому, что писал вам вчера, хочется сказать вам еще следующее: различие главное между Ге и NN еще в том, что Ге открывает людям то, что впереди их, зовет их к деятельности и добру и опережает свое время на столетие, тогда как NN зовет людей назад, в тот мрак, из которого они с такими усилиями и жертвами только что выбираются, зовет их к неподвижности, суеверию, дикости и отстает от своего времени на столетие. Простите, меня, пожалуйста, если я своими суждениями огорчаю или оскорбляю вас. Признаюсь, — меня волнует и поражает то, что я в вас встречаю то суждение, которое свойственно только людям, равнодушно и поверхностно относящимся к искусству. Ведь если есть какое-нибудь оправдание всем тем огромным трудам людей, которые сосредоточены в виде картин в вашей галлерее, то это оправдание только в таких картинах, как Христос Крамского и картины Ге, и, главное, его картина „Что есть истина?" И вы эту-то самую картину, которая одна во всем вашем собра-

нии сильнее и плодотворнее других трогает людей, вы-то считаете недостойной стоять в одном здании с дамой Лемана и т.-п. Вы говорите „Распятие“ нехудожественно. Да художественных картин не оберешься! Рынок завален ими. Но горе в том, что они никому ни на что не нужны, и только обличают праздность и роскошь богатых, служат уликой им в грехах. А искренних — содержательных— нет, или очень, очень мало. А только одни такие картины имеют право существовать, потому что нравственно служат людям. Ну, да я знаю, что я не убежу вас, да это и не нужно. Произведения настоящие, нужные человечеству, как картины Ге, не погибают, а своим особенным путем завоевывают себе признание. Оно иначе и быть не может. Если бы гениальные произведения были сразу всеми поняты, они бы не были гениальными произведениями. Могут быть произведения непонятны и вместе с тем плохи, но гениальное произведение всегда было и будет непонятно большинству в первое время.

Еще раз простите меня, если был вам неприятен резкостью тона и примите уверение в совершенном моем уважении. *Л. Толстой*“.

Толстой сохранил до конца дней во всей свежести глубокую нежность чувства к живой личности своего друга. А. Б. Гольденвейзер зафиксировал

в своем дневнике очень ценную подробность, подтверждающую справедливость сказанного. 10 июня 1910 г. он отмечает:

„За шахматами Ге (сын художника) и Трубецкой рисовали Л. Н-ча. Потом Ге подсел ближе к нам.

Л. Н. сказал ему:

— Колечка, а где дедушка теперь?

Николай Николаевич ответил:

— В нашей памяти.

Л. Н. сказал ему:

— Я, глядя на вас, всегда его с любовью вспоминаю и переношу и на вас это чувство“.

К сожалению, Лев Николаевич не осуществил своего намерения и не создал своему другу памятника не собрал тех жемчужин своеобразной мысли, какими до краев был полон Ге. И никто из окружающих не попытался выполнить эту задачу и уже все возможности утеряны. Живая личность, отходя в даль, начинает тускнеть и становится все призрачнее и призрачнее. В текущем году исполнилось тридцать пять лет со дня кончины художника, меньше чем через два года столетие со дня его рождения. Время идет. Понятно, что все меньше и меньше становится близких, у которых в памяти сохранились какие-нибудь подробности, так или иначе дополняющие реальный образ.

И тем не менее даже по тем далеко не полным и отрывочным данным, которые дошли до нас

в виде настоящих писем, воссоздается обстановка взаимоотношений, поражающая выпуклостью житейских подробностей, ярко отражающая одну из сторон мировоззрения эпохи и представляющая как Ге так и Толстого в совершенно особенном свете.

С. Яремич

5 августа 1929
Бахчисарай.

ПЕРЕПИСКА

1. Н. Н. Ге к Л. Н. Толстому [1])

28 февраля 1884 г.

Вот уже месяц, как вас не вижу, но ни одного дня не проходит, не думая с вами. Здесь в хуторе, да еще зимой, я целые дни живу мыслью, безустанно работаю. Сочинил две картины, написал портрет Колин [2]), до такого тождества, которое отвергала риторика Кошанского, когда я еще учился. Картины сочинены такие, что и вы одобрили бы. Одна страшная: казнь Христа на кресте, другая — начало, предчувствие наступающего страдания. Ничего другого не могу ни чувствовать, ни понимать.

2. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

6 марта 1884 г. [1])

Дорогой Николай Николаевич

Очень порадовали меня своим письмом. Мы живем по старому с тою только разницею, что у меня нет такой пристальной работы, к. была при вас и

от этого я спокойнее переношу ту нелепую жизнь, какая идет вокруг меня. Я занят другими делами, о которых скажу после — такими, к. не требуют такого напряжения. Книгу мою вместо того, чтобы сжечь, как следовало по их законам, увезли в Петерб. и здесь разобрали экземпляры по начальству [2]). Я очень рад этому. Авось кто-нибудь и поймет. О портрете вашем слышал только от одного приезжего из Пет., что он стоит в особой комнате с портретами Майкова, Крамского и что двери в эту комнату закрыты и многие не заходят туда. Суждений никаких еще не слыхал [3]).

Нарисованное вами мне понятно. Правда, что фигурно говоря, мы переживаем не период проповеди Христа, не период воскресения, а период распинания. Ни за что не поверю, что он воскрес в теле, но никогда не потеряю веры, что он воскреснет в своем учении. Смерть есть рождение и мы дожили до смерти учения, стало быть вот-вот рождение — при дверях.

Душевный привет Анне Петровне [4]) от меня и всех наших. Редко приходится писать эти слова так правдиво. Поцелуйте от меня вашу внучку.

Ваш Толстой

Экземпляр пришлю вам как только освободится. Напишите как переслать.

3. Из письма Н. Н. Ге к Л. Н. Толстому [1]).

Май 1884 г.

Вы идете твердо, хорошо, — и я за вами поплетусь, хотя бы и расквасить мне нос.

4. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

29 мая 1884 г. [1])

Дорогой Николай Николаевич,

Мне хочется поскорее видеть вас и вашего сына и если бы вы не поехали — я бы приехал к вам, да теперь думать нечего ни ехать, ни звать вас. Мы ждем с часу на час [2]). Когда буду свободен, тотчас напишу вам. Надеюсь, и вы напишете. — Кузминский вчера приехал и говорил, что он виноват перед вами (я при свидании объясню смягчающие обст.) и просил передать, что Добжинский (кажется так) говорил ему, что он представил так, чтобы Зою Григорьевну [3]) сослать к вам и что почти всегда министр соглашается с его представлением, но что до сих пор он ничего не знает. Обнимаю вас и ваших. Ужасно хочется видеться.

Ваш Л. Толстой

5. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

11 июля 1884 г.[1])

Дорогой Николай Николаевич!

У нас все кончилось материально благополучно: жена родила девочку и мать и дочь живы и здоровы. Теперь идет 4 неделя и жена на положении почти здоровой. Страшно боюсь, что теперь что-нибудь помешает вам исполнить ваше намерение приехать к нам с Ник. Ник. младшим. Пожалуйста, если только маленькие препятствия, то преодолейте их и приезжайте поскорее. Я говорю поскорее, потому что имею планы сам отлучиться.— Если вы не можете приехать, то я приеду к вам. Ничего больше не пишу, потому что уверен скоро вас видеть. Если приедете с курьерским, то лошади выедут к вам в Ясенки в 12 часу дня. Если не с курьерским, то на Козловку. Смотря по времени, напишите или телеграфируйте загодя.

Мой и всех наших привет вашим.

Л. Толстой

6. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

15 августа 1884 г.[1])

Дорогой и милый Николай Николаевич.

Сына вашего я полюбил еще больше, когда узнал его. Он производит на меня такое впечатление, что

мне страшно за него, как страшно за человека, который стоит на огромной высоте, на колокольне ставит крест, и делает дело, которое дороже всего для меня в мире. Страшно и за дело и за него. — Из Твери я получил от него чудесное письмо. Он пишет между прочим, то что особенно тронуло меня, — то что на него находит сомнения в моей искренности, но что на эти сомнения, он сам отвечает себе тем, что моя искренность или неискренность не изменяют для него веру в то, что истина. — Он пишет, что заедет ко мне, но вот уже прошла неделя и его нет. Не проехал ли он? Это было бы жалко. А я медлю отъездом, поджидая его. — Много мы говорили с ним и про ваши работы и мне еще больше захотелось побывать у вас, чтоб посмотреть. По всему мне кажется, что Распятие будет настоящая вещь. Помоги вам Бог кончить ее. Обнимаю вас и ваших [2]).

Л. Толстой

7. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

3 ноября 1884 г. [1])

Дорогой и милый друг
Николай Николаевич!

Уезжая от вас [2]), я забыл на столе письмо вашего сына. Потом ходил за ним к П[етру] Н[иколаевичу] [3]) не застал дома, потом он был у нас и я просил его и он

обещал прислать; и вот нынче утром его знакомая Жуковская принесла его мне. И я сейчас его прочел. Вы видали меня в минуты уныния и грусти. В сто раз в 1000 раз больше грусти готов пережить за такие минуты невыразимой радости, которую я испытал узнав по этому письму вашего Николая. Я не то что согласен с каждым его словом, чувством и мыслью, но это все как будто мои слова, чувства и мысли. Меня поразило даже то, что некоторые мысли те самые, которые я выразил в моем последнем писании, которое он не читал. Потому это мне так кажется, что мысли и чувства не мои и не его, а общие всем людям, ищущим бога. Но я радовался и тому, что эти мысли и чувства освещаются им с новой стороны, для меня новой, но родной и тоже как будто моей. — Покуда я жив, не перестану смотреть на него с особенным чувством замирания сердца и любви как смотрят на любимого человека, поднявшегося на колокольню, чтоб поставить крест. Страх и за то, что он оборвется и убьется и за то, что заробеет, и за то, что не сделает нужного нам всем дела. Помогай ему бог. — Он пишет хорошо. Я очень желаю прочесть его сочинения по уголовному праву[4]). Он ясен, образен и главное прост, наивен. Разумеется, я не говорю это за тем, чтобы он избрал ремесло писателя — избави бог. Писать т.-е. передовать людям ту истину, каторую знаешь, не может быть ремеслом — это дело другого порядка.

Тайная вечеря. 1862 г.
Русский музей.

Но я говорю это затем, чтобы сказать ему, что он умеет передавать свои мысли.

Что вы делаете мой дорогой друг? Как и какая идет ваша работа? Что делает Зоя Григорьевна? Передайте мой привет Анне Петровне и благодарность за то, что она родила и воспитала такого мне друга и брата как Ник. Ник. младшего.

Будем живы, то жду вас в Ясн. Поляну.

С Петр. Ник. мы один раз виделись хорошо и поговорили, а другой раз что-то не вышло общения. Побываю у них.

Л. Толстой

8. Н. Н. Ге к Л. Н. Толстому [1]

16 июля 1885 г. [2]

Милый, дорогой мой Лев Николаевич, много раз собирался я вам написать, но, зная исключительное ваше семейное положение, воздерживался не желая огорчить вас. Твори я гадости, люди добрые близкие смотрели бы снисходительно на мою гадость, но были бы довольны и по-своему счастливы. Но как только человек пожелал жить по божьему, не на словах, а на деле, тут-то на него посыпались громы и неудовольствия. Я не ропщу, потому что знаю, что так должно быть. Но я не писал вам потому, что не обладал еще тем спокойствием, которое мне дано моим одиночеством. Я теперь с племянницей Зоей один...

9. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

1 янв. 1886 г. [1])

Я был у Олсуфьевых в деревне, когда пришло ваше письмо. Вчера приехал и нынче отвечаю. Я никаких планов не делаю, но вероятно, что опять после нескольких недель здешней жизни, измучаюсь, запрошу пардона и уеду в деревню. Теперь же я здесь и буду очень счастлив ва...

На этом месте письма меня прервала поданная от вас телеграмма. Радость моя еще больше потому, что вижу что вы меня также любите как и я вас [2]).

10. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

Конец марта 1886 г. [1])

Измучила меня совесть, дорогой друг, что столько времени не написал вам. Мы с Колечкой включительно живем очень хорошо. Он все также добр, кроток, прост и распространяет вокруг себя добро тихими, но неотразимыми лучами. Я очень много работал. Все то, что должно внести в 12-й том и потому не уезжал. Панов задержал как всегда они делают. И теперь только начинает печатать. Я просил и прошу его кончить до святой. В типографии работают папки обертки и текст на одном листе [2]).

Планы мои такие теперь. Одобрите ли вы? Напечатать 300 экз. на лучшей бумаге в папках красивых и продавать от 5 до 3 (еще не решил) и 700 дешевых по 1 р.[3]). Еще нужно провести через цензуру, в понедельник подадим фотографии, сделанные нарочно для этого. Это С. А. взяла на себя. По письму вашему вижу, что житейское болото засасывает вас. Держитесь, голубчик, как и я стараюсь держаться, твердо зная, что мое дело (такое же и ваше) содействовать установлению Ц. Б. на земле, уясняя его законы; но делая это не иначе как при доброй жизни. Добрая же жизнь в любовных отношениях со всеми людьми. Мне до сих пор помогает Б. в последнем. Помогал он и вам. Мне представляется что дело наше—уяснение истины; но это мало просто истины, она бывает шершавая ершом — не входит в людей. Прежде выражения истины нужно расположить людей любовию к принятию ее.— Напишите мне все, что взбредет в голову. Как я теперь. Поцелуйте Теплова[4]). Что работаете? Я нового ничего не делал: Крестник—легенда и Смерть Ивана Ильича. Чертков в деревне. Жду его.

11. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

Апрель 1886 г.

Последнее письмо ваше доставило мне большую радость. Помогай вам бог, дорогой и милый друг,

хорошенько стряхнуть весь прах с ног своих, выйдя из этого, столь властного пока в нем сидишь, и столь ничтожного смешного, когда из него выйдешь соблазна собственности. Впрочем напрасно я и говорю это: я по себе знаю, что вернуться к этому нельзя, а только удивляешься как мог я так портить свою жизнь. Никакой соблазн не нарушает так любви к людям как этот. И как хорошо и счастливо у вас сложилось, и Анна Петровна довольна, и Петруша, и дорогой Количка — ужасно доволен и вы довольнее всех. Главное не вмешивайтесь, а вообразите себе, что это не ваше было хозяйство, а мое[1]). Я очень рад. Колечка расскажет все про нас, про семью и про друзей наших и про занятия мои и про ваши картины. Они вышли прекрасны. И 1-я и последняя вероятно пропустятся.

Целуйте милого Теплова, я получил его письмо с рисунками. Очень хороши. Обнимаю вас. Привет Петруше.

Благодарствуйте, дорогая и уважаемая Анна Петровна, за ваше доброе письмо. Простите, что пишу так безобразно: хочется сказать, что я очень люблю вас и всех ваших и не только желаю вам всего хорошего т.-е. любви между близкими, но и уверен, что вы ее имеете и она не будет нарушаться.

Ваш Л. Толстой

12. Н. Н. Ге к Л. Н. Толстому [1])

Начало лета 1886 года

Вчера уже начал сочинять и, кажется, образы приходят. Я начал с „Нагорной проповеди“.—„Я даже заплакал, когда вздумал этот сюжет. Он будет центром всего сочинения.—Продолжать промежутки еще не могу, т.-е. сочинять по порядку: „Грешницу и Фарисея“ и „Встречу Христа с учениками в поле“ (растирает зерна). Это все я сделаю немного погодя. Мне нужно опять самое важное, чтоб стать на высоту творчества. Вот я и взялся за „Нагорную проповедь“. Как только сочиню, сейчас вам напишу...

13. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

21 мая 1886 г. [1])

Спасибо за письмо, дорогой Николай Николаевич. Радуюсь, что у вас все хорошо и вы за своей работой. Хорошо и косить, и пахать, но нет лучше, как в своем ремесле привычном удается работать на пользу людям. Колечку встретил мельком, но и то осталось самое радостное впечатление. Мы 4 дня как переехали. Работы у меня по горло и я этим счастлив. Льщусь мыслью, что работа не бесполезная. И продолжаю статью Ч. н. д. [2]) и пишу для лубочных изданий. А начатых еще работ, до которых руки не доходят, пропасть. Посмотришь на нашу

жизнь, на мою, на вашу (я думаю о вашей со всей вашей семьей и различными настроениями в ней) и голова кругом пойдет, если думать о том, как это все будет, как это все лучше устроить. Но стоит только посмотреть на то же, но только с той мыслью, как мне сейчас сделать наилучшее для А. для Б., для В., с которыми я прихожу в соприкосновение и все представлявшиеся трудности разрываются как паутина и все слагается так, как бы и не придумал. Ищите царствия божия и правды его, а остальное все приложится вам; а мы начинаем искать того, что должно приложиться. И того не найдем ни за что (потому что оно дается только как последствие искания Царствия) и Царствие потеряем.

Вы то знаете это, но как хорошо бы было, если бы все знали, что это не красивые слова, а самое из практических практическое правило. Я уж опытом знаю. Делаешь au jour le jour только бы худого не делать — хлоп! Такое выростет большущее хорошее доброе, приятное дело. Прислал мне один г-н этюд как он называет, прося помощи для продолжения учения живописи и прося переслать вам на ваш суд. Есть ли у него талант. Посылаю.

Что же не приедете ли нынче летом? Только надо бы пригнать так, чтобы было дело в Москве, а то дорого стоит.

Обнимаю вас и всех ваших.

Л. Т.

14. Н. Н. Ге к Л. Н. Толстому [1])

14 июля 1886 г.

Милый, дорогой друг, я работаю, и работаю с увлечением, все это время собираюсь к вам, и работаю; что сделаю, привезу к вам показать. Пространства нет, и не потому, что железные дороги существуют, а потому, что истинная любовь разрывает расстояния. Я все время с вами; я живу одною мыслью с вами, даже вижусь с вами: вот уже второй раз вижу вас во сне, и сегодня, видевшись с вами, мне захотелось написать вам несколько слов любви. „Введение“ и 1-ую главу „Отче наш“ приготовил в эскизах — 7 картин, и одна мысль сознание сыновности к началу, вышла ясно, просто и хорошо. Изобразил я также „введение“: евангелист Иоанн с книгою. Он пишет и видит Иоанна, который указывает на толпу людей: в середине стоит Спаситель, он держит за руки дитя и ласкает обращенного к нему ребенка. За Спасителем — Илия и Исаия; за ними Сократ, Давид, Будда и Конфуций, за этими Авраам с сыном и Моисей со скрижалями. Небо раскрыто двумя летящими ангелами. Отче наш: 1) Отрок в храме, с учителями, где нашли его мать и Иосиф. 2) Проповедь Иоанна на Иордане: „Уравняйте пути господу“. В толпе фарисеев, левитов, солдат и мытарей стоит Спаситель и слушает про-

поведь. 3) Искушение, на слова: „Отойди от меня, сатана! Господу богу твоему поклоняйся и ему одному служи!“ Спаситель отвернулся с отвращением от видения славной победы, летящего царя, в колеснице, окруженного воинами на лошадях — все это летит по трупам. 4) „Вот Спаситель мой!“ Утро. Спаситель поднимается из мрака к свету, а внизу Иоанн указывает на него ученикам, которые готовы бежать за спасителем. 5) „Отныне будете видеть небо отверзтым“. У дома, под виноградом, Спаситель окружен апостолами: Андреем, Петром, Иоанном, и говорит им с восторгом эти слова. 6) „Ныне исполнися“. В синагоге, в Назарете, Спаситель говорит эти слова. Эти эскизы обдуманы и приготовлены [2]). Теперь я думаю о 2-й главе, и уже некоторые назначены... Все читал „Смерть Ивана Ильича“. Превосходно! Люди мира или не понимают, или злятся, что хорошо — потому что понимают...

15. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

18 июля 1886 г. [1])

Вчера получил ваше радостное письмо, милый друг, — радостное, потому что оно от вас и оттого что пишете про ваши работы. Больше всего мне нравится по замыслу „Искушение“, потом „Вот спаситель мира“, но разумеется судить и понять можно только увидав.

Большая бы была радость для всех наших — все вас любят — а главное для меня, если бы вы приехали к нам, но не смею и не хочу вас звать — отрывать, расстраивать течение вашей работы т.-е. жизни. — У нас все было совсем с внешней стороны хорошо, но недели 2 тому назад С. А. заболела воспалением мочевого пузыря и теперь лежит. Ей гораздо лучше и она лежит уже только из предосторожности. Дети, начиная с Сережи и кончая Машей, много работали в поле крестьянскую работу. Сережа и Таня уехали теперь на несколько дней к Олсуфьевым, остальные продолжают и я с ними по силам. С внутренней стороны все хорошо. Отчаяваешься, часто грустишь и все напрасно, если есть в душе и когда он есть, ключ воды жизни, то он не останавливается и не может не производить последствий; только не надо рассчитывать на них, оглядываться. Я ничего не пишу, но не перестаю жить, слава богу, т.-е. двигаться в том направлении, в котором я также как и вы радостно чувствую, что я всегда с вами. — Вчера вместе с вашим получил письмо от Колечки. Как он сильно, спокойно и твердо, не переставая радостно растет, радостно для себя и для других. — Ну до свиданья или, нет, как Бог даст. Люблю вас не меньше вашего. Наш привет Анне Петровне и всем вашим.

Л. Толстой

Милого Теплова и Рубана[2]) поцелуйте от меня, когда увидите.

16. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

14 сен. 1886 г. [1])

Очень порадовали вы меня вашим письмом, дорогой друг. Главное: ваша работа. Как вы это сделаете—через вас сделается—я не знаю, знаю только, что если выйдет, то будет настоящ. [ее]. Хотелось бы сказать: будьте как можно строже к себе; но знаю, что и это излишне. Я не понял, как это будет из описания·

Чертков посылает вам прочесть письмо его невесты. У меня гостит моя сестра и я весь в женском царстве, работать все не могу, но думается хорошо и на душе хорошо. Никакого изменения не желаю. Болезнь [2]) идет своим чередом, кажется правильно. Впрочем, Руднев напишет вам. Известие ваше о Кат[ерине] Ив[ановне] [3]) хорошо, но неопределенно. Что будет и как решат дальше? Напишите. Не могу не дать старческого совета: поменьше предпринимать. Редко приходится раскаяваться в том, чего не сделал, а часто в том, что напрасно сделал.

Прощайте, целую вас и всех ваших, которых чувствую, что невольно люблю больше других. Радуюсь за Мих. Вас. Только бы сбылись его намерения [4]).

Л. Т.

17. Н. Н. Ге к Т. Л. Толстой

Сентябрь 1886 г. [1])

Милая Таня. Душевно благодарю за письмо ваше — мне оно доставило большую радость. Оно меня еще больше сблизило с вами — я надеюсь, что и я послужу вам и многое могу вам передать в деле, с которым я сжился, занимаясь целую жизнь. Я рад, что вы хотите заняться искусством — способности у вас большие — и знайте, что способности без любви к делу ничего не сделают. Нет большего умственного удовольствия, как высказать свои задушевные мысли в форме разумной и благообразной. Вот к форме, к чувству формы у вас большие способности — позаботьтесь и о форме, но больше всего о том, что выскажется в форме. Все искусство — в содержании, в том, что действительно вам дороже всего и что вы храните в вашей душе как самое дорогое, самое святое. Оно, это святое, вам и укажет характер образа (формы) и потребует от вас изучения той или другой формы. Оно вас будет руководить — и знайте, ему служите, ему верьте, не изменяйте и тогда наверно ваши произведения будут художественны и дороги и вам, и всем окружающим, т.-е. людям. Учите перспективу, и когда овладеете ею, внесите ее в работу, в рисование. Никогда ее не отделяйте от рисования, как

делают многие, т.-е. рисуют по чувству, а потом поправляют правилами перспективы — напротив, пусть перспектива у вас будет всегдашним спутником вашей работы и стражем верности. Пусть она проникнет в те части рисования, где и нельзя ее механически приложить, напр., рисуя голову — портрет — нельзя приводить в перспективу части головы, а когда вы знаете перспективу, чувствуете ее — вы приложите к рисованию головы и нарисуете очень верно — вот, что я хочу сказать.

Едут в Плиску и я спешу окончить письмо. Поцелуйте Отца и милую Мать, Машу, Сережу, малышей — тетку Татьяну Андреевну. Всех вас я каждый день вспоминаю и живу с вами. Эту неделю я искусством не занимался — делал печь и еще не кончил. Работа тяжелая и я радуюсь этому — чувствуешь себя равным всем трудящимся, а это хорошо. Подмастерье у меня хорош. „Офицер“, работает хорошо. Мы и живем весело. Пишите же нам о нашем милом дорогом Льве Николаевиче, я ему буду писать особо. Целую вас, милая Таня. Учитесь, а там и я приеду и поработаем вместе.

Любящий *Николай Ге* *Сент. 1886 г.* Хутор.

18. Н. Н. Ге к Т. Л. Толстой

21 сентября 1886 г. [1])

Милая Таня, большое спасибо за милое хорошее письмо. Я так рад, что отцу лучше — я так счастлив

и прошу и его и мать беречь его сколько возможно дольше, чтобы не допустить возобновления. Все, что вы пишете об искусстве, верно и хорошо, и вот я спешу вам дать первый урок. Не бойтесь знающего, победите в себе этот страх. Это самолюбие, много мешающее—его нужно бросить. Правда истина, хорошее так высоко, что мы все и знающие и незнающие почти одинаковы — Знание вами быстро приобретется. И вот вам правило, которое никогда не забывайте: рисовать значить видеть пропорции и потому никогда не позволяйте себе видеть одну часть без всего общего, т.-е. вы рисуйте не нос, не глаз, не рот, не ухо, не голову, не руку, а какую роль играет нос на лице, то рот и т. п. всякий раз, когда рисуете часть, рисуйте ее в смысле с общим: симметрические части всегда рисуйте вместе и в одно время, т.-е. оба глаза непременно, оба уха, обе щеки и все это в отношении целого; так голова фигуры, ежели рисует фигуру. Начинайте рисовать от центра. Лицо в голове—торс в фигуре. Назначивши главные части, непременно протушуйте главные тени и свет общий, чтоб проверить пропорции и рисуйте всегда все время весь ваш рисунок,—всегда от начала до конца общее и идите к деталям постепенно. Вот вам секрет рисования. Приучите себя идти этим путем, и вы готовы. Я не успел написать в письме к родителям, что Аничка, Катя, Петруша, Парася [2]) и маленький Коля [3]) посылают вам всем свои при-

ветствия. Аничка будет писать к Софии Андреевне. Поцелуй Сережу милого и милую тетеньку Татьяну Андреевну. Целую вас, любящий вас Николай Ге.

Приписка Е. И. Ге:

Письма из вашего дома читаются у нас всегда всенародно, так мы все интересуемся здоровьем Льва Николаевича и всем, что вас касается, и вот я прочла ваши два письма, милая Таня, и вы мне еще больше понравились. Я так со многим, что вы пишете, вполне согласна. Чтобы это вам сказать, я попросила Николая Николаевича оставить мне маленькое местечко, он оставил мне большое и уж как-то всегда у меня выходит, что я непременно записываю все место. Все ваши так добры, всегда спрашиваете о моем здоровье, собственно я записала себя в больные (т.-е. не я, а доктора), а чувствую себя здоровой и однако все-таки придется и лечиться и, пожалуй, операцию делать. Кика на портрет Льва Николаевича всегда говорит „Дедя пи" (дедушка пишет). До свидания, может, когда-нибудь. Крепко вас целую, передайте мой искренний привет всем вашим. Катя Ге.

19. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

Сентябрь 1886 г.[1])

Вчера получили ваши письма, дорогой друг. Спасибо вам за то, что пишете моим девочкам и под-

держиваете в них дух божий. Я сижу теперь прямо на кресле и перебираюсь с места на место с помощью человека, на котором вишу одной стороной: то это жена, то Сережа, то Маша. Все идет прекрасно, но стараюсь не разрушать в себе сознание близости смерти среди жизни. Не сплю как надо и потому нервы слабы и голова, и не могу работать — писать. Происходит другая внутренняя и отчасти внешняя работа общения с богом и людьми, которую сознаю, и рад. Радуюсь на вас и с жутостью ожидаю то, что выйдет у вас. У меня есть странное чувство жутости к самым мне важным явлениям жизни. Такое у меня чувство к устройству жизни Суладовской колонии, к браку Черткова, к жизни Фейнермана [2]) и к вашей новой работе. Должно быть от того, что все это новое — новые ходы настоящей жизни. Не пишу больше потому, что устал. Целуйте с истинной любовью от меня всех ваших. Анну Петровну, Петрушу, Катерину Ивановну, Парасю и внука.

Симон уехал, его жена увлекла. Он писал из Москвы. Какой чудный человек. Весь светится и горит. Тоже за него жутко. Когда посмотришь с мирской точки зрения и перенесешься в его душу, то так радостно и твердо.

Любящий брат *Л. Т.*

Девочки уехали в Пирогово к брату. Все вас любят как должно.

20. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

8 окт. 1886 г. [1])

Получил ваше письмо, милый друг, и только что хотел писать Сибирякову [2]), как он сам (на другой день) приехал. Я ему говорил о Покрасе и он сказал, что предлагает ему поместиться в Самарск. его деревне, куда едут теперь те, которые были на Кавказе. Насчет денег для проезда я говорил ему; но ответа не получал (это было вчера). Как получу и если получу так вышлю. От Колечки, которого обнимаю, знаете все про меня. Я-то про вас не знаю. И что-то мне чудится, что вам было не совсем хорошо и что вы потому мало работали. Не дай бог. Ничто в наш возраст так не желательно, как то чтобы вызревающие на нас плоды без бури и ненастья, а при тишине и солнце падали мягко один за другим на землю. И вот я под вашим деревом стою дожидаюсь. Я живу хорошо. Целую Анну Петровну, Катерину Ивановну Колечку, Петрушу, Парасю и малыша.

Л. Толстой

21. Н. Н. Ге к М. Л. Толстой

Конец октября 1886 г. [1])

Милая, дорогая Маша. Давно получил твое милое письмо и до сих пор не ответил — работал все время — дни короткие. А пока свет работаю — вздумал написать Кающегося Грешника [2]) — начал да и отстать не

Выход с тайной вечери в Гефсиманский сад. 1889 г.

могу, и написал хорошую картину, я ее пошлю в Питер на продажу — так как у всех моих скудость на средства, вот я и думаю им помочь, и может быть устрою так, чтобы картина прежде побывала у вас, чтобы вы посмотрели. Затем, продолжаю свою самую дорогую работу и как сказать, иногда много сделаешь, а иногда едешь, едешь, а все сидишь на месте, вот до сих пор только три заповеди сделал, а две еще делаю [3]). Это вероятно у всех так — я знаю, что и папа тоже говорил, что не ладится, так и у меня иногда вдруг как будто светом осветит все и пойдет работа, а то только чувствуешь свое усилие, а дело стоит. Читал я мамино письмо, она пишет, что и ты принялась рисовать. Это хорошо — рисовать учиться — значит учиться видеть, а видеть значит понимать — хорошо, рисуй — а тут и я приеду, так помогу, примемся втроем рисовать. Спасибо за присылку письма Ис. Борисовича, я очень рад был этому письму, для меня лучше всего человек виден в письме, я его хорошо узнал и очень полюбил и ждал с нетерпением письма, чтобы себя проверить, и обрадовался, что я не ошибся. Дай ему бог успеха, он идет узким путем и итти им трудно, когда идет один. Пиши же, милая моя внучка, да побольше о милом моем дорогом старике Л. Н. Как его здоровье. Мать поцелуй за меня в обе ручки и всем добрым людям передай мой поклон и любовь.

Любящий тебя *Н. Ге.* Хутор

22. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

4 ноября 1886 г. [1])

Оставил письмо вам под конец, дорогой друг, и теперь устал, боюсь, что много не напишу. Но нужно сказать: 1) что картина каящегося грешника вероятно будет прекрасна; но... это мне кажется не та картина, по сюжету которой будет нравится и продастся, а напротив... мистицизм... фантазия... суеверие и т. п. Кроме того, сюжет Кающегося Грешника мало известен. Известен только как католический или в русском пересказе „Повесть о бражнике". Так мне кажется. Вы возложите надежды, а надежды не сбудутся. Вам будет досадно, а мне больно. — А впрочем, кто ее знает эту дуру публику, а вдруг все мои дурные ожидания окажутся неправдивыми. Дай бог. Главное, чтоб вы не досадовали. 2) Не гневайся и прелюбодеяние прекрасно, но клятва не так ярко, но не могу себе представить иначе. О, помоги вам бог в этом великом деле. У нас все хорошо. Божья благодать. Радостей мне бог дает слишком много. В семье доброе семя хотя медленно, но несомненно растет. Людей братьев по вере все прибывает. Ныне уехал один лейб-уланский блестящий офицер Джунковский [2]) едет к Хилкову. [3]) Хилков же еще более блестящий, богатый князь 22 лет, полковник, который бросил все и живет на крестьянском наделе, работал

с мужиком. Человек большого ума и образования и большой силы добра. По всему, что я о нем знаю, Джунк. тоже ясный, чистый и твердый человек. Файнерман нынче уезжает отбывать воинскую повинность. Уезжал веселый, добрый и твердый. Я теперь хожу свободно, только прихрамывая, и начал художественную работу которая очень меня занимает [4]). Обнимаю вас и Петрушу и мой привет Анне Петровне и Кате. Целую детей. Получила ли Анна Петровна письмо жены. Соня очень просит искренно передать вам всем свою любовь. И говорит, что написала бы вам, да ей очень некогда.

Л. Т.

Чертков женат и писал счастливое письмо

23. Н. Н. Ге к М. Л. Толстой

Осень 1886 г. [1])

Милая, дорогая Маша!. Получил и я твое письмо и крепко тебя целую за него. Всякий раз, когда я получаю весточку из Ясной — и радуюсь и со страхом распечатываю письмо. — Получил я и от мамы приписку; в эти дни, когда получал, ночью мне вы все снитесь и я угадываю, что будет письмо. Теперь вероятно вас уже немного, ежели Таня уехала в Крым, а Татьяна Андреевна в Петербург. Хотел бы очень быть с вами и ежели не еду, то только

ради работы, которую затеял. **Нагорная Проповедь** — чрезвычайно дорогой и сложный предмет, и вот я его сочинил в 7 картинах, а 7 картин требуют время. Я ее сочинял, когда делал А[нне] П[етровне] печь — 10 дней я работал печь, и ежели бы не осень, то работал бы дольше, но с роздыхом, а осень и боязнь холода заставили работать от утра до вечера. Теплов мне помогал и учился ремеслу — печь сделана, и я рад был, чтобы вы все повидали, как она хороша. Тепло. Скажи матери, что если ей понадобится печь в доме, то чтобы непременно позвала меня ее сделать. Скажи же мне, милая Маша, что ты делаешь, о чем думаешь, что в твоей милой головке роится? Я знаю, что ты умница и главное — добрая, а потому бог тебе пошлет хорошую жизнь. Будь же здорова! Целую тебя. Поцелуй папу, маму, сестер и братьев. Сероньше [2]) тоже передай поклон. Любящий тебя Н. Ге.

Ежели Стахович [3]) у вас, то и ему посылаю поклон. Передай мое письмо Исааку Борисовичу Фейнерману.

24. Н. Н. Ге к Т. Л. Толстой

Ноябрь 1886 г. [1])

Милая, дорогая Таня. За письмо ваше — большое спасибо, я так живо представил моего милого Л. Н., как он двигается и как он радуется своему освобождению. — Теперь уже должно быть совсем хорошо.

первый когда точка зрѣнія получаетъ всѣ линіи параллельны, тогда вопросъ рѣшается просто. Основные картины Морей эти мною забыты.

Если ab аршинъ то и всѣ линіи a'b' и т. д. будутъ аршинъ, далѣе длинныя линіи уходящіе А З. на аршинъ. Способъ простой. помощью діагонали которая получится раздѣленіемъ угла А на растояніи по поламъ и провед

Дай-то боже. На вопрос о желании могу сказать, что первое желание мое, чтобы хорошие люди в своих семьях имели бы ту радость и свет, какой может иметь человек, поверивший и полюбивший Христа. Второе мое желание, чтобы милый Л. Н. был здоров, а третье,—чтобы бог благословил меня окончить мой труд, который я делаю для всех ради света Христова. Может-быть, подумавши, я бы придумал бы еще лучшее что-нибудь, но я нарочно не придумывал, а сказал, что мне пришло в голову. Я все время думал, как бы вам помочь в перспективе и вот что придумал. Есть два коренных основных случая в перспективных задачах для художника. Первый,—когда точка зрения получает все линии параллельные, тогда вопрос решается просто. Основание картины может быть масштабом [2]). Если a b аршин, то и все линии a′ b′ и т. д. будут аршины, для деления линии уходящей A Z на аршин. Способ простой. Помощью диагоналей, которые получают, разделив угол A на расстоянии пополам и проведя до встречи с горизонт. получается точка Z, в которую сойдутся все диагонали, а потому получается перспектива квадрата [3]). Масштабный этот случай самый простой, — другой на случайную точку. Тут определяется масштабный размер более сложный, но тоже удобный для понимания—я его изложу в следующем письме с более подробным чертежем. А теперь не успею. Прошу вас, милая Таня, писать мне обо всем, что вас за-

трудняет как в вопросах жизни, так и в вопросах перспективы, и я приложу все старания, чтобы все сделать ясным по силе моего понимания и любви к вам. Целую вас крепко.

Любящий *Николай Ге*

25. Н. Н. Ге к Т. Л. Толстой.

24 ноября 1886 г.[1])

Дана такая задача.

На картине дано направление линии OM на случайную точку A. Построить на ней от точки L квадрат перспективный при масштабе 1 арш. в действительности. Через точ. C проходит горизонт F. Точ. C—точка зрения. Лини я PC расстояние.

Решение

Соединяю т. A с P, у т. P строю прямой угол и по нем получаю линию PB. B будет другая точка на горизонте, отвечающ. A., так что угол ALB будет прямой угол в перспективе. Чтобы получить на линии AL и линии LB отрезки, равные аршину, делаю следующее: от т. P откладываю аршины EP, FE и PG, GH. Проведя параллельные PC до горизонта, получу проекции аршина от т. C влево CE′ E′F′, и вправо CG′, G′H′—вот эти проекции аршина

Дана такая задача.
На картине дано направление линии ОМ на случайную точку А. Построить на ней от точки L квадрат перспективно, при мере 1 арш. в действительности.

Чрез тоr. С проходит горизонт.
Тоr. С точка зрения.
Линия PC расстояние.

решение

Соединяю т. А с Р, у т. Р строю прямой угол и получаю линию РВ, В будет другая точка на горизонте отвода, так что угол ALB будет прямой угол в перспективе.
Чтоб получить на линии AL и линии LB отрезки равные аршину, делаю следующее: от т. Р откладываю аршин ξР, Jξ и Pg, gH, проведя параллельно PC до горизонта получу проекции аршина от т. С влево Сξ, ξJ, и вправо Cg', g'H' — вот эти проекции аршина откладываю на линию идущую чрез т. L и получу два треугольника. Налево tyc и направо треугольник tUZ — величины UZ и yc откладываю от т. L получу LK = UZ и nL = yk — т. n и K соединю с т. зрения С, получу т. S и т. R, а линии LS и LR будут отрезки от тоr. L равные аршину.
Для проверки обозначу л. PD всех диаго... и половину угла Р и получу т. D для на ней, котор. для ...

Угол ALB пополам. таким образом получится квадрат в аршин SLRQ и диагональ QL — таким образом получаются и остальные квадраты и целый паркет, а когда на получ... то его можно получить в вертикальной линии т. q.

в предмет. и людях.

я отнесу особо на линию, идущую чрез т. L, и получу два треугольн. Налево tyi и направо треугольн. tuz — величины uz и yi я отложу от т. L получу LK = uz и nL = yi — т. n и K соединю с точкой зрения С., получу т. S и т. R, а линии LS и LR будут отрезки от т. L равные аршину. Для проверки я половину угла R обозначу линией PD и получу т. D для всех диагоналей, которые делят угол ALB пополам. Таким образом получается квадрат в аршин SLRq и диагональ qL — таким образом получается и смежный квадрат и целый паркет, а когда на полу масштаб, то его можно и получить в вертикальной лини т. е. в предмет. и людях [2]).

Вот, милая Таня, вам и второй вопрос перспективы—с этими двумя—перспектива у вас в кармане и вы можете рисовать хорошо, верно относительно масштаба и расстояния, — а в этом вся перспектива для художника. Я всегда буду рад, ежели разрешу вам какое бы то ни было сомнение в этой области рисования и во всех даже, но меня более всего занимает то, что охватило все мое существо, та истина, без которой нельзя жить, нельзя быть счастливым, и вот почему я искренно поставил первым своим желанием свет в тех обществах людей, которые мне дороги, тот, кто у вас, душа дороже мне моей души. Счастье ваше, счастье его и напрасно вы говорите вопросом, что же можете вы сделать, что это так мало — отчего мало, что значит мало?

Ведь все дело в сознании того, что трудно не сознать, и что вы сознаете. Мало. Да ведь в том и сила, что искра мала, а сделает великий пожар. Не может быть мало, раз есть. Я знаю, что когда для меня открылся смысл жизни, то я ужаснулся, посмотрев, где я был, и каждую минуту, каждое мгновение все более и более растет тот свет, та ясность, без которой я уже не могу жить, и в этом такое счастье, что без этого я не мог бы быть таким спокойным, разумным: я бы и себя мучил, но что хуже всего — я мучил бы других. — Ваше письмо не застало меня дома, я ездил в Киев, чтобы повидать своих милых друзей, между ними и „Офицера" — его бог вразумил выйти в отставку, что он и сделал, т.-е. сделал все то, чтобы быть свободным, и мы надеемся, что к новому году он будет свободен. И вот, я был в среде этих милых нищих по сознанию и был в обществе самом разнообразном, в котором главная черта — тьма и жалко этих людей, несмотря на их блестящие обстановки. — Скука у них страшная. Они так радуются моему появлению, что мне даже жутко — не смысл их притягивает ко мне, а сумма тех отрицательных величин, с которыми они живут и страшно томятся. Не знают, куда деваться. Не забывайте же любящего вас старика, храни вас господь, поцелуйте за меня всех дорогих и вам, и мне, а милого дорогого старика дважды; я радуюсь, что он здоров. Буду ему писать особо, матери тоже.

Надеюсь, что они смиренно приняли волю Отца. Целую вас. Николай Ге

1886. 24 ноября. Хутор.

На конверте:

Ст. Козловка Засека Москов. Кур. ж. д. около Тулы в Ясную Поляну.

Ее Сиятельству Гр. Татьяне Львовне Толстой

26. А. П. Ге к Т. Л. Толстой

15 декабря 1886 г. [1])

Милая Татьяна Львовна. Сейчас Н. Н. получил ваше письмо, и оно написано под таким грустным настроением, что я беру смелость приглашать вас приехать к нам в хутор вместе с вашим братом. Признаюсь, я в другое время не решилась бы предложить вам такое времяпровождение, так как у нас о веселье и в помине нет, особенно в этот год все праздники мы будем одни старики дома, так как наша милая Катя, бедняжка, будет в это время в Киеве и даже в постели. Мы будем одни, но вы возьмите с собой все нужное для рисованья или писанья и поучитесь у нашего дедушки. Скажите брату, чтоб взял свое ружье, у нас обыкновенно много зайцев по зимам в саду, но собаки нет, преду-

преждаю. Количка верно все это время будет жить то с нами, то с братом и Катей в Киеве. Ну, да во всяком случае приезжайте, я буду вам душевно рада. Запаситесь только большою дозою желания все находить хорошим и приятным, тогда все будет хорошо.

Душевно вас любящая и с нетерпением ожидающая Анна Ге.

Уезжая из Москвы, телеграфируйте, с каким поездом выезжаете.

Матери вашей я писала на-днях. Пожалуйста, скажите ей мое самое искреннее приветствие, а также и отцу, и всем вашим.

(Приписка Н. Н. Ге)

Став [2] у нас хорошо замерз. Скажите Леле, чтоб взял с собою коньки.

27. Н. Н. Ге к Т. Л. Толстой

Милая Таня. Вот моя старуха предлагает вам хороший способ выйти из того ленивого положения, в каком вы теперь. И я скажу тоже: приезжайте с милым Лелькой, порисуем, попишем, потолкуем. Разумеется, ежели старики ваши согласны, без их согласия нельзя быть счастливым. Самое тяжелое: слишком себя чувствовать, все равно, как физической боли, что мешает это непрерывное чувствова-

ние больного места, и в этом случае интерес вне себя только может спасти — работа, забота о другом, вот мы и постараемся так полюбить дело, так им заняться, чтоб все свое забыть. Я всегда любил искусство, и теперь люблю, и за эту хорошую черту, что оно заставляет все забыть и заниматься только им. А я буду очень, очень рад, когда увижу вас, и мне будет хорошо, а вам не будет скучно, хотя и зима и наша жизнь бедны и просты. Подчас такая жизнь лучше дает чувствовать человеку, что нужно делать, и возбуждает недовольство собою здоровое, настоящее, а то мы все способны забывать то, что должны бы знать и помнить. Скажите милой Софии Андреевне и Старику, что я буду вас оберегать более своего глаза, и они знают, что я говорю правду — знают, что вас всех люблю и не делаю различия от своих. Итак, до свидания, целую вас и всех ваших. Любящий Николай Ге.

Милая дорогая София Андреевна. Может быть, слишком самонадеянно мы со старухой разогнались и захотели ваше сокровище забрать к себе, но вы не бойтесь — меня спасет любовь ко всем вам, а старуха моя, вы знаете, какая основательная. Она мне не позволит никакие юношеские увлечения. Мне одно жаль, что не могу увидать всех вас — мне всегда хорошо с вами. Я потому думаю, что милой Тане будет не жутко с нами, а даже и повеселится, нас же тут не мало и мы все, кроме старухи, крикуны

порядочные. Л. Н. крепко целую. Целую ваши ручки и малышей ваших. Ваш Николай Ге

28. Н. Н. Ге к М. Л. Толстой

Декабрь 1886 г.[1])

Милая Маша. Я не забыл тебя, а не писал потому, что много пришлось писать это время по разным обстоятельствам, вспоминаю же тебя непрестанно и теперь жалею, что не увижу вместе с Таней, но ведь нужно же кому-нибудь быть с хорошими стариками. Как-то идет твоя жизнь в Москве? Твои занятия? Что делает твоя милая головка? Вот Коля вчера засвистал романс, что тетенька пела и я живо вспомнил тебя, как ты выбежала из залы. Не оставляй хорошую привычку писать мне — таким образом мы будем оставаться близки, а то ты выростешь и уйдешь от меня — я уже не росту и не поспею за тобою. Ты мне пиши подробно, что у вас делается, что делают братья, где они? На праздники я думаю все разбредутся, останется немного, все малыши. У нас теперь радость — Колечка с нами, а Петруша с Катей вероятно поедут в Киев на праздники, а теперь Петруша в Чернигове занимается в собрании земском. Что Сережа, выбрался ли на должность в земстве, как хотел, или нет. Я уже слышал, что Илья вышел из гимназии, где он теперь и что делает. Читал я папы драму и радовался какую

отличную вещь написал. Вышла ли она в печати и все ли пропустили и что делает теперь папа—обо всем напиши. Поцелуй всех малышей и милую Александру Львовну. Скажи, что ее целует дедушка. Будь умна, здорова. Любящий тебя Николай Ге.

29. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

18 декабря 1886 г. [1])

Вчера получили ваше письмо, а нынче Тани (письмо было в Ясной). Очень радостно мне было читать его — ваше ко мне. Все хорошо у вас. Я и не думал чтоб было иначе. А робость за себя всегда у меня есть, а потому за других. А мог бы я рассудить, что как у меня идет жизнь вперед, так и у других. Я в Москве и так несмотря на это, счастлив и спокоен большею частью ничего не желаю. Работы столько, верится, что нужной людям, что знаешь вперед что не кончишь. Также у вас я знаю. А как знаешь, что не кончишь работы, отпадает желание ждать награды за нее, а остается сознание служения. Я иногда испытываю это и тогда особенно хорошо; но как только начнут другие хвалить (как у меня теперь с драмой), так сейчас является личное желание награды за свой труд и глупое самодовольство, каков я! Что сделал! Правда, спасает от этого — вы тоже знаете наверно — то, что некогда, а надо за другое

приниматься. На ваши вопросы не мог ответить на все. Что клялись, это наверно. Само вступление в иудейство было клятва. Но как клялись не знаю. Узнаю, если успею, и сообщу вам. Избиение младенцев прекрасно. Вообще когда не думаю о ваших работах — ничего, а как подумаю, так ужасно хочется их видеть. Ну живы будем, увидим. Чертков в деревне с женой. Дело печатания затихло от цензуры. Все марают. Я нахожу, что это хорошо. Ведь то, что желаешь, ничего нельзя сделать, есть не фраза а самая очевидная истина. Так как же меня может огорчать то, что против моего дела употребляют то орудие, к. ничего не может сделать. Если огорчает то тут непременно есть моя личность та самая, которой не должно быть для моего дела. Целую вас, милый друг, и всех ваших. Колечку особенно. Леву посылаю к вам, хоть через него посмотрю на вас. —

Жена не успела еще ответить на письмо Ан. Петр. и благодарит ее за него. Сережу не выбрали. Жена огорчена, а я даже не могу понять, что тут может огорчить или обратное. Эпиктет не мешает Христу, но не заменит Христа. Только через Христа и поймешь Эпиктета. Со мной это так было. Я читал Э. и ничего не нашел. А после Христа понял всю его Э. глубину и силу. Я думаю и с К[онфуцием] то же.

Л. Т.

На полулисте почтовой бумаги; несомненно относится к этому же времени):

Вчера говорил Сибирякову о Покрасе (у меня денег его нет, да и нельзя посылать, не зная куда). Он напишет вам и пришлет деньги. Я дам ему адрес. Спасибо за письмо. Лева собирается и я жалею, что не я. Обнимаю вас всех.

Л. Т.

30. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

23 февраля 1887 г.[1])

Хоть два слова напишу вам, дорогой друг. А то все откладываю: а стосковался по вас — брюхом хочется общения с вашей душой. Что вы делаете? Отчего не работаете? Что в душе делается. Хорошо ли вам? Мне очень хорошо, и этому хорошему состоянию содействует и украшает его наш дорогой Колечка. Как солнце и светит и греет вокруг себя и живет всей силой своего духа. У меня то то, то се болит и жизнь брезжится во мне, но ищу и понемногу достигаю того, чтобы она шла в свете и тогда нет ни меньшего, ни большего. — Да, для того, чтобы производить то, что называют произведениями искусства, надо 1) чтобы человек ясно несомненно знал, что добро, что зло, тонко видел разделяющую черту и потом писал бы не то, что есть, а что должно быть. А делал бы то, что должно быть так, как будто оно есть. Чтобы для

него то, что должно быть — было бы. — Неправда-ли? И у вас оба термина очень сильны и равны и потому вы должны писать, когда вам хочется и ничего не мешает. Поцелуйте от меня ваших от меня и моих. Очень радуюсь, что К[атерина] И[вановна] поправилась. Теперь ей только родить хорошенько девочку хорошую и прекрасно все будет по внешнему; а по внутреннему это они сами устроят в душе тоже прекрасно. *Л. Т.*

Приписка П. И. Бирюкова:

Дорогой дедушка, целую вас крепко вместе со Л. Н., у кот. гощу теперь. И с Колечкой чувствую себя как-то очень хорошо, так что не умею и сказать. *П. Бирюков.*

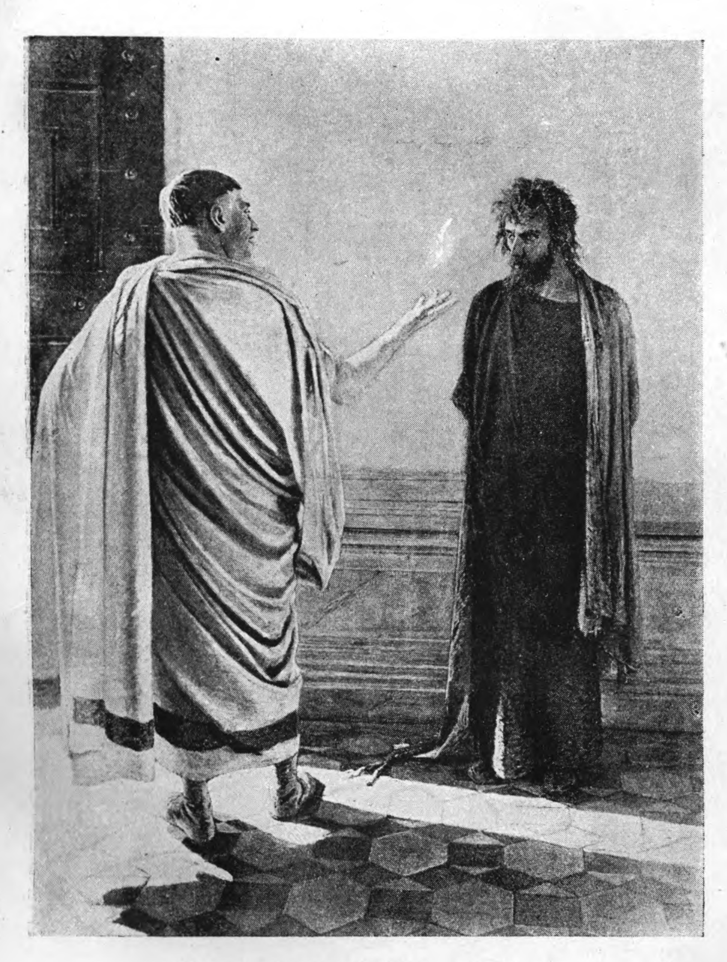
Приписка Н. Н. Ге — младшего, гостившего в это время у Толстых в Москве:

Целую тебя, папа. Отчего ты давно не пишешь. Я недавно писал. Прощай. Будь счастлив, а счастлив ты будешь, если хочешь.

31. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

11 апреля 1887 г. [1])

Письмо ваше, дорогой друг, получил я уже в Ясной с Колечкой. Он привез мне его из Москвы

Что есть истина? 1889 — 1890 г.г.

Третьяковская галлерея.

и теперь живет со мной меня радует. Я уехал из Москвы во вторник на страстной, от суеты. Прожил я зиму хорошо. Чтение мое, о к. вы спрашиваете, это мысли о жизни и смерти, к. мне дороги и нужны и к. я поэтому стараюсь себе уяснить [2]). Может быть и другим пригодится. Колечка вам расскажет, а как будет в окончательной форме, то пришлю вам. Кто знает, может, и сам приеду к вам. Очень хочется. Я радуюсь передаче ваших картин Третьякову. Там им место. Жалею, что вы не работали много, а потом думаю, что так надо. — Файнерман в Ясной такой же хороший. Слава богу, жить хорошо. Да увидимся бог даст все расскажу. Если бестолково письмо, то оттого что пишу на Козловке среди шума на станции. Обнимаю вас и ваших.

Л. Т.

Приписка Н. Н. Ге — сына:

Заехал теперь в Ясную, тут побуду и может вместе с Л. Н. приеду в хутор. Скоро увидимся и стану делать вам то, что вам нужно. Целую тебя, маму, Петрушку, Катю, Колю, Парасю и няню. Прощай, желаю вам всем хорошей жизни, как мне живется.

Н. Ге

32. Н. Н. Ге к Л. Н. Толстому

Конец апреля 1887 г. [1])

Милый, дорогой мой друг, один вид вашего письма меня уже обрадовал. Прочел, стало на душе радостно, хорошо. Большое спасибо вам. Я все собирался писать, да как-то темно было на душе, и не хотелось огорчать вас, тем более, что я знал, что это пройдет, а что такое это было, я могу выразить только сравнением. Я убедился, что надо броситься в море и плыть. Я знаю, что умею плыть — и поплыл. Но плыву-то я так, что все об этом думаю, и это мне мешало плыть. Теперь, слава богу, много легче. Я понял многое, стал сильнее и храбрее. У меня никогда не было развито самолюбие. Я этим не страдал. А вместе с тем меня все мучит, что идет вразрез той ясной, чистой мысли, которую я вижу яснее дня. Я развил своей жизнью впечатлительность до того, что должен был бороться. Теперь, я надеюсь, милый друг, что доплыву до того места, где вы стоите. Не брошу, не отстану, и верю, что бог мне поможет. Я не работал, но не потому, что охладел или не хотел, а потому, что всегда думал и знаю, что дело дороже всякого рассказа, рисования. Сначала я заменял (на работах) сына Колечку, а по приезде его работал для людей. Я делал печь бедной семье

у себя в хуторе, и это время было для меня самое радостное в жизни. Все дети хутора, а потом и женщины, собирались в хату, чтобы побыть со мною, и радовались любовно, глядя на мою искусную работу. Я теперь, всякий раз, когда нужно, хожу в хутор, и все дети бегут ко мне навстречу и кружатся около меня. И кто это выдумал, что мужики и бабы, вообще простой люд, грубы и невежественны? Это не только ложь, но, я подозреваю, злостная ложь. Я не встречал такой деликатности и тонкости никогда и нигде. Это правда, что надо заслужить, чтобы тебя поставили ровно по-человечески, чтоб они сквозь барина увидели человека, но раз они это увидали, они не только деликатны, но нежны. Не смущайтесь, что я на время оставил работу. Я опять принимаюсь, я не могу жизнь, свое сознание отделять от работы. Я столько пережил в это время, столько переродился, что от этой работы только выиграл, ежели Бог это позволит, я действительно вас порадую работой художественной. Искренно только и можно работать, по-моему, но еще нужно жить тем, что хочешь сказать; это вы сами знаете. Я прочел о „Жизни и смерти" всé там до того верно, что и иначе не мог думать и многое буквально говорил своим. Это у вас восторг! Это сама правда! Не думать так нельзя. Кто поверил Христу, полюбил его, а потому и понял, тот непременно к этому придет... Надеюсь, что

скоро увижу вас и всех ваших, хотя знаю, что это большая награда, большой праздник, чтобы всех вас опять вместе повидать...

33. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

14 мая 1887 г.[1])

Милый дорогой друг Н. Н. старший. Уже три дня каждый день собираюсь писать вам, думаю же о вас беспрестанно и жалею, что не чую вас душой. Из письма Колечки, за к. очень благодарю его, не вывел никакого заключения о вашем душевном состоянии. — П. И. Бирюков, приехал ко мне с неделю тому назад и жил до приезда наших, а теперь, наши приехали и он скоро — завтра хочет ехать. Вспомнил и вставил о нем, п. ч. с ним говорили про вас очень важное. А именно: Все художники настоящие только потому художники, что им есть что писать, что они умеют писать и что у них есть способность писать и в одно и то же время читать или смотреть и самим строгим судом судить себя. Вот этой способности я боюсь у вас слишком много и она мешает вам делать для людей то, что им нужно. Я говорю про евангельские картины. Кроме вас никто не знает того содержания этих картин, к. у вас в сердце, кроме вас никто не может их так искренно выразить и никто не может их так написать. Пускай некото-

рые из них будут ниже того уровня, на к. стоят лучшие, пускай они будут недоделаны, но самые низкие по уровню будут все-таки большое и важное приобретение в настоящем искусстве, и в настоящем единственном деле жизни. — Мне особенно живо все это представилось, когда я получил прекрасный оттиск „Тайной вечери", сделанный для Мар. Алекс. (Соф. Андр. сделала их 10 без вашего позволенья. Вы ведь позволите). Знаю я, что нельзя советовать и указывать художнику, что ему делать. Там идет своя внутренняя работа, но мне ужасно жалко подумать, что начатое дело чудесное не осуществится. Меня затащили на выставку. Там ведь ничего похожего на картины как произведения человеческой души а не рук — нету. Чем кончились ваши переговоры с Третьяковым. Я рад буду, когда ваши картины будут там. Я все копаюсь в своей статье. Кажется, что это нужно, а бог знает. Хочется поскорее кончить, чтобы освободиться для других работ, вытесняющих эту. Хочется тоже вас увидать. Не знаю как приведет бог. Чертков пишет, что он Репина уговаривал заехать к вам и ко мне. Я буду очень рад, разумеется, но мне хочется приехать к вам, чтобы увидать вас дома и всех ваших и Колечку. Передайте мою любовь Анне Петровне, Катер. Иван. дай ей бог благополучно родить, Петруше и малышам. Наши все и П. И. вас любят и целуют. —

Хотел написать хорошо письмо, а вышло не то. Я все последние дни вял, как это со мной временами бывает.

Ваш друг и брат *Л. Т.*

34. Н. Н. Ге к Т. Л. Толстой

3 июля 1887 г.[1])

Милая Таня! Ясно представилось мне, что я с вами опять, и это возможно, ежели бог позволит, то и доберусь — когда окончу все нужные здесь работы. Мы, слава богу, все здоровы, с нами новый человек — милый Ива, как его Катя назвала (Иван). 28 мая он родился благополучно, и Катя совершенно здорова и сама кормит. Количка работает по целым дням, Петруша ездит по делам всяким, а мы, старье сидели дома и делали посильные работы. Удивительная вещь: как только обозначится, что человек может что-нибудь делать хорошо, а главное добросовестно, так одна работа зовет за собой другую. Я не был неделю дома, ездил делать печь своему соседу, хорошему человеку, он помещик, кузнец, сапожник, и мне помогал делать печь и учился и этому ремеслу. Приехал домой и вот надо ставить печь няне, которая устраивает свое гнездо, а затем две

печи Петруше в его пристройке. Вот как это все поделаю, так на отдых поеду к вам, коли бог даст. Кроме того, еще помогаю Количке по хозяйству.

Третьяков взял у меня картину „Христос в Гефсимании“, и вот я могу отдать свой долг, который меня несколько мучил. Я этим очень доволен, что старые грехи покончу окончательно и могу начать жизнь в новую строчку. Все же остальное я отдал своим на их нужды. Рисовать—не рисую, так как не могу отдаться совершенно этому делу, а урывками не могу работать. Передайте мою любовь всем вашим маме, сестрам, братьям, всем слугам, а моего милого Льва Николаевича крепко, крепко за меня поцелуйте и скажите ему, что раздражение мое, происходившее от диссонанса жизни моей и окружающих с святой истиной, смягчается: я все делаюсь спокойнее и лучше и все более и более понимаю евангелие и испытываю великую радость, живя им. Я увидел на себе такое явление: чем более становлюсь чуждым, одиноким среди людей мира, тем ближе, любовнее льнут к тебе люди простые, угнетенные, и я убедился, что они это делают искренно, по чувству. Точно знают, что в душе человека и это чувство так радостно, что сторицею вознаграждает отчуждение и неприятности от него. Вы мне пишете о братьях и сестрах. Мне жаль Илью и дай бог, чтоб он скорее освободился от этого тяжелого положения. Если вы знаете

адрес Исая Борисовича, напишите мне — я не знаю, что с ним делается.

Будьте же здоровы, счастливы, милая Таня! Целую вас и люблю вас. Ник. Ге.

Машу крепко целую.

35. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

7 окт. 1887 г. [1])

Соскучился я о вас, милые дорогие друзья. Не соскучился, а очень сердцем хочется чуять, слышать вас. Так много хочется сказать и ничего не нужно сказать, п. ч. вы все знаете. — У нас живется очень хорошо и внешнее и внутреннее. Надеюсь, что мне не кажется, но что так и есть, растет и в других в близких мне и во мне горчичное зерно. Зная только, что все больше и больше света и радости становится в моей жизни. Я все время работал над своей книгой о жизни и дошел уж кажется до того предела, даже перешел, что всякая работа над ней портит. Она печатается. Буду стараться меньше копаться. Тем более, что затеял другое—художественное.—Только затеял что-то мне чуется, что вы, милый друг дедушка, тоже работаете. Дай бог. Если работать, то от всей силы души. А от всей силы души то хорошо и нужно. Был Репин [2]), написал хороший портрет. Я его еще

больше полюбил. Живой растущий человек и приближается к тому свету, куда все идет и мы грешные. Колечку вспоминаю каждый день и с такой любовью. — Все наши вас любят и шлют привет. Напишите друзья.

Обнимаю вас. Л. Т.

Всем вашим поклон от всех наших. Файнерман в Киеве. Не знаю, что делает. Друзья старые Ч[ертков], Б[ирюков] и другие все ближе и дороже и новых друзей много.

36. Н. Н. Ге к М. Л. Толстой

Осень 1887 г. [1])

Милая, дорогая Маша, большое спасибо тебе за письмо, я всех вас живо почувствовал — хотя и много чего-то унылого в нем, но все таки я рад был услышать живую речь. Я живу слава богу. Жизнь моя точь в точь, как милого моего дорогого брата Льва Николаевича. Каждый день я собираюсь ехать к вам и не еду только потому, что не сделал необходимого. Ты знаешь, что недалеко от меня живет моя племянница Зоя — в июле ей вышел срок ее административному существованию — она теперь свободна, и вот теперь он, ее муж, и она устраиваются и в этом

я участвую, так как они бедны и не могут сделать все нужное без сторонней помощи. Сосед мой [2]) добрый человек дал им место поселиться — я ездил в лесной уезд соседний искать хату и куплю хату — затем нужно перевести, сложить, обмазать и поставить печь — вот это все надо сделать — слава Богу добрых людей много, каждый чем может поможет и дело будет сделано. Как только окончу свое, так и поеду, может-быть, и скоро. Вперед радуюсь, что увижу всех вас и, может, бог позволит и поживу. Жизнь моя тихая и радостная, ежели и тяжко, то от одиночества среди своих, но я себя уже приучил к этому и ничего — без ропота живу. Колечка работает с утра до вечера — живу я с ним хорошо. Последнее время мало и беседовали — работа мешала. Теперь вот поубрались — может пойдет спокойнее. Жаль мне, что я ничего не знаю о дорогих людях. Не знаю, где Осмидов и Фейнерман — как живут, да и адресов их у меня нет. Спасибо тебе, милая Маша, за твое доброе ко мне расположение. У тебя добрая чистая душа — храни эту чистоту. Бог тебя не оставит и будешь ты счастлива и сделаешь счастье других. Я в это верю, люблю тебя и верю, что бог сохранит тебя. Поцелуй всех за меня, передай мой самый искренний привет, а отца поцелуй и скажи ему, что я его люблю больше своей души. Приеду и раскрою все, что надумал.

37. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

1 дек. 1887 г. [1])

Получил ваше хорошее письмо в Москве и теперь вижу что долго не отвечал. Простите. Пожалел я о вас за болезнь Анны Петровны, я и все наши. Хорошо ли теперь ее здоровье. Передайте ей мою любовь и всех наших. — Если вы в Одессе [2]) письмо это верно распечатает Колечка, а вас мы скоро увидим в Москве. У нас все хорошо; особенного ничего нет в жизни ни для меня ни для вас, а того, о чем хочется говорить, так много, что в письме нельзя и начинать.

Мы живем нопрежнему, мне кажется, что все понемногу растем не в бок, а прямо. Я все переделываю и кончаю почти уж отпечатанную книгу о жизни, но чувствую себя слабым для этой работы и потому идет дело медленно. Вижу много хороших близких людей и чувствую себя счастливым. О вас думаю часто и очень люблю. Хотел написать Колечке давно, да все не могу. Надеюсь что то, что он мне не пишет, не показывает того, чтобы он меня любил меньше.

Наши поклоны всем вашим.

38. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

13 февраля 1888 г. [1])

Спасибо, что порадовали меня письмом, дорогой друг и такими хорошими вестями — что нашел на вас период работы. Помогай вам бог. Давно пора! Я это говорю больше себе, чем вам. И вместе с тем знаю, что никак нельзя заставить себя работать, когда привык работать на известной глубине сознания и никак не можешь спуститься на нее. За то какая радость, когда достигнешь. Я теперь в таком положении. Работ пропасть начатых и все любимых мною, а не могу нырнуть туда — все выносит опять наверх. У нас все хорошо — очень хорошо даже. Жена донашивает будущего ребенка — остается месяц. Илья женится — на Философовой (вы верно знаете — славная простая здоровая чистая девушка) 28 февраля и находится в том невменяемом состоянии, в к. находятся влюбленные. Жизнь для него остановилась и вся в будущем. Много вижу людей и все хороших, и это общение мне радостно. Количку все ждут и грустят, что его нет. Все потому, что все его любят как-то особенно хорошо и сильно. У нас на днях была скоропостижная смерть Оболенского — мужа племянницы. Все это как должно быть, и хорошо. Человек был очень хороший—простой добрый. Теперь вдова с 7-ю детьми осталась—

бедная, дóлгóв много; нó и это все хорошо и много вызывает доброго в людях. — Не могу никак видеть дурного, а все только разнообразный материал для самого прекрасного как от нас зависит из него выработать. Все последнее время читал и читаю Герцена и о вас часто поминаю [2]). Что за удивительный писатель. И наша жизнь русская за последние 20 лет была бы не та, если бы этот писатель не был скрыт от молодого поколения. А то из организма русского общества вынут насильственно очень важный орган.

Передайте мою любовь Анне Петровне. (Радуюсь, что ей теперь лучше) и молодым вашим и самым маленьким.

Не нарисуете ли картинку о пьянстве. Нужно две. Одну большую; да еще виньетку для всех изданий по этому предмету под заглавием: пора опомниться.

Ну, прощайте пока. Братски целую вас.

Что хотите привезти на выставку?

Любящий вас Л. Толстой

39. Н. Н. Ге к Л. Н. Толстому [1])

Апрель 1888 г.

Милый дорогой друг мой Лев Николаевич, верю и надеюсь, что бог позволит мне еще повидаться

с вами и хочется мне, не ехал я потому, что нужен был здесь. Но теперь, все поделал, что мог, остается только сделать одну печь — как кончу, то бог даст и поеду. Книга ваша превосходна и мне жаль будет, ежели не успею переписать, ну да это как бог даст, главное в голове и в сердце она сохранится. Эту неделю я жил у Рубанов, у них уже двое деток. Живут они хорошо, построили хату и я вот им делал печь, немного не кончил. Он замечательно хороший человек, непрерывно работает на всех и кроме любви у него нет других чувств и необыкновенно ясный и глубокий ум [2]). Зоя слава богу сростается с ним с совершенно счастлива — детки здоровые и веселые. Жить с ними радость. Будьте здоровы, милый друг, целую вас крепко. Милой Софье Андреевне передайте мой поклон, всех деток и новорожденного Ваню целую — дай Бог, чтоб в нем жил Иоанн Богослов, любимейший писатель и человек. До свиданья. Ваш сердцем Н. Ге.

Мих. Вас. вас целует, семейству передает свой поклон. Колечка вас целует и всем кланяется.

40. Н. Н. Ге к М. Л. Толстой

Апрель 1888 г. [1])

Очень и очень виноват, дорогая Маша. Получил я „О жизни“ [2]), прочел, все понял и счастлив. Брат мой [3]) О[сип] Н[иколаевич] переписывает, а я делаю

печь, одну почти кончил, а другую сделаю, ежели бог позволит в 3 дня. Каждая печь требует 3 дня работы вдвоем. До сих пор всегда было так, что бог нашлет доброго человека, котор. помогает, а теперь у меня помощник милый мой друг Михаил Васильевич Теплов, которого у нас называют Офицером. Я думаю так: кончу и сейчас еду к вам, уж больно соскучился за всеми вами; а в особенности за дорогим Л. Н. Вот уже два года как я его не видел и не слышал его речи. Что у вас хорошо, я знаю, я чувствую это. И у нас слава богу не скверно — живем мы тихо, в работе и возможно малой роскоши. Аничка поехала в Екатер. губ. к родным и пишет, что ей там хорошо. Петруша с своим семейством живет около нас, но общения с нами не имеет, и кажется переезжает в Борзну, в город, где он служит. Вот и все, что могу сказать о нашей жизни. Количка получил и книгу и твою приписку. Как он живет, вы знаете и рассказать нечего. Надеюсь, что скоро всех вас увижу, а теперь целую крепко. Люблю вас и желаю всего наилучшего. Сердцем ваш Николай Ге.

41. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

30 июня 1888 г. [1])

Получили ваше письмо дорогой друг и радуемся мысли увидать вас. У нас все очень хорошо. Любящий вас *Л. Толстой*

42. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге и Н. Н. Ге—сыну

Осень 1888 г.

Соскучился я по вести о вас, милые дорогие друзья Н. Н-евичи старший и младший. Хорошо ли у вас? Что-то мне жутко за вас. Последнее, что я знаю о вас, оставил я вас обоих, как мне кажется в процессе борьбы или ломки. Напишите, как и что вы. Дай бог, чтобы беспокойство мое б. напрасное. Причина одна, что очень вы мне дороги, а другая, что трудно, особенно со стороны глядя. Для себя не трудно то, что делаешь, а за другого всегда жутко. Жизнь наша вот какая. Кузьминская уехала уже недели две, девочки остались с нами. Жена занята маленькими, особенно Ваней, а мы с 4-мя девочками и Пав. Ив., к. тоже недели 2 уже живет у нас, держимся вместе и хорошо, работаем, читаем, беседуем. Иван, Таня и Маша уехали с Пироговскими девочками[1]) к Илье, вернутся в середу. Я не пишу и сначала б. скучно, а теперь рад. У меня сделалась привычка от жизни уходить в раковину моего писанья — пренебрегать жизнью (отношениями с людьми) из за писанья; и это нехорошо. Теперь не пишешь, некуда спрятаться и серьезнее относишься к жизни, всякую минуту ее стараешься прожить во всю — лучше и этак лучше.

Совесть. 1891 г.

Третьяковская галлерея.

Прощайте, милые друзья, не совсем берите с меня пример и напишите мне подлинней и поподробнее о себе. Мих. Вас. поцелуйте. М. В. Булыгина видел 2 раза, я б. у него. Он дом построил. Много не так делает. Я ему говорил, да видно так надо было. Он такой кроткий и серьезный.

Любящий вас очень *Л. Т.*

Приписка П. И. Бирюкова

Дорогой дедушка и Колечка, я все путешествую т.-е. больше все здесь сижу. После того как с вами расстался всего 3 дня был в Петербурге. И не знаю, писали ли вы мне туда? Что картинки Эллины[2]) и прощ. беседа, подвигаются ли? Получил письмо от Хилкова хорошее, пишет, что вы были у него; пишет главное о том, что надо согласиться, во что веруем, и сосчитаться, а то много путаницы. „Кто мы и сколько нас?“ Хорошо бы это, да страшно, боюсь формы, кристаллизации духовной деятельности. Что бог даст. Будем любить друг друга и всех, и все будет хорошо.

Любящий вас *П. Бирюков.*

43. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге и Н. Н. Ге—сыну

30 ноября 1888 г.[1])

Как вы живете, дорогие друзья, отец и сын Н. Николаевичи. Пожалуйста, напишите мне все и поподробнее о себе. Пишете ли, рисуете ли евангельские картины, старший? Пишите и рисуйте, это должно, если только тянет к этой работе и голос совести велит. Младший, как устроили материальную жизнь? Я заметил, что когда трудно тяжело и все-таки работаешь в том же направлении, то и награда соответственна положенному труду. Я с неделю как переехал в Москву. Как в деревне, так и здесь продолжаю не работать пером и это воздержание, представьте себе, удовлетворяет, радует меня. Хочется по привычке, по себялюбию, по желанию отуманиться, уйти от жизни по этим причинам хочется, но нет той непреодолимой силы, какая привлекла бы меня к писанию, нет того снисходительного суда к себе, как прежде одобрял все, и не пишешь и чувствуешь какую-то чистоту, в роде как от некурения. Продолжаете ли не курить? Я не нарадуюсь на то, что избавился от этого. — Так мы отвыкли от того естественного понимания жизни...

30 ноября. Начал дня три тому назад это письмо да оторвали и забыл конец фразы. Откликнитесь,

милые друзья, надо чувствовать друг друга — переписываться. У нас заболел Лева — в роде тифа. Целую вас.

Л. Толстой

44. Н. Н. Ге к Л. Н. Толстому

6 декабря 1888 г.[1])

Дорогой друг Лев Николаевич!

Я думаю, что вы уже в Москве, так туда я и пишу. Давно уже ничего не слышу от вас, а хотелось бы узнать, как вы живете, что делаете. Недавно прошел слух у нас, что вы желаете или будете представляться государю — этот слух чрез Рачинского — тут очевидно что-нибудь спутано, одним словом, это что-то не то. А основание вероятно есть. Вы нам напишите. Что делают ваши, кто с вами — что делает милая Маша, что делает тоже милая Таня — и мальчики. Передаю поклон милой Софии Андреевне и всем вашим. Мы живем тихо и скудно. Кто сколько может хлопочем, собираем и готовим дань большому Молоху — Поземельн. Кредиту и малому — Земству. Все это к новому году надо заплатить — Коля и Михаил Васильевич по целым дням работают над хлебом, а я старался и хлопо-

тал устроить печь в бане, хотелось мне это сделать для нас всех, так как все мы любим баню — да морозы захватили и мешают, но я не унываю и дерусь с морозом, еще вчера работал, но сегодня на Николая 12 град. морозу и работать нельзя. Ежели мороз долго будет, то примусь за живопись а как только отпустит, так примусь опять за глину. Часто вспоминаю дорогое время, проведенное в Ясной. Точно солнце — так светло и хорошо. Бог даст — непоследние это были дни — еще даст нам этой тихой радости. Пишите же, милый дорогой Лев Николаевич. Порадуйте известием любящих вас крепко. Ваш брат и друг Н. Ге.

Бирюкову, ежели он с вами, мой поклон — скажите, что я ему нарисую то, о чем меня спрашивал. Это „Послед. беседу Христа".

45. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

3 февраля 1889 г. [1])

Спасибо за письмецо, дорогой друг, и за хорошие вести — а то, что вы пишите картину, которая хороша не потому, что я ее люблю, а всем хороша будет потому что очень задушевна. Радуюсь и на Количку и на Михаила Васильевича только не со-

всем ясна их жизнь. Пусть милый друг Количка напишет. Эпиктета Чертков мне прислал в рукописи, чудо как хорош. Истинная пища для души. Паскаль тоже удивительно хорошо. Я пришлю вам. Я живу хорошо, ничего не пишу от того, что слишком хочется — не по силам хочется. Ну, что бог, даст. Мне и так хорошо, коли удастся поменьше грешить. — Бирюков с Машей хотят жениться. Мы отложим подальше, пусть она поокрепнет. Был грех неудовольствия и потому про это лучше не говорить и не писать. Друзей и людей близких много, а все хочется вас, милых, видеть. Ну да как будет, так и хорошо.

Пока прощайте, нынче у меня живот болит, 2-й раз во всю зиму. Домашние же все хворали, сильнее всех маленький Ваничка, но теперь все здоровы. Анну Петровну целую, дай бог ей поправиться и душевного спокойствия и радости.

Любящий вас очень *Л. Толстой*

46. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге и Н. Н. Ге—сыну

20 февраля 1889 г. [1])

Очень рад был получить от вас письмо, дорогие друзья. Обращаюсь сначала к Н. Н. старшему:

вести ваши очень хорошие и мне радостные,—буду ждать выставки с интересом большим, а вы мне еще напишите как подвигается ваша теперешняя работа — „последняя беседа". Хотелось бы и мне тоже за зиму сделать кое-что по своей выработанной специальности, да не велит видно бог. Хотелось бы, но и без этого живу радостно. Часто себе говорю: жить, не переставая радуясь тому, чему ничто никогда нигде помешать не может радости исполнения воли бога в чистоте, смирении и любви. И бывает чаще и чаще, что удается испытывать эту радость. При исполнении того дела, к которому чувствуешь себя непреодолимо и несомненно призванным, как вы в своей теперешней работе — это бывает чаще всего. Только бы в чистоте, т.-е. чистым от всяких похотей—объедания, вина, курения, половой похоти и славы людской в смирении, т.-е. готовым всегда на то, чтобы мой труд ругали и меня срамили, и в любви, т.-е. при этом без злобы, досады, желания удаления от какого бы то ни было живого человеческого существа. — Тогда очень хорошо. И мне часто бывает, так и кажется мне чего желает мое сердце, что и вам теперь так.

У меня хорошо — с женой тихо, дружно. Правда, что обидно иногда за детей, что их подвергают соблазнам, но когда решено, раз навсегда, что вырвать их из этих соблазнов для меня так же невоз-

можно, как вырвать из соблазнов детей китайцев, живущих в неизвестных мне городах и деревнях, тогда это не больно. Даже иногда видишь, что это лучше — сильнее, чище работа в них — лучше, как лучше все, что есть. — Жизнь моя полна и радостна. Писать много я вам хотел, но не знаешь с какого конца начать.

Теперь Количке отвечаю. Да, милый дорогой друг, самое простое, ясное и хорошее то, что вы сделали. Удивительно даже, как прежде вы не сделали этого и никто не научил вас, что так надо. Одно, милый друг, хочется сказать вам: животные отдаются половому общению только тогда, когда может родиться плод. Человек не просвещен, каковы мы все готовы на это всегда и даже выдумали, что что это потребность. И этой выдуманной потребностью губят женщину — вызывая ее в то время, когда она носит или кормит, на непосильную и неестественную деятельность любовницы. Мы сами загубили в женщине этим требованием ее разумную природу, а потом или жалуемся на ее неразумность, или развиваем ее книгами и курсами. Да, во всем животном человеку надо сознательно дойти до животного и это делается само собою, когда разумнее начнешь жить, а то разумная деятельность направляется только на извращение животной жизни. Я много думал об этом и потому пишу вам об этом и вашей жене. — Напишите мне, как вы проводите

время, что и как работаете. Если можно, то и про отношения с матерью и братом. Что Михаил Васильевич. Не пишете про него. Целую вас всех и его.

Л. Т.

47. П. И. Бирюков к Н. Н. Ге

Москва 22 марта 1889 г.[1])

Дорогой дедушка, я всегда думаю о вас с Колечкой и люблю вас, но недавно особенно близко чувствовал вас и жил с вами. И с тех пор каждый день порываюсь писать вам. Это было, когда смотрел в Петербурге на вашу картину. Я ее полюбил и долго сидел перед нею, перенося душою в нашего общего Отца и более подробно перенося в душу Христа и его друзей и в эту страшпую ночь, когда решался вопрос быть или не быть христианству. И я переносился и в вашу душу, и чувствовал, с какою любовью вы писали эту мысль, и лицо Христа напоминало мне лицо Колечки в его вдохновенные, кроткие минуты жизни. Одним словом, я жил с вами и с вашим творением и теперь пишу это и живу также. Все это я очень плохо передаю, но не могу удержаться, чтобы не поделиться с вами, а вы поймете так, как вам подскажет любовь.

Что поделывает Колечка, как живется ему, работал ли он над китайцами. Хорошо, кабы он изложил по своему пониманию учение Лаодзи. Вы знаете,

дорогой дедушка, про меня с Машей. Я знаю, что вы любите нас и радуетесь за нас нашей радостью. Что сказать вам про это? Я чувствую, что жизнь моя уже изменилась, я уже не один живу, а с другом, с которым делю свою душу. Ни одной минуты не считал и не считаю я себя достойным ее, но знаю, что она любит меня. А мне мало сказать, что я люблю ее, уж это столько раз столькими людьми говорилось! Мне хочется сказать ей, что-нибудь новое и я до сих пор еще не нашел слов на это. Знаю, что прочность, значительность нашего единения зависит от того, насколько мы хороши, насколько мы близки к богу, насколько творим его волю. Л. Н. говорит, что надо исполнять волю бога в чистоте, смирении и любви и тогда будет радость совершенная, вечная и свободная. И вот забота моя, чтоб радость нашего единения тонула в лучах этой общей радости, составляя частицу ее.

Напишите мне о себе и об Колечке побольше, адресуйте в Кострому, П. Ив. Б—ву, я сегодня туда уезжаю и буду жить в деревне. Л. Н. здоров и бодр, собирается погостить к Урусову. Кланяюсь всем вашим.

Любящий вас *П. Бирюков*

Приписка Л. Н. Толстого:

Хоть два слова припишу, милые друзья, чтоб сказать, что люблю вас и думаю о вас часто, и о ва-

шей работе, Н. Н. (Старший), надо делать и выражать то, что созрело в душе. Никто ведь никогда этого не выразит кроме вас. Я жду всей серии евангельских картин. Слышал о той картине в Петербурге от Прянишникова по словам Маковского очень хорошо говорил. Вот поняли же и они. А простецы то и подавно. Да не в том дело, как вы знаете, чтобы NN хвалили, а чтобы чувствовать, что говоришь нечто новое и важное и нужное людям. И когда это чувствуешь и работаешь во имя этого — как вы надеюсь теперь работаете — то это слишком большое счастье на земле. Даже совестно перед другими. Сейчас с Пошей едем, он в Кострому, я в уединение к Урусову недели на две. Целую вас. Что вы мне не ответили о Теплове?

Л. Т.

48. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

24 апр. 1889 г.[1])

Вот спасибо, милый и дорогой друг, за письмо. Иногда и у вас и у меня бывают письма так только, чтобы сделать задуманное — написать, а иногда как ваше последнее — от души, и тогда очень радостно. Постоянно думаю о вас обоих и все почему-то чего-то боюсь за вас обоих. Должно-быть, от того, что

люблю. В любви нет страха. Не боюсь, что вы меня обидите, не боюсь, что вы заболеете и помрете, а боюсь, что вы не будете делать того, что хотите, и будете страдать, и я с вами. Устроилось у вас очень хорошо в крупных чертах, но знаю, что много мелочей, как мелочи для людей, а важны для бога. Помогай он вам не устроиться в них — устроиться нельзя, устроять их ежедневно. Картину[2]) вашу ждал и видел. Поразительная иллюстрация того, что есть искусство на нынешней выставке: картина ваша и Репина. У Р. представлено то, что человек во имя Христа останавливает казнь[3]), т.-е. делает одно из самых поразительных и важных дел. У вас представлено (для меня и для одного из 1.000.000 то, что в душе Христа происходит внутренняя работа, а для всех) — то, что Христос с учениками, кроме того, что преображался, въезжал в Иерусалим, распинался, воскресал, еще жил, жил как мы живем, думал, чувствовал, страдал и ночью и утром и днем. У Репина сказано то, что он хотел сказать так узко, тесно, что на словах это бы еще точнее можно сказать. Сказано и больше ничего. Помешал казнить, ну, чтож, ну помешал. А потом? Но мало того: так как содержание не художественно, не ново, не дорого автору, то даже и то не сказано. Вся картина без фокуса и все фигуры ползут врозь. У вас же сделано то, что нужно. Я знал эскиз, слышал про картину, но когда увидал, я умилился. Картина делает

то что нужно — раскрывает целый мир той жизни Христа вне знакомых моментов и показывает это там таким, каким каждый может себе его представить по своей духовной силе.—Единственный упрек—это зачем Иоанн, отыскивая в темноте что-то, стоит так близко от Христа. Удаленная от других фигура Христа мне лучше нравилась, настоящая картина, т.-е. она дает то, что должно давать искусство. И как радостно, что она пробрала всех, самых чуждых ее смыслу людей. Я гостил 3 недели у Урусова. Есть такой генерал, мой кум, математик и богослов, но хороший человек. В уединении у него пописал. Здесь опять иссяк. Начал писать статейку об искусстве между прочим, и все не могу кончить [4]). Но не то, не то надо писать. А надо писать. Кое-что есть такое, что я вижу, а никто кроме меня не видит. Так мне кажется, по крайней мере. У вас тоже такое есть. И вот сделать так, чтобы и другие это видели — это надо прежде смерти. Тому чтобы жить честно и чисто, т.-е. не на чужой шее, это не только не мешает, но одно поощряет другое. Целую вас, Анну Петровну, Количку и его семью. Когда буду в Ясной не знаю. Живу здесь, потому что уход мой сделает боль и раздражение. А жить мне хорошо. Друзей много, все прибавляются и все растем вместе.

Очень радостно.

49. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге и Н. Н. Ге—сыну.

24 июня 1889 г. [1])

Дорогие друзья, дня не проходит, чтобы я не думал про вас, и что дальше, то все чаще и сильнее и с большим желанием ощущать ваше существование и свою связь с вами. За духовную жизнь вашу я никогда не боюсь, как и нельзя бояться за то, что одно есть. Она есть и должна расти и растет, но условия, в которых вы оба находитесь, представляются мне иногда трудными, трудными, разумеется только для минуты слабости и соблазна (для хороших минут нет трудного) и потому часто по слабости своей боюсь за вас, за ваши страдания.

Во всяком случае напишите мне, дорогие милые друзья. Прежде всего вы, старший, если плохо что и тяжело, и можно высказать, то напишите мне, если нет ничего такого, как я и думаю, то напишите о своей работе. Я думаю, что она есть. А думаю, потому что желаю этого очень, как и писал вам в последнем письме. Желаю, потому что знаю, что того, что сидит в вас (как я увидал по картине выхода из Тайной Вечери, собственно вспомнил только) нет ни в ком и долго ни от кого не дождешься и потому надо думать, что вы это сделаете, т.-е. картинами выскажете простое, ясное, понятное и нужное людям христианство.

Количка же смущает меня в минуты моей слабости тем, что думается он недоволен своей семейной жизнью, раскаивается в добром законном поступке. Помилуй бог. Поверьте, да вы это знаете, милый мой голубчик, что хороших самих по себе внешних условий нет и разумный человек, женатый на ангеле, и другой женатый на дьяволе, одинаково недовольны, и что много, не только много, но почти все недовольны своим супружеством люди (а они все недовольны), все считают, что хуже их положения не может быть, стало-быть, всем ровно. Еще боюсь за вас, что или много физически зарабатываетесь, мало читаете (общаетесь с миром духовным) или опустились как-нибудь. А вернее, что ничего, кроме хорошего, нет. Напишите, голубчик, да смотрите по своей привычке не клепите на себя. Я живу хорошо, немного работаю—пашу, собираюсь косить и довольно много пишу или скорее прилаживаюсь писать, т.-е. пишу и мараю. Пишу и комедию [2]), и повесть [3]), и об искусстве. На душе большею частью хорошо. Да и грех бы был, коли бы не было. Редкий день проходит без радостных доказательств того, что тот огонь, который Христос низвел на землю, разгорается все сильнее и сильнее. В семье радостнее всех мне Маша. С ней у нас одни радости. В последнем письме вы писали, кажется, что приедите, я не отвечал на это, надеюсь, что молчание это вы не истолковали как-нибудь. Я не говорю про

себя, но домашние примут вас с той радостью, к. останется за вычетом неприятного чувства приезда союзника мне, с которым все воюют, хотя я давно сложил оружие.

Любящий вас *Л. Т.*

50. Н. Н. Ге к Л. Н. Толстому [1])

6 ноября 1889 г.

Теперь, с зимою, я начал писать картину „Что есть истина“? Для этой картины я ездил в Киев, кое-что собирал. Теперь работаю, и на душе очень хорошо... Несколько дней или недель я провел в Киеве, у молодых людей, занимающихся искусством. Живя в деревне у себя в доме, забываешь, это ужасное условие жизни, в городе, где все так подстроено, что хочешь — не хочешь, а отдавайся лжи. А как узнаешь этих хороших молодых людей, которые идут ради искусства на эту полную лжи жизнь и гибнут совершенно как мотыльки на огне, Эти меня спрашивали, и я говорил всю правду и! вместе с тем, вижу, что их только смущаю, что им выхода в этом омуте нет...

51. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

28 ноября 1889 г. [1])

Ай, ай, ай, ай! Хотел писать да отложил письмо вам последним, а теперь уже устал и много не на-

пишу. Ну вот: живем в деревне, я так же, как вы живу, как чистый господин — пишу, а кормить себя предоставляю другим. Чувствуется, что не хорошо, что есть тут доля потакания себе, но знаю и то, что хочу, всеми силами хочу, когда я сам в себе, хочу только одного — служить богу, которому нельзя служить иначе, как служа людям — и потому, когда и пишу в хорошем состоянии, то совесть радостна. Слышали ли вы про одного из Хохловых, не того, который был при вас, а тот, который жил с Алехиным, его брат, он должен был отбывать воинскую повинность и отказался. Его отвели в сумасшедший дом и заперли, и все притворяются, что верят, что он сумасшедший, помоги ему бог. Он уже недели две сидит и никого к нему не пускают. Читаю газеты, празднество 500-летия русской артиллерии, молебствия, речи, пальба, величие торжества или еще 50-летие Мальтийского ордена pour le mérite и торжество это. Все так важно, импозантно. Или дипломатические речи — быть или не быть войне и кому с кем. Все то же так глубокомысленно серьезно — а с другой стороны какой-то мещанин трясется, волнуется и заикаясь говорит, что он присягать и служить не будет по закону Христа — и все говорят: да сумасшедший, ведите следующего, и следующего, а потом поедем обедать, играть в винт. И il tuera cela. Это так же верно, как то, что когда забрежжет только свет утра, что взойдет солнце и

Повинен смерти. 1892 г.
Третьяковская галлерея.

tuera тёмноту. Был у меня Алехин осенью, живет он и они все удивительно. Например, вопрос половой они все решают полным воздержанием, жизнь святая, но — господь, прости мои согрешения — осталось мне тяжелое впечатление. Не от того, что я завидую чистоте их жизни из своей грязи, этого нет, я признаю их высоту и, как на свою, радуюсь на нее, но что-то не то. Душа моя, не показывайте этого письма, это огорчит их, а я, может-быть, ошибаюсь. Я ведь сказал ему все, что хотел. Количку люблю и согласен с ним, что ездить не надо. Нужда приведет, тогда другое дело. Радуюсь тому, что вы пишете. Мы с Марией Александровной (она пишет с Кавказа, где вполне счастлива) ждем от вас, как она выражается, иллюстраций евангелия.

Да ждем *Л. Т.*

52. Н. Н. Ге к Л. Н. Толстому

17 января 1890 г.

Картину, слава богу, окончил и вышел из того особого мира, в котором ее писал, и увидел, что делается вокруг. Прежде всего меня обрадовал тот интерес к моему делу в окружающих простых людях. Их это дело нисколько не менее интересует, чем и всякую публику, — даже более, потому что их интересует содержание, и с удивительной ясностью

они поняли все те тонкости, которые я вложил в картину. Радостно еще одно явление. Много является Никодимов и много умнее его: стали приезжать беседовать, чего прежде было немного, редкие случаи, а теперь становятся эти посещения делом обычным, и мы с Колей, сидя в тиши, никуда не выходя, были удивлены тем, что бог нам делает. Окончив картину, я нашел целую толпу сюжетов, которые просятся на полотно. Понятно, является новая охота и новый интерес делать рисунки — я теперь делаю рисунки последней картины „Что есть истина?“ главным образом, чтобы вам показать. Мне жалко будет, если вы не будете знать этой моей картины.

53. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

Январь 1890 г. [1])

Молодой человек, который передаст вам это письмо, живет в Киеве, где он в университете. У него самые хорошие стремления, но есть слабость — забота о физическом себе, о своем здоровье, которое, ему кажется, душевно расстроено. Он очень одинок в Киеве, поэтому я ему и советую заехать к вам. Надеюсь, что вы ему духовно поможете. Давно ничего не знаю про вас обоих; напишите. Я живу хорошо, много пишется и хочется

писать. Воображаю, что и у вас кипит работа над „Что есть истина“. Да и нет ли другого чего? Чует сердце, что скоро увидимся.

Л. Толстой

54. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

22 января 90 г. [1])

Вчера написал вам письмо с юношей Евдокимовым и все время последнее думал о вас. Приезжайте же скорее. Если хорошая погода, то с Козловки прекрасно можно дойти, но вернее из Ясенков, где всегда можно найти санки. Еще же лучше бы было, если бы вы написали, когда вы будете — открытым письмом на Козловку. На Козловку ездят каждый день, и тогда я бы за вами выехал. Очень, очень хочется видеть вас и Количку. Через вас хоть увижу его.

Л. Толстой

55. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

14 февраля 1890 г. [1])

Все думаю о вас и вашей картине. Очень хочется знать, как к ней отнесутся и кто как. Меня мучает то, что фигура Пилата мне как-то с этой рукой представляется неправильной. Я ведь не

утверждаю, а спрашиваю, и если знатоки скажут про эту фигуру, что правильно — то я успокоюсь. Об остальном я знаю и спрашивать ничьего мнения не желаю. Как вы живете, милый друг? Напишите словечко. От Колички получил письмо, но не успел ответить длинно. Только карточкой ответил. Приветствую вновь появившегося внука. Привет всем: Чертк., Поше, Ване, Л. Т.

56. Н. Н. Ге к Л. Н. Толстому [1])

28 марта 1890 г.

Живем мы опять, как жили зимой; разница в том, что я не пишу картину. Много передумал и испытал треволнений. Хотя и хорошо, что... картина оценена, что она действительно признана умственной и нравственной работой, но все-таки жаль, что она запрещена, жаль того, что общество в таком еще диком, идолопоклонническом состоянии, что не может выносить истины. Жаль не себя, а жаль других. А хоть это знаешь, но не чувствуешь, пока этого на своей спине не почувствуешь. Но это хорошо, это ободряет, уныния никакого — буду еще работать, — что̀ не знаю. Думаю. Да и не спешу. Пусть все в душе уляжется и светлый образ сам выделится...“

57. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

22 августа 1890 г. [1])

Получил уже давно ваше письмо, дорогой друг, и, хотя оно не требует никакого ответа, хочется откликнуться.

Третьякову я, грешный человек, писал, когда еще вы были у нас, под секретом от всех. Мне искренно было жалко его, что он по недоразумению упустиг ту картину, во имя которой он скупает всю дрянь, надеясь на то, что, собрав весь навоз, попадет и жемчужина.

У меня был некто Якубовский из Петербурга, знакомый Ильина, недели две (или меньше) тому назад и картина еще не уехала. Из Америки кое-кто отвечали. Один Гарисон пишет, что едва ли будет иметь успех, так как фиаско выставки картин Верещагина отбило охоту от русских картин. Ведь везде все дело рекламы, а тем более в Америке, и успех и неуспех ничего не показывают, как только достоинство и мастерство рекламиста. А вы волнуетесь! Стыдно, дедушка, голубчик! Я говорю стыдно, а сам такой же — дорожу славой мирской. Но борюсь сильно и упорно и вам советую. Я живу хорошо, заливаем волнами моря мирского, но кое-как не захлебываюсь. Золотарев на-днях был. Он ездил к брату кончать дела и теперь возвра-

щается к отцу, где прекрасно живет. Теперь у меня Ругин. Он пришел с Рощиным из Алех. общины и Рощин поселился у Буткевича, а Ругин у Булыгина. Все они устраиваются и внешняя жизнь идет так, что похвалиться нечем, но внутренняя неукоснительно двигается, как росток.

Ну, пока прощайте, целую вас и Колечку и Рубана и их жен и детей. Как им живется? Верно, хорошо.

Л. Толстой

58. Н. Н. Ге к Т. Л. Толстой [1])

Милая дорогая Таня, большое спасибо вам за ваше письмо! Я рад был получить его и узнать, что вы все здоровы, благополучны. А мое дело пошло. — Теперь вероятно, ежели бог позволит, мой приятель уже в Америке, я жду с нетерпением известий; я получил уже письмо от его жены, которая мне написала про отъезд Н. Д. [Ильина] с картиной. Поразительно, как мелочно и глупо — зло — по получении заграничного паспорта мой приятель Н. Д. был приглашен к министру юстиции к себе, и министр ему сообщил, что ему воспрещается ходатайство по делам. Когда Н. Д. заявил, что во все время практики его на содействие не было ни разу никакой жалобы, то ему ответили (замечаете, милая Таня, как я стараюсь хорошо писать?), что он человек

предприимчивый и что может зарабатывать хлеб и другим способом.

Целое лето я художеством не занимался — все работы по земледелию по силе и возможности производил, а теперь только-что окончил печь и собираюсь к вам. У нас теперь ненастье, и я жду, чтобы опять установилась погода. Тогда двинусь в путь. По дороге заеду, ежели бог даст, к Д. А. Х — вам дам знать, чтобы выслали за мной карафашку. Лето было чрезвычайно благоприятное во всех отношениях. Только фруктов садовых мало или совсем нет — прочие же плоды в изобилии. Мы все слава богу здоровы. Был у меня Александр Петрович, пробыл 3 дня, рассказывал обо всех вас и направился в Борзну, чтобы оттуда идти в Киев. Мне было приятно слышать — он рассказывал о всех и читал многие места из сочинений Л. Н. наизусть что в особенности мне было приятно. Итак, досвидания! Целую крепко папу, маму и всех вас, и больших, и малых.

Любящий Вас *Ник. Ге*

27 августа 1890

Хутор

59. Н. Н. Ге к Т. Л. Толстой

12 ноября (?) 1890 г. [1]

Дорогая Таня. Только что приехал в Петербург и получил сейчас письмо ваше, большое спасибо и

сейчас и просьба — вышлите бюст отца сюда в Петербург большой скоростью и накладную на предъявителя (непременно) пришлите заказным — на имя Павла Андреевича Костычева (С.-Петербург, Гусев переулок, д. № 4, кварт. № 4). Я еще не узнал у кого, но довольно того, что узнал, что они есть тут и что во всяком случае отлить можно. В Москве видел народу много в это короткое время, но Алексеева не видел, так как вращался на Мясницкой, у Филатова был и вы скоро увидите, так как он к вам едет. Всех крепко целую. Маме большой дружеский поклон. А Мит. [?] кланяются. У Страхова не был, но сегодня постараюсь быть.

Папе буду писать увидавши Страхова.

60. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

20 декабря 1890 г. [1])

Получил ваше письмо, дорогой друг, т.-е. к Маше, в то время как сам каждый день собирался писать вам. Писать нет ничего особенного, а просто хочется, чтобы вы с Колечкой помнили меня и знали, что я вас помню и люблю. Известия от вас хорошие — и те, которые от вас, и те, которые мне передал Поша о Količke и его жизни. От вас известия хороши и о том, что Количка собирается при-

ехать, и о том, что Элпидифоровна [2]) хорошо устроилась и хорошо себя чувствует, и о том, что работается. Это большое счастье, когда работается с верой в свою работу—счастье, которое, когда дается, чувствуешь, что его не стоишь. У нас все это последнее время тайные посетители: Буткевичи, Поша, Русанов, Буланже, Попов, Хохлов, который еще теперь здесь. Понимаю ваши слова, что человек дороже полотна, и тем затушаю свое сожаление о медленном движении моей работы, которая разрастается и затягивает меня. А за ней стоят другие, лучшие, ждут очереди, особенно теперь, в это зимнее, самое мое рабочее время. Вчера получил Revue des Revues, в котором статья Диллона о вас и ваш портрет Ярошенки, Тайная Вечеря, Выход с тайной вечери, Милосердие, Петр и Алексей и Что есть истина, Диллон был у нас и рассказывал что и в Англии последняя картина понравилась, Что пишет Ильин? Где он? Как бы опять не запутал вас. У нас все здоровы и благополучны, Лева и Таня уехали к Илье. Поша был принят хорошо и оставил нам свое радостное чистое впечатление. Количке, Рубану, Зое, Элпидифоровне и прежде всех Анне Петровне передайте мой привет и любовь. Читаю и теперь в свободное время книгу Renan L'avenir de la Science — это он написал в 48 году, когда еще не был эстетиком и верил в то, что единое на потребу. Теперь же он сам в предисловии

с высоты своего нравственного оскопления смотрит на свою молодую книгу. А в книге много хорошего! Чертков просил написать или поправить тексты к картинам, и представьте, что попытавшись это исполнить, я убедился больше чем когда-нибудь, что эти выбранные лучшие по содержанию картины — пустяки. К евангельской картине могу постараться писать текст — выразить то, как понял художник известное место, а тут — хоть осужденный [3]), или повсюду жизнь [4]), очень хорошие картины, но не нужные и нечего писать о них. Всякий, взглянув на них, получит свое какое-либо впечатление, но одного чего-нибудь ясного, определенного она не говорит, и объяснение съуживает значение ее, и углублять нечего. — Может быть, все полно, хотя не ясно. Целую вас всех.

Л. Толстой

61. Письмо Н. Н. Ге младшего к отцу.

Ясная Поляна. 1891 г. 5 янв. [1])

Застал я Льва Николаевича здоровым и все такие же, как были, и все очень хорошо. Тут очень холодно, и, может, и у вас так же, и потому я убедительно прошу передай Гапке вот что: пусть сейчас же заберет теленка в нашу хату и овечку берет на ночь в нашу же хату. Пожалуйста, скажи ей это и попроси от меня, чтоб непременно так сде-

лала! Прощай, всех вас целую! По дороге заезжал к Хилкову. Обо всем расскажу подробно, когда приеду. Пока же прошу только насчет теленка и овечки.

Николай Ге

Приписка Л. Н. Толстого:

Количке рад я, да и мы все несказанно. Он не такой же, как был, а лучше.

Рассказал он мне про вашу картину. Его ведут, Петр бежит, Иуда стоит и совесть бьет его. Чудесно! Меня умилило. Работайте так, кончайте! Впрочем, судья в вас один знает. Обнимаю вас.

Л. Толстой

62. Н. Н. Ге к М. Л. Толстой

12 июня 1891. [1])

Дорогая Маша. Посылаю тебе портреты наши— один из моих приятелей художник из Киева приехал и поснимал [2]). Эти фотографии для бедных — синие, они стоят дешевле, но мы снимем хорошие и пришлем, а пока и эти хороши. Всех я вас вспоминаю каждый день, так как пишу папин портрет в двух экземплярах. Затем буду писать Пилата. Эта работа несколько утомительна, но хороша тем,

что не мешает обдумывать новые затеи, и я колеблюсь в выборе, столько хорошего нужно сделать. Как вы проводите время — жарко ли у вас, так же, как и у нас, последние дни по 37 градусов на солнце, а вторую ночь бури с молнией и дождем. Хлеба кругом плохи, а у нас ничего, хороши, дал бы бог собрать. Мы живем хорошо — тихо — работа у всех есть, но нет спешности, и это приятно. Успел я и в этом году сделать одну печь, и хорошую, делали мы вдвоем с печником хорошему человеку, хуторянину Сергею, он же наш и арендатор. Что то делает мой дорогой друг Лев Николаевич? Пожалуйста, скажи ему, что я его очень люблю и вспоминаю эти дни. И вот решился сегодня непременно написать. И вы тоже откликнетесь. Маме кланяюсь, Таню, малышей до Ванички всех целую. Наш Иван уже начинает балакать, как говорят. Элпидифоровна приезжает верхом, и уже все привыкли видеть ее кавалеристом, а этак ей ездить удобнее — независимо и дешевле. Один из приятелей моих Киевских сделал мне большой подарок — Терновского [3]) первую книгу, которую почти нигде нельзя достать, по крайней мере я искал и в Киеве и в Петербурге — достал только 2-ю и приложение Библиографию — и теперь у меня этот драгоценный труд, я уже начал его читать. Пиши же, дорогая Маша, обо всех, и о себе, что делаешь и что думаешь. Папа поцелуй крепко. Пусть напишет,

что делает, коли найдет свободную минуту и охоту. Все наши вам шлют свой привет. Полюбуйтесь, какая прелесть маленький Иван — он у нас тоже радость, как у вас ваш Иван. До следующего письма. Занят я эти дни еще тем, что проламываю окно в потолке в студии, хочу писать такие картины, которые требуют света сверху. Любящий Н. Ге

63. Из письма Н. Н. Ге к Л. Н. Толстому [1])

7 июля 1891 г.

Хлопот у меня много, я затеял переделку в студии и устроил верхний свет. Скоро уже кончится работа, и я в тишине начну новую картину. Какую — не знаю. Одну ту — что вам рассказывал: „Среди вас стоит некто, которого вы не знаете“, а другую — „Ночное заседание синедриона для осуждения Христа“. Сию минуту последняя очень меня интересует.

64. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге и Н. Н. Ге—сыну

21 июля 1891 г.

Милые дорогие друзья Николай Николаевич и Количка.

Каждый день думаю о вас, хочу писать и все откладываю. А хочу писать, потому что вы оба

одни из самых близких по духу людей, с кем мне легко всегда и радостно общаться. Ну, во-первых, обращаюсь к Н. Н. Сюжеты ваши мне нравятся. Не нравится одно, что так много нужно для картин. Жизни не много нам осталось. Холсты расписать много есть мастеров, а выразить те моменты евангельских истин, которые вам ясны, я не знаю никого кроме вас. Это одно. Другое об ищущих людях. Они тяжелы. Я знаю, что они тяжелы. Не говоря какой и что, но мне скажут: вот человек хочет изменить жизнь, жить по-божьи и хочет для этого с вами видеться, говорить. Первое чувство неприятное. Думается иногда, что это дело открыто всякому и я тут ничего помочь не могу, но потом говоришь себе: тебе неприятно, так тем более ты должен сделать то, что может быть ему нужно. Но что делать — не знаешь. И большею частью при этом совестно. Спасибо, Количка, милый друг, что написали мне и то, что вам хорошо. Помогай вам бог. Коли бы вы знали, как я вам завидовал бы, коли бы вы позволяли себе завидовать и вам. Я нынешний год очень слаб физически, занят своим писаньем, которое не кончено, но подвигается, и сверх этого одолеваем гостями всяких сортов. И вы не можете себе представить, как теперь во время уборки мне скверно, совестно, грустно жить в тех подлых мерзких условиях, в каких я живу. Особенно вспоминая прежние года. Все это время

был у нас Репин, попросил приехать. В это же время Стасов просил принять Гинцбурга и Репин писал с меня в комнате и на дворе и лепил, и Гинцбург лепил и еще лепит. Репина бюст кончен — чист и хорош, а Гинцбурга до сих пор нехорош. Репин — хорошая художественная натура, но совсем сырая, нетронутая и едва ли он когда проснется. Ну, пока прощайте. Пишите. Целую вас.

Л. Толстой

Анне Петровне и Гапке передайте мои приветы.

65. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге и Н. Н. Ге—сыну

Первая половина августа 1891 г. [1])

Дорогие друзья Николаи Николаевичи. Спасибо вам, старший, что написали Маше, нам т.-е. Я собирался отвечать и главное написать Количке, растрогать его, вызвать его, узнать, как он живет и чувствует. Мне всегда нужно, хочется чувствовать его. Но теперь пишу только несколько слов о деле. Письмо это вам передаст Антон Константинович Вельегорский, Киевский студент, чрезвычайно похожий по внешним условиям своей жизни на Количку. Он вам расскажет. Человек он близкий нам по духу совершенно одинокий. Помогите ему любовными советами. Радуюсь за него, зная, как вы поможете

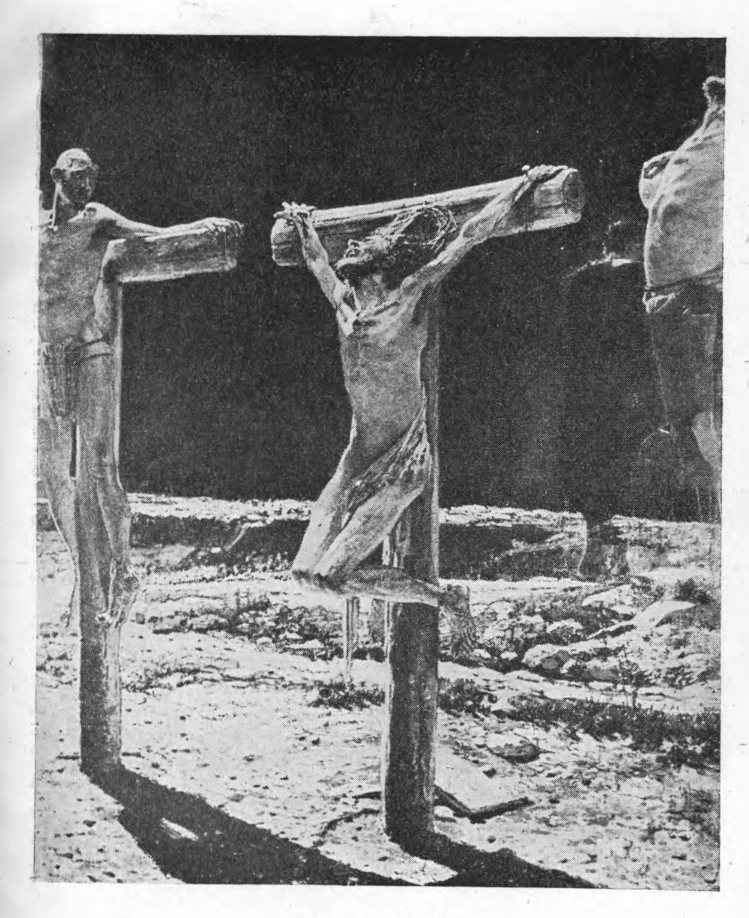
ему, и за вас, потому что он представляется мне серьезным человеком, с каким общение радостно, Вы еще все заняты копиями и верно до осени не приступите к новой картине. Надо, надо до смерти делать все, что можешь. Я работаю медленно, но небезуспешно. Портреты ваши отличны, спасибо. С вашей легкой руки началось, на-днях Гинцбург приезжал делать бюст, потом Парижский скульптор, которого Суворин предложил — забыл фамилию. Много я вижу последнее время людей нам близких и все работают все то же и двигают, и двигают. Количка, напишите, друг, два словечка: хорошо ли вам, дурно ли, совсем хорошо или не совсем. Почему-то у меня какое-то беспокойство о вас. Потому верно, что очень люблю вас. Мой привет Анне Петровне, Рубану и Зое.

Любящий вас *Л. Толстой.*

66. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

21 августа 1891 г. [1])

Очень рад был увидать милую Элпидифоровну и получить от нее живые вести о вас, дорогой друг старый Н. Н. Вы меня не так поняли, я не о студии и переделках в ней говорю, а о том, что мне страшно и жалко, что нынче-завтра вы помрете и

Распятие. 1892 г.

Люксембургский музей. Париж.

все то, что вы передумали и перечувствовали в художественных образах об евангельской истории останется невысказанным. И даже не то, что страшно и жалко; это не беда — я так то и о себе думал — что будет не высказано. Если это нужно, то бог вложит это другому в душу и тот выскажет; но то, что мне кажется, что высказывай это вы, радостнее будет жить, т.-е. будет иметь более твердое сознание того, что вы делаете дело божие. Я разумею те картины, которые вы начали рисовать тогда. Я это хотел сказать, но сейчас же и отказываюсь, прибавляя, что все-таки вы лучше всякого другого знаете, что вам делать. Меня только пугает продолжительность работы больших картин, заставляет желать маленьких и то, что многое уже почти сделано сочинено и задумано. — Ну да это вы знаете лучше, Мне очень жалко, что Вельегор[ский]. произвел на вас неопределенное впечатление. Я получил от него письмо хорошее и вижу по всему, что он попал к вам неудачно. А не правда ли Громан с кондитером очень мил. Я очень рад был тому, что он вам понравился. Теперь вы вероятно по уши в своем „Суде". Помогай бог. Бюст сделал большой Гинцбург —не хорош. Репинский но похож, не для того, чтобы вам сказать приятное, а потому что так есть ваш лучше всех. У нас очень много посетителей и я относительно их всегда стараюсь держаться вашего правила, „человек человеку дороже полотна".

И бывают за это тяжесть, скука, но бывают и награды. Избавиться от этого одно средство — работа, когда ею живешь и других кормишь, как Количка, но нам не только нельзя отказываться, но надо радоваться, что мы на что пригодились, но еще лучше, если и от работы можно оторвать время для человека, для болтовни с ним. Крайности всегда сходятся: болтовня самое пустое и самое великое дело. Целую вас, поцелуйте от меня Рубанов и их детей. Очень вы хороший с внуками.

67. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

6 ноября 1891 г. [1])

Адрес наш: Данковск. уезда Рязанск. губ. Почт. ст. Чернава.

Мы поехали с девочками Таня, Маша, Вера, которые в именье Раевского и там живем уже неделю и проживем еще сколько можно. Тут сильный неурожай и у нас есть дело, которое идет. Писать некогда и неудобно открытыми. Пишу только, чтоб откликнуться на ваши, и чтобы вы и Коля нам написали. Хорошо.

Л. Т.

68. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге и Н. Н. Ге—сыну

9 ноября 1891 г. [1])

Писал вам, милые друзья, Николай Николаевичи два слова, чтобы сказать, где мы; но не помню написал

ли вам о том, чтобы вы узнали, почем в ваших странах горох и почем можно купить сотни пудов. Мы живем здесь и устраиваем столовые, в которых кормятся голодные. Не упрекайте меня вдруг. Тут много не того, что должно быть, тут деньги от С. А. и жертвованные, тут отношение кормящих к кормимым, тут греха конца нет, но не могу жить дома, писать. Чувствую потребность участвовать, что-то делать. И знаю, что делаю не то, но немогу делать то, а не могу ничего не делать. Славы людской боюсь, и каждый час спрашиваю себя, не грешу ли этим и стараюсь строго судить себя и делать перед богом и для бога. Написал одну статью о голоде в „Вопросах Филос.", не знаю пропустят ли. Другую [2]) в Русской Ведомости эту вероятно прочтете. Теперь еще пишу. А не хочется писать об этом, хочется кончить большую статью, которая уже близка к концу. — Мне кажется, что с этим голодом что-то важное совершается, кончается или начинается. — Целую вас, Николай Николаевичей, и Рубанов.

Л. Толстой

69. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

16 ноября 1891 г. [1])

Получил ваше письмо, дорогой друг, и всей душой с вами. То, что у вас на душе, знаете вполне только вы да бог, и высказать этого нельзя и не-

нужно. Знала ли и она, что она умирает [2])? Помогай вам бог. Пишите нам. Девочки мои тоже очень, очень вам сочувствуют.

Мы живем все здесь. Вы, может, слышали: С. А. написала письмо [3]) в „Р. В.“ о том, что мы поехали в голодный край, и нам присылают много денег. До сих пор тысяч 8. И до сих пор все это идет на дело. И есть соответствие между требованием, т.-е. тем, что нужно и можно сделать и средствами, т.-е. что не приходится придумывать, что бы сделать на деньги и не приходится также знать, что можно и нужно сделать, а нет денег.— Мы устраиваем столовые, т.-е. в самой бедной семье поручаем хозяйке готовить обед и ужин, выдали провизию и к ней ходят есть от 20 до 50 человек. Таких у нас теперь 23. И все делается чрезвычайно просто и легко. Живем мы у Раевского. Он добрый, живой и очень практический человек, так что с ним дело идет легко.

Кроме того пишу, кончил почти свою статью о воинской повинности и христианстве. Целую вас, сына, внуков и Рубанов.

Любящий вас Л. Толстой

В каком положении картина?

70. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге и Н. Н. Ге—сыну

20 июня [1892] г. [1])

Спасибо вам, милые и дорогие друзья, отец и сын, что вы не забываете меня и пишете, и про-

стите, что не скоро отвечаю. Это не от недостатка любви. Как было, так и есть, и будет — вы одни из тех самых близких сердцу друзей, которых я грешу, люблю исключительно. Так что не от изменения чувств я молчу. Никогда я так не был занят, как теперь. Все работаю свою 8-ю главу. [2]) 5 часов сижу над ней, выпущу весь дух и ничего уже не остается. А тут текущие дела и отношения. Кажется, что кончил, но кажется. Не осуждайте за это, милый друг отец. Вы знаете, как для зрителей и читателей кажущееся неважным важно для нас. И важно потому что читатель говорит о себе одном, а я должен приготовить такое, что годилось бы, подействовало — если я верю в себя — на миллионы разнообразных людей. Мы все не кончили своего странного неожиданного для меня и чуждого дела. Теперь проживем здесь до 1 июля, а потом опять в Рязань до 20. И там постараемся кончить, оставив кормежки для детей, для слабых и стариков и на будущий год. Очень мы с Машей испортились за это время, избаловались: разделение труда: мы заняты распределением, давай нам все готовенькое. Хорошо еще, что мы знаем, что балуем, и не хотим этого.

Как хорошо, милый друг Колечка, что вы мне так ответили, как ответили. Вы не можете себе представить, как это для меня важно и радостно. Я не увижу обетованной земли, так

хоть другие-то дошли бы до нее и радовались бы в ней.

Мне жить хорошо. Не тем, что я доволен собой, а напротив, недоволен, и надеюсь, что ползу к лучшему. Что „Распятие“? Дай бог ему подвигаться. Целую вас, милые, дорогие друзья, и ваших семейных и друзей Рубанов.

Л. Т.

71. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

22 сентября 1892 г. [1])

Получил нынче от Колечки письмо и хотелось ответить, да вспомнил, что мне давно хочется вам писать. Простите меня, милый друг, если я ошибаюсь, но ужасно крепко засела мне в голову мысль, что в вашей „Повинен смерти“ необходимо переписать Христа: сделать его с простым, добрым лицом и с выражением сострадания — таким, какое бывает на лице доброго человека, когда он знакомого, доброго старого человека видит мертвецки пьяным, или что-нибудь в этом роде. Мне представляется, что будь лицо Христа простое, доброе, сострадающее, все все поймут. Вы не сердитесь, что я советую, когда вы все думали-передумали тысячи раз. Уж очень мне хотелось бы, чтоб поняли все то, что сказано в картине: „то что велико перед людьми — мерзость п. Б.“ и мн. др. У меня есть

картинка Шведского художника, где Христос и разбойники распяты так, что ноги стоят на земле. Я скажу Маше прислать вам. Ах, кабы вы сделали в этой картине, что хотите! Я все пишу тоже. И как ни тяжело, не могу оторваться. Надеюсь все-таки кончить в сентябре. Из одной главы уже вышло теперь 4, так что всех 12. Все хочется сказать пояснее, попроще. Ну, целую вас и Количку и благодарю его за письмо. Напишу ему после. У нас все по-старому.

Л. Т.

72. Н. Н. Ге к Т. Л. Толстой

6 ноября 1892 г. [1])

Дорогая, милая Таня! Письмо ваше меня обрадовало — я не ждал и собирался написать, так как вышло такое время, когда я опомнился от работы и вспомнил обо всех живущих и в особенности о дорогих моих друзьях. Я помню всех вас и в особенности ту, которой куртку (фуфайку) не снимаю теперь, так как зима и у нас хочет быть. Живу я вдвоем с моим приятелем и учеником, а кто он — вы узнаете из прилагаемой статьи, им написанной по поводу брошюры, написанной в Казани о моей картине „Совесть“ неким А. С. Рождествиным [2]). Живем мы тихо и работаем неустанно. Картину свою я написал наново, и этот последний толчок мне дал дорогой мой друг, а ваш отец Лев Николаевич.

Когда он написал мне про картинку Шведа, в которой распятые стоят — меня это поразило, давно мне хотелось так сделать, и я искал оправдания, и нашел и у Ричча (такой словарь древности) [3]), и у Ренана, и сделал; в это же время дожидал картинки Шведа и крайне удивился, ничего подобного не найдя у Шведа. Картинка Шведа трактует по-старому, по-католически, как я называю, т.-е. вся обстановка старая, а смысл тоже старый — вся картина сделана для возбуждения чувства жалости к страданию — этого уже мало, и вот, получив этот новый толчок, в ожидании картинки Шведа, я составил новую картину и по смыслу и по обстановке. Новая — потому, что вызывает в зрителе или должна вызывать желание также совершенствоваться, как это делает кающийся разбойник. Картина представляет следующее: все три фигуры стоят на земле, пригвождены ноги к столбу креста и руки к перекладине только двух, а третий привязан веревками, так как креста перекладина короче. Первый к зрителю разбойник, сказав Христу: „Помяни меня, Господи“, опустил голову и плачет. Христос, чуткий к любви, обернул свою замученную голову к нему, полную любви и радости, а третий вытянулся, чтобы видеть своего товарища, и остается в полном недоумении, видя его слезы. Фигуры стоят в перспективе у стены и освещены солнцем. Картина светла — вдали слуги, после розыгрыша, окружили

выигрывшего одежду Христа, составляя группу на последнем плане. Надеюсь, картину окончу, так как уже теперь сделано все и остается кончить. Я воспользовался временем, которое нужно было дать картине, я ее безостановочно писал 10 дней и нужно было дать ей высохнуть. Я ездил в Киев по приглашению группы студентов, которые меня просили приехать к ним и разъяснить им многое из учения Л. Н. и главное — разобрать то, что, может, и не его. Я имел несколько вечеров беседы: человек до 25 студентов, молодых женщин, девиц. Никто не курит. 3 часа я излагал предмет беседы, а 2 часа шло разъяснение. Сердце мое радовалось этому дорогому проявлению. Кроме того, в Школе Художеств меня ждали до 100 человек. Требовали разъяснения интересов художества. Меня радует не то, что меня зовут, но меня радует то, что Истина, дорогая нам с дорогими друзьями, все более и более захватывает живых людей — вот, милая Таня, что я делаю и делал, а затем вас всех помню, люблю и крепко целую. Ваш Николай Ге.

Приписка на заметке С. П. Яремича по поводу статьи А. С. Рождествина „Иуда предатель“, посланной Татьяне Львовне вместе с предыдущим письмом [4]):

Неожиданно я получил письмо и брошюру о моей картине „Совесть“; брошюра написана Рождествиным

в Казани против Михайловского, который развязно, по выражению автора брошюры, остроумничал, не поняв, в чем дело. Эта брошюра мне понравилась тем, что в ней автор высказывает важную мысль, что понимание жизни Христа и выраженное в Евангелии, должно руководить и художниками и критикой — я давно держусь этой мысли, и за это мне и доставалось, но Истина всегда останется наверху и когда это слышишь или видишь, то разумеется радостно. Когда получу брошюру, я об этом просил, то один экземпляр пришлю и вам. Мой приятель оценил эту брошюру, но пожалел, что она слишком имеет полемический характер, и, чтоб восполнить эту сторону, написал эту статью.

Дорогой Лев Николаевич, крепко вас целую. Постараюсь, ежели вы будете в Москве, так везти картину, чтобы вам показать. Машу крепко целую. Попова Евгения Ивановича тоже целую. Шведскую брошюру пришлю. Все мы, т.-е. наша колония, живем здорово и учимся разным хорошим вещам: немецкому языку, рисованию и писанию, конч. измышлениями наших голов. Н. Ге.

73. Н. Н. Ге к Т. Л. Толстой

15 декабря 1892 г. [1])

Милая, дорогая Таня. Раз я так подробно написал о своей картине вам, я должен опять написать

что я сделал, идя дальше в развитии моей мысли, а то выйдет так: вы увидите картину, думая найти одно, а увидите другое и произойдет смущение. Я все переделал, меня утешает то, что в этом смысле я похож на моего дорогого друга Л. Н., не могу остановиться в искании высшего и высшего, а потом важная вещь — это сохранить картину. Картина не слово. Она дает одну минуту и в этой минуте должно быть все — а нет — нет картины. — Переживая положение разбойника, что не трудно, так как я сам такой, я дошел до его смерти, т.-е. до умирания или до последней минуты. И вот тут и нашел картину и верно, и сильно, и хорошо. Я должен был бы подписать, — „сегодня будешь со мной" не продолжая — в раю, — так как это не похоже на Христа, но вырвать слов я не вправе, хотя я в этом случае примеру Христа бы и последовал. Он говорит слова Исаии: „Дух Господень на мне" и т. д. Как-раз останавливается там, где ему следует остановиться. Но это меня не смущает, и я нашел другое место у Иоанна, которое эту же мысль высказывает проще и лучше. Иоанн. VI. 40: „И я воскрешу его в последний день" — вот это и будет моя теперь картина, ежели я ее окончу, что надеюсь. Как же я сделал, может, вы и увидите, а нет, тогда нарисую и напишу. Пока посылаю вам статью некоего Рождествина, живущего в Казани. Он вступился за меня против Михайловского и написал

мне хорошее письмо по поводу этой картины. Что же вы все делаете, думаю, что вы в Москве, судя по письму Л. Н., которое было написано Рубану из Москвы. Что делает моя милая Маша, которая меня совершенно забыла. Пишите мне подробно обо всех, а пока передайте мой привет милой вашей матери и всем братьям и сестренке Саше. Бог даст буду ехать в Питер, заеду в Москву, вас всех повидать. Напишите, будет ли отец в это время в Москве. Ежели я поеду, то должен буду приехать в Питер около 7 февраля, а перед тем буду в Москве—значит около 1 февраля или немного раньше. Живу я тихо, работаю, читаю и читаю много, со мной живет молодой мой ученик, он тоже учится двум языкам — немецкому и французскому — и я вижу, что это такое хорошее дело — меня разбирает охота учиться по-аглицки — столько хороших книг; мне приятельница прислала из Петербурга книгу „Высшее благо" Друмонда. Перевод на русском языке. — Это, собственно, прекрасное изложение Главы 13 Павла к Коринфянам о любви. Очень хорошая книга. Целую вас крепко и очень люблю.

Любящий *Николай Ге.*

Брошюру заказным посылаю потому на имя Софьи Андреевны, может-быть, вас нет в Москве.

74. Н. Н. Ге к Т. Л. Толстой

20 февраля 1893 г. [1])

Дорогая, милая Таня. Замотался и долго не отвечал на ваше милое письмо, а сказать есть много. Прежде всего целую вас трех милого Папу и вас дочек. Когда вы уехали, я остался с новым для меня и очень дорогим Левой, какой это дорогой даровитый юноша, я его очень любил как мальчика, как дитя, но теперь он моя надежда, он такой талант, его задачи громадны — он мне кое-что рассказал — его болезнь, его страдания духовные, я это угадал, смотря на него, и он мне так мил, что я его не могу оторвать от своей души. Я верю, что он будет скоро здоров, его дух бодр — еще раз я со стариком своим другом милым Л. Николаевичем, я наново сошелся в любви к этому дорогому юноше, дорогому Леве. Теперь скажу, что я тут нашел, и что я делаю. Выставка открыта — по обыкновению писатели не поняли того движения, которое в ней проявилось,—выставка полна новых открытий. Искусства, картин нет или мало, но затей много и, верно, ближайшие выставки покажут, что художники работают. Репин механически вернулся к нам; 4 его портрета, более этюды на выставке; его самого я видел; он радостно меня встретил и очень верно и хорошо, даже слишком хорошо, оценил мои изы-

скания в искусстве живописи моих этюдов. Звал к себе, но я еще не был, много знакомых, да и я начал работать. Пишу портрет и повторение Пилата, так как написанный в прошлом году сгорел.

Пишите мне сюда, я буду очень рад услышать о вас трех. Что вы делаете, о чем думаете? Прекрасная статья Соловьева и глупая статья Грота — в его журнале. [2])

Свою статью я читал в собрании Передвижников [3]). Она произвела должное впечатление, товарищи все будут участвовать в труде общем — в написании Отчета за 25-летие Товарищества. Статья моя будет напечатана в Северном Вестнике в марте.

До свидания, дорогие, целую вас крепко. Любящий Николай Ге.

20 февраля 1893.

Всем, кто с вами, Поше, Евгению Ивановичу кланяюсь и целую.

75. Н. Н. Ге к Т. Л. Толстой

27 февраля 1893 г. [1])

Дорогая, милая Таня! На ваше письмо я отвечал, и письмо лежит там в Рязанской губ. Вы вероятно его получите, так как распорядились, чтоб вашу корреспонденцию присылали. Я писал вам искренно и любовно, и жаль будет, ежели письмо пропало. Главное, что для меня ново — это мое новое

чувство к дорогому Леве, которого я крепко целую и люблю очень-очень, так ему и скажите. Письмо ваше меня огорчило относительно Московской школы. Экий человек, можно ли делать столько вреда людям зря! Я несколько успокоился, т.-е. работаю, пишу один портрет и повторение „Что есть истина?“ для Сибирякова, так как первый экземпляр, который я ему написал, сгорел еще в прошлом году. О Репине я писал вам, что он механически с нами, а на выставке он публично это заявил Влад. Алекс., что он готов идти в Академию, но теперь, когда там нет Толстого (Конф. секр.), который вышел в отставку, он не может туда идти.

Выставка наша скорее хорошая, хотя кричащих вещей нет. Много новых задач в живописи и вам было бы интересно посмотреть. Академическую не видел, но слышал, что плоха по обыкновению, т.-е. сброд всяких вещей. Антокольский, по-моему, плох, ничего нет ни по содержанию, ни по исполнению. Вот вам отчет всего, что видел. Живу я, т.-е. стараюсь жить, полезно, читаю, слышу, вижу много народа. Читал вчера письмо чрезвычайно интересное некоего Лаврского, проф. Казанского университета, который занимался кормлением голодных и пишет в частном письме свое мнение об этой операции и говорит, т.-е. начинает письмо тем, что он за Толстым (Л. Н.) пошел кормить голодных и что он вынес из этого убеждение, что это все один

вред. Он обстоятельно доказывал, что внесением даровой помощи голодным вносилась даровая помощь праздным в ущерб значению труда, который так важен в простой народной жизни. Он развивает эту мысль спокойно и разумно и, по-моему, правильно. Приходит он к заключению, что самое важное дело—помогать развитию детей, что взрослые настолько немощны своим невежеством и деморализацией, что нужно спасти молодые поколения, и проектирует новый тип школы, похожий на университет, а не школу в нынешнем смысле. Говорит, что имеет в виду одного учителя, который из военных перешел в учителя, увлекшись взглядами Л. Н., и теперь весь отдался и своею жизнью, и служением народу. Читая это письмо, я вспоминал возгласы дорогого Л. Н.: „Греха-то, греха сколько!" Вот и этот Лаврский развивает эту мысль — с этой стороны и в обществе теперь идет какой-то поворот. Начинает проявляться мысль, что кормлением делается не все, что нужно другое, более важное, а то грозит беда. Вот вам все, что я заметил и слышал. В „Сев. Вест." будет напечатан мой артикль. Целую вас крепко, дорогая Таня. Маме и Леве и всем мой привет. Леву крепко крепко целую. Что его здоровье? Как жаль, что вы ни слова об нем не написали. Любящий Николай Ге.

Что же будет делать Марья Александровна?

Дорогой Лева, как твое здоровье, что твой дух? Я каждый день думаю о тебе и люблю тебя всею

Голгофа. 1892 г.

Третьяковская галлерея.

душою. Крепни, рости духом, я вижу в тебе великое будущее. Да, жить здесь нельзя, но изредка забежать, услыхать, увидеть — хорошо и полезно, я настолько обновляюсь, что опять способен приняться за свою работу и ворочать горы. Какое странное время: никто не называет, а все думают и чувствуют, что переворот совершается. Я Тане написал об этом Лаврском. Интересно он излагает свою мысль и свои наблюдения, я думаю, что и ты то самое чувствовал там, среди голодных. Я это испытывал, когда отпускал топливо. — Нужда, отказать нельзя, а рядом является недобросовестность и как бы понятие, что добро — глупость и в этом расчете надувательство и много такого, что должно быть, что естественно, но что в то же время безотрадно

Что ты делаешь? Найдешь минутку, черкни доставишь большую радость. Любящий Николай Ге.

Когда окончу свою работу и потеплеет, поеду назад и заеду видеть и обнять вас всех.

76. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

10 июля 1893 г. [1])

Получил ваше письмо, дорогой друг, очень был обрадован им и благодарю, а напишу мало — некогда. Радуюсь, что вы довольны своей картиной. Я ее видел во сне. Об искусстве я все думаю и

начинал писать. Главное то, что его нет. Когда я сумею это высказать, то будет очень ясно. Теперь же не имею право этого говорить. Мысль ваша написать воспоминание о Герцене—прекрасная. Только не торопитесь, а постарайтесь поподробнее, т.-е. ничего не забыть, а посжатее написать. Я кончил свое и теперь бросаюсь то на то, то на другое: статью об искусстве не кончил и еще написал статью [2]) о письмах Зола и Дюма о современном настроении умов. Мне показалось очень интересно: глупость Зола и пророческий поэтический голос Дюма. Пошлю в „Северный Вестник" и парижский журнал Жюль Симона Revue de famille. Что дорогой Колечка? Пусть напишет мне. Привет Петруше, Рубанам. Мы завтра едем на 10 дней в Бегичевку. У нас все по-старому. Лева все там, но ждем его.

Любящий друг *Л. Толстой*

77. Н. Н. Ге к М. Л. Толстой

20 июня 1893 г. [1])

Дорогая милая Маша, вот как мы с тобою встретились письмами! Крепко тебя целую за твое дорогое письмо. Ежели бы ты узнала, сколько оно мне радости принесло — вот я уже месяц сижу один и работаю, работаю свою картину, только сегодня сделал то, что называется сочинение. — Ужасно

трудно мне доставалась эта картина, но наконец я нашел то, что было в душе.

В Петербурге я читал две статьи об искусстве одна француза — не помню имени, неважно, а другая [2]) русского Волхонского — вот эта мне понравилась; в ней он говорит, что искусство есть вымысел, а не передача только природы — это удивительно верно — вот я бился прошлый год и этого именно, из-за этого я искал форму, которая соответствовала бы моему настроению и передала бы это настроение и мне, и другим, и вот три фигуры Христос и два разбойника — один отрицание, а другой признание — их нужно было так поставить, чтоб сразу эта мысль, как живой образ, ясна была бы для каждого — и наконец, радуюсь, сегодня сделал и могу отдохнуть. Прежде всего принялся писать вам: тебе и Леве — выразил я так: за Христом распятым распят разбойник. Он обратился к Христу со словами: «Прийми и меня в число своих!» и Христос, откинув голову на крест, с закрытыми глазами, глубоко страдает от глупости и глумления; и вдруг услышал слово любви и открыл глаза и чуть-чуть повернул лицо, даже более глаза туда, откуда слышит голос — вот и картина, а разбойник сзади с лицом добрым, страдающим глядит на крест Христа, видеть же Христа в лицо не может; налево, немного перед Христом, пьяный другой разбойник со смехом на лице повис на кресте.

Все это залито солнцем сзади, а стена, фон картины, в тени, и в этой тени за добрым разбойником лежит целая толпа тех, которые вместе с разбойником просят того же. Там и мы с тобой, и наш дорогой Лев Николаевич, и все наши, кому дорога правда. Теперь примусь исполнять и, Бог даст, окончу, так как время еще впереди. И вот моя предилекция, что я делал и почему сейчас тебе не отвечал — будь же здорова, радостна, милая, дорогая Маша. Крепко тебя целую, твой дед Николай Ге.

Все мы здоровы и живем тихо, хорошо и мирно, все хлопочут о сене. Сено хорошее, дай это письмо прочесть Леве, так как я ему буду писать другое сейчас же.

20 июня 1893 г.

Хутор.

Мария Александровна теперь в Ясной и я слышу этот милый голос: „ха, ха, Лев Николаевич.“

78. Н. Н. Ге к М. Л. Толстой

3 августа 1893 г. [1])

Милая, дорогая Маша. Хотел было сейчас отвечать, да получив письмо от милого твоего папа, вот и отложил. Теперь пишу, все вожусь с картиной — ужасно трудно она мне дается, но я не теряю надежды и охоты, буду работать до последней возможности. Что Бог даст. Да, папа твой прав, желая

сказать, что искусства нет — я понимаю так: нет того, что бы было без разговоров дорого и ясно одинаково для всех — все то, что должно было бы быть ценно для всех — разбилось, и хоть оно есть, без него жить нельзя, да разговоров нужно, а искусство этого не требует — взглянул, и все, как Ромео на Джульетту и обратно. — Так, моя милая Маша. С радостью прочту, что папа написал в моем журнале „Северный Вестник", а ежели это будет не скоро, то ты мне пришли, меня очень интересует. Лева вероятно дома, надеюсь, что он поправился. Всех вообще дорогих крепко целую, а тебя особо, так как ты моя предилекция, будь же здорова и пиши.

Любящий *Николай Ге*

Ваши письма—моя радость.

79. Н. Н. Ге к Т. Л. Толстой

10 августа 1893 г. [1])

Милая, дорогая Таня, я чувствовал, что получу от вас письмо и письмо сердечное. Да, люди сближаются не случайно и не механически, а тем духовным влечением, которое между нами образуется, бывает это по крайней мере так. Мне очень хочется побывать у вас, и я при первой возможности постараюсь это сделать. Как хорошо, милая Таня, что Бог положил вам в сердце приютить эту милую женщину Марию Александровну. Не только готов

помогать, но все сделаю, что только в возможности, но разумеется прежде всего надо уразуметь это дело.—Это дело важное и так, как наметил Чертков, это более, чем хорошо: т.-е. не ограничиваться одною Россиею, тем более, что цензурные условия ужасны, т.-е, все, что хорошо, непременно будет запрещено. Ну, да об этом мы можем много говорить и хорошо обсудить. Вы меня спрашиваете о картине моей и о статье; и то, и другое идет. Картину я наконец нашел. Два дня ходил, найдя ее, как одурелый — мне все казалось, что я что-то сделал выше своего понимания. Рубан меня утешил и говорил, что хорошо. Наконец, Коля утвердил во мне мысль, что — хорошо. Одним словом, необычайно, не хочу рассказывать, боюсь, а приеду и напишу эскиз, тогда увидите. Остановился я на тексте „Сегодня будешь со мною в раю", это я и сделал. Надеюсь окончить и не имею никакого желания искать еще, доволен, и вернулась охота работать. Статью написал в черне — начну переписывать, думаю послать к сентябрю, ежели успею. — Сейчас делаю с печником печь для Коли в его пристройке. Прочел Нордау и Астрономию Фламмариона. Первый, т.-е. Нордау, мне не понравился до того, что хочется писать по поводу его книги, а второй меня приводит в восхищение — этакий милый, умный француз, чистенький умница. — Нордау претенциозный немец. Скучный и в конце концов глупый, т.-е. не глупый, а ничего

не понимает. Вот вам вся моя душа, кроме того что я вас троих—Таню, Машу и Леву люблю сердечно, папу люблю, люблю без конца, маму и деток люблю, и всех вас люблю очень, и рад буду, когда увижу и буду несказанно счастлив. Верочку люблю и целую. Спасибо за письмо, дорогая Таня, а Аннунцио дочитаю. Мне нравится — я буду читать уже для того, чтобы быть с вами. А что же моя предилекция Маша? Целую ее и дорогого Леву, жду, жду с нетерпением, чтоб он был уже здоров. Ваш всей душой Николай Ге.

Отцу буду писать особо — сейчас спешу отправить, на почту идет человек.

80. Н. Н. Ге к М. Л. Толстой

16 октября 1893 г.

Милая, дорогая Маша, прости, бога ради, мое безобразие. Я действительно собирался долго, но время летит так, что я не успеваю сделать то, что нужно — все это время писал картину, хочется окончить рано, чтобы она высохла; затем два месяца жила Катя и я возился с милыми детками, внуками — особенно с Количкой Петровичем, мы читали Фламмариона и бегали искать все созвездия, и он, когда найдет — приходит в такой искренний

восторг, что радость было его видеть, а вечерами я ему читал „Свет Азии", что ему тоже очень и очень нравилось; вообще этот внук будет добрый и умный, бог милостив, жизнь нелепая его не захватит — он уже теперь чувствует ее пустоту. Работаю я неустанно и читал все, что можно — разумеется, читал „Неделание" — один восторг. Я всегда думал о Золя то, что следует думать — мы читали все вместе и это всем нам было полезно услышать. У нас ведь у всех есть работа вроде курения. Год у нас хороший, потому что все заняты, но уже кончают. Рубан кончил, а Količка кончает орать наряд. Деток я вижу каждый день и ношу им, что имею, сладостей, подаренных или данных богом. Яблоки и мед составляют запас на зиму, каждый день едим печеные яблоки с медом. Мед же перетопил сам.

Вот как живу и живем. Ты, Маша, не думай, что я мог бы забыть тебя или разлюбить, это невозможно, река назад не потечет. Я могу умереть, тогда не знаю, что будет, а пока жив, никого не люблю так, кроме отца, которого крепко целую и вспоминаю каждый день, и во время работы своей, и во время чтения. Читаю биографии чрезвычайно интересные — Свифта и Карлейля, вообще биографии чрезвычайно полезно и назидательно читать; и тебе, Маша, советую. Мы все читаем, книги у нас ходят кружка. — Жаль мне милого, дорогого Леву, жду

с нетерпением, чтобы он поправился да поехал в Италию—это хорошо—да оно и тут пройдет, только нужно терпение. Где он, ты не пишешь, и ему и Тане мои поклоны, будь же здорова, прости за глупое молчание. Люблю тебя, люблю отца, Таню и Леву. Что не написала о Марье Александровне. Как живет? Кланяюсь ей.

Любящий *Николай Ге.*

81. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

5 ноября 1893 г. [1])

Рад был вашему письму, дорогой друг Николай Николаевич, и рад известию, что вы довольны последним замыслом картины. Я уверен, что это будет хорошо. Мне нравится дрожащий в лихорадке разбойник (я его давно знаю и жду), нравится и момент. Только бы Христос не был исключителен и даже исключительно уродлив каким он на последней картине [2]). И только бы вы по технике удовлетворили требованиям художественной толпы. Если уже выставка и большая картина, то надо считаться с этим. Вы меня простите, если то, что я скажу, не то, но я не могу не сказать все, что думаю. Мне кажется, в ваших картинах, в работе ваших картин происходит страшная трата самого драгоценного материала вроде, — простите за срав-

нение, — печенья белого хлеба из первого сорта муки, который любят господа, и бросания отрубей, в которых самое вкусное и питательное. Вы мне рассказывали первую мысль картины — и верно, она была написана — состоящую в том, что смерть на кресте Христа побеждает разбойника. И мне это очень понравилось по своей ясности, живописности и по выражению величия Христа, на впечатлении, произведенном им на разбойника. Как Гомер, чтобы описать красоту Елены, говорит, что когда она вошла, старцы изумились ее красоте, и встали. Потом еще иначе вы изображали. Прежде еще иначе. И все это были картины важные по содержанию. То же у вас было, сколько я знаю, с Иудой. Все эти эскизы самые питательные отруби и все они пропадают, чтобы делать господский белый хлеб. Я первый буду радоваться на вашу теперешнюю картину и умиляться ею, но все-таки жалею про все те, которые остались по дороге и которые теперь по крайней мере, никто кроме вас, написать не может. Я не перестаю жалеть о том, что вы оставили тот план—ряд картин евангельских. Может быть, трудно их кончать, довести до известной нужной степени технического совершенства, этого я не знаю, но знаю, что это все то что передумали, перечувствовали и перевидели своим художественным христианским зрением, все это вы должны сделать; в этом ваша прямая обязанность, ваша служба

богу. Dixi. Если ошибаюсь, простите. Нынче получил от Хилкова поразительное известие. Его мать приехала к нему с приставом из Тифлиса и по высочайшему повелению взяла у него детей и увезла их к себе, пока в Харьковскую губ., а потом в Петербург. „Если меня гнали, то и вас будут гнать“. Но все-таки грустно за мать и за всех тех, которые участвуют в этом грехе. Целуйте от меня милых друзей Колечку и Рубана с его семейством. Пишите, что вы думаете и делаете и в каком положении картина. До свиданья, обнимаю вас. Маша также шлет привет вам и вашим.

5 ноября. *Л. Т.*

82. Н. Н. Ге к М. Л. Толстой

18 декабря 1893 г. [1])

Милая, дорогая Маша. Слава богу, почти дошел до конца со своей картиной — радуюсь и тому, что кончаю и тому, что сделал все по совести и по крайнему своему разумению. Да, спасибо дорогому твоему отцу, спасибо ему, кабы не его письмо, пожалуй, и в этом году картины бы не было. Где-то вы — я пишу на удачу в Ясную, думая, что ежели вас нет, то письмо перешлют. Читал „Синюю Тетрадь“ Левы, для начала хорошо — но и сказать могу многое, ну, да это до личного свидания.

Вот, моя милая Маша, работаю без устали, учусь английскому языку по Робертсону, и что меня радует, что память еще действует, могу учиться, это я делаю по вечерам. — Мы сидим с Ст. Петр. (мой приятель) вечером, как гимназисты, и учим свои уроки. Он французский, а я английский, и, заткнув уши, долбим напропалую. Утром я пишу, потом гуляю, захожу ко всем соседям, к Коле и Рубанам, а затем за чай и за уроки, и так до завтра. Но в экстренные случаи читаем, я достал себе книгу Мопассана, издание по выбору Льва Николаевича, и наслаждаюсь, удивительно хорошо. Надеюсь, что ты читала. У нас все благополучно, живем мы хорошо слава Богу. Я предвкушаю радость увидеть вас всех. Ты, милая, дорогая девочка, напиши, когда вы будете в Москве, и где теперь, что делаете, что предполагаете, уехали ли Лев и Таня за границу и надолго ли поехали или поедут? Я должен буду выехать, ежели поеду, в половине февраля и рассчитываю пробыть с вами неделю или около того. Хотелось бы повидать, много накопилось, многое нужно узнать — я устрою так, чтобы картины показать в Москве, ежели вы будете там. Что же вы делаете? 1) Что делает папа, почему нет предисловия к соч. Мопассана, что еще он делает, что делаешь ты, думаете ли вы все зиму жить в Ясной или поедете в Москву и когда? Пожалуйста, напиши мне обстоятельно. Я уже давно

ничего не знаю о вас. Что делает Марья Александровна, где она, как ее здоровье, довольна ли она своей жизнью в Тульской губ. Ежели ты получишь это письмо в кругу всей вашей семьи, то, пожалуйста, передай мою любовь всем, начиная с мама и кончая папа и тобою.

Будь же здорова, целую тебя крепко и милого дорогого моего друга Льва Николаевича. Искренно любящий Н. Ге.

Мы все тебе и отцу кланяемся.

83. Письмо Е. И. Попова к Н. Н. Ге

24 декабря 1893 г. [1])

Милый дедушка, Чертков опять просит меня съездить к вам за письмами Льва Николаевича. Я ему отвечал, что мне, с моими занятиями по „Посреднику", никак этого невозможно, по крайней мере, до весны. Но я думаю, что хорошо бы было, если бы вы, когда соберетесь в Москву, захватили бы что можно с собой, а я бы списал здесь.

Любящий вас *Е. Попов.*

Количке поклон от меня.

Приписка Л. Н. Толстого:

Сейчас получили ваше письмо к Маше, милый друг, и порадовались, что у вас все хорошо. От

Колички давно не получал. Что он? Жду вас с картиной. Я ничего путного не делаю, бьюсь над статьей о Тулоне [2]) т.-е. о жестокости безбожности патриотизма и о наглости обмана народа, патриотизм — которого давно уже нет и не может быть. Мне кажется, что время конца века сего близится и наступает новый, и в связи с тем, что и мой век здесь кончается и наступает новый, все хочется торопить это наступление, сделать по крайней мере все от себя зависящее для этого наступления. И всем нам, всем людям на земле только это и есть настоящее дело. И утешительно и бодрительно то—делать, делать, что можешь, и никто не знает, ты ли или кто делает то, что движется. И себе никто ничего приписать не может, и всякий может думать, что от его-то усилий и движется все. Целую вас, Количку, Рубанов.

Л. Т.

84. Н. Н. Ге к М. Л. Толстой

31 декабря 1893 г. [1])

Милая, дорогая, золотая Маша, опять ты со мной, я это чувствую своим сердцем—опять я слышу этот голос из души. Ах ты, моя прелесть — девочка ты дорогая — картина та, о которой ты жалеешь,— картина готова и скоро ты ее увидишь, я непре-

менно ее в Москве открою и всем вам покажу. Я с таким азартом работал, как юноша, в полтора месяца картина готова и сделал так сильно, как еще не думал — ну, да что рассказывать, привезу, сама увидишь. Да я уже теперь предвкушаю эту радость, когда всех вас увижу и все прочту, что мне нужно прочесть. Читал Леву и написал ему письмо — одобряю его. Вы не знаете, что значит начинать, это не так просто. Он быстро выработается и станет собою — а пока и так хорош — молод, а потому и хорош. Вы спрашиваете все про Количку — он уехал на несколько дней к тетке Забеле, Александре Николаевне. Она, бедная, в горе, у нее умерла ее любимая племянница, к которой она была привязана, как к дочери. Я каждый день захожу к Гапке и Парасе и малышам. Они все трогательно радуются. Мы теперь, слава богу, живем очень хорошо — любовно и дружно. Количка устроил хорошо свою пристройку, в ней и тепло, и удобно. Когда приедет, я ему покажу письма и он сейчас вам напишет. Как это жаль, что ты лаконична — какого Амиеля — я не знаю — что же ты издала его или нет? Отчего к Мопассану не приложено предисловия папа, я достал эту книжку и зачитываюсь, Люблю я этого писателя — он какой-то особенный. совсем не похож на всех французов. Только „Жизнь“ мне не особенно нравится — есть вещи, которые мне мешают, вроде смерти этих несчастных

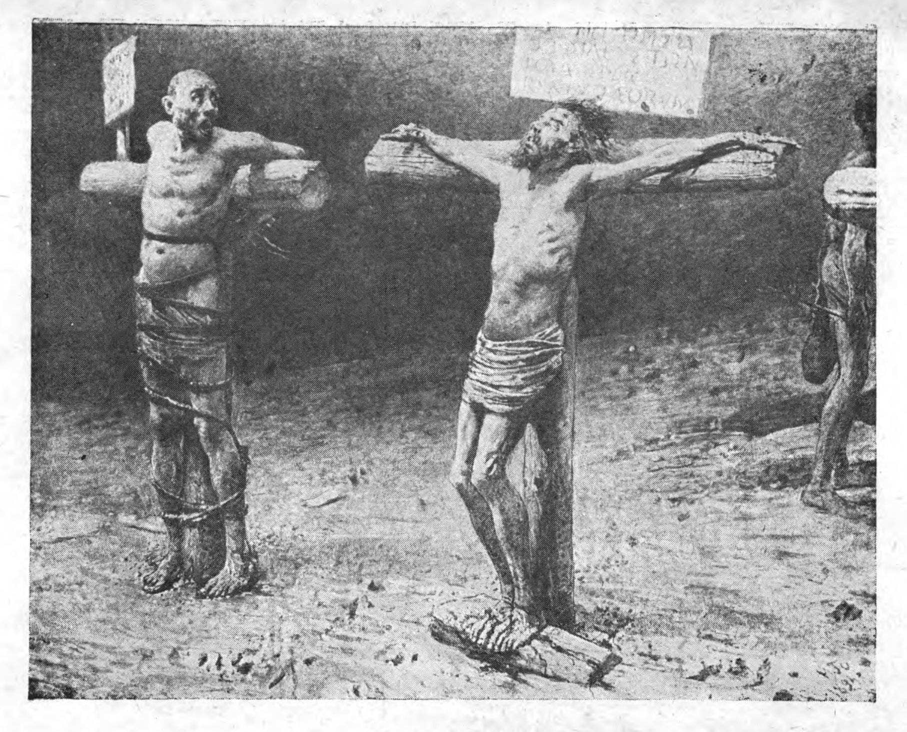
любовников в этом домике (на колесах) пастуха. Потом ужасно много описаний — они надоедают. А другие вещи просто восторг. Спасибо тебе, дорогая, за твое письмо, пока я еще здесь, ты все-таки напиши еще. Это время пройдет скоро — я спешу, кончаю картину — и боюсь и спешу. Но все-таки придется свернуть и ехать, а там... Молчание, молчание. Целую тебя крепко, дорогая Маша. Любящий тебя Николай Ге.

Завтра новый год, будь счастлива.

85. Н. Н. Ге к Т. Л. Толстой

4 января 1894 г. [1])

Дорогая Таня — я никак не ожидал письма от вас из Москвы и радуюсь, что увижусь скоро, что увижу успехи, что покажу свою работу. Я устрою так, чтобы открыть картину в Москве, а вы мне должны помочь это устроить, в одной из мастерских: есть две мастерские с верхним светом, их занимали Коровин и Серов. Наконец, можно устроить в Школе. Но я лучше бы желал в мастерской, вне начальств. Ну, да это я уверен можно будет устроить. Картину я почти окончил, и теперь хожу около нее, как кот около сала, я люблю иметь этот запас времени, чтоб довести до последней возможности и не спешить — это редко удается. Милая Таня, я был ужасно

Распятие. 1894 г.

Городской музей в Женеве.

возмущен, что наш Анунцио [2]) оказался таким странным писателем, зачем он целиком украл свой сюжет у Мопасана. Неужели он не понимает, что это нехорошо. Тем более, что все его т.-е. мучение и страдание этого мужа очень плохо и слабо. А какая прелесть Мопассан — что за сила, и какой художник — да, это художник. Я уверен, что у вас громадный успех, я это думаю, потому, что и я успел, а вы работали не менее моего в этом году. А о сюжетах, что вы говорите, — это правда, но эта статья очень трудна, она требует многого, что в одном человеке редко вместе собирается. Приеду потолкуем и будет так хорошо — я заглядываю в это будущее и мне очень очень хорошо от одной мысли об этом.

Леве я написал, я уверен, что он скоро поправится — мне так верится — мне так желается, да так оно и должно быть. Он художник, и будет очень хороший художник. Всем моим знакомым в Школе передайте мой поклон, скоро увидимся и потолкуем о дорогом нам искусстве — да и работа еще лучше скажет взаимно — работой только и учимся друг у друга. — Мой киевский приятель Костенко [3]) в Париже, в Академии частной — получил премию 75 франков за эскиз. Я думаю, двинется в работе сильно.

До свиданья, дорогая Таня, крепко вас целую. Любящий Николай Ге.

Новый Год.

Дай вам Бог всего самого лучшего, чего только вы желаете себе.

Милая Таня, узнайте, пожалуйста, в Школе у кого-нибудь, что Иван Евменьевич Цветков, Криво-Арбатск. переул. соб. дом (любитель), жив ли, и в Москве ли он, и напишите мне, мне это нужно. Н. Ге

86. Н. Н. Ге к Л. Н. Толстому

4 января 1894 г. [1])

Дорогой друг Лев Николаевич!

Спасибо вам за ваше дорогое письмо. Меня так обрадовали все вы, все написали, и так живо себя напомнили, что я только и думаю о том, чтобы ехать. Картина кончена, я пишу каждый день, но это скорее очистка, чем писание. Люди простые уже начинают посещать — говорят с у м н о (тяжело). Они правильно смотрят на это, для них это не картина, а живая мысль, близкая их жизни и пониманию. В их отзывах для меня всегда награда за мои хлопоты. По вечерам читаю Мопассана, какой сильный художник, как жаль, что он уже кончил. Его искусство особенное, не похоже на французское.

До свидания, дорогой друг, скоро, бог даст, увидимся и наговоримся. Крепко целую. Любящий

Николай Ге. Количка приехал и вероятно пишет сам вам.

87. Н. Н. Ге к Т. Л. Толстой

17 января 1894 г. [1])

Милая, дорогая Таня, спасибо за письмо, оно меня крайне огорчило, мне тяжело терять такого доброго, такого милого, умного талантливого товарища [2]); да начинают валиться столбы нашего искусства и нашего Товарищества.—Созрело и Искусство, и Товарищество—да, мы свое слово сказали и пора домой, т.-е. умирать. А все-таки жаль—не услышу эту добродушную, остроумную речь, это милое, доброе приветливое лицо—жаль, жаль. Ну, да так нужно Нужно взять это. Пожалуйста, если можно, если уже его нет, напишите мне два слова.

Вы пишите, что папа милый с вами двумя думает ехать в деревню; знайте, что я могу выехать около 1 февраля, т.-е. ровно через две недели, и я буду ехать мимо Ясной. Я желал бы знать, где вы. Как только поедете, то бросьте письмо мне, в котором напишите, что вы едете в Ясную—ежели я там письмо не получу, то проеду мимо, а ежели получу, то приеду к вам. А пока посылаю поклон милой мамаше, благодарю за письмо, целую деток и вас трех, папу, Машу и вас. Любящий Николай Ге.

Картину окончил и теперь понемногу каждый день вожусь с ней до пятницы, когда приедет один ученик из Киева и будет снимать фотографии. Сегодня же воскресенье.—После фотографии я уже не буду трогать картину, чтобы она была суха, так как ее надо везти на руло.

Будьте здоровы. Как же Страхов, где он и что делает, а что жена это ясно.

88. Н. Н. Ге к Т. Л. Толстой

Февраль 1894 г. [1])

Милая, дорогая Таня, я слышу этот милый дорогой голос, когда читают твое письмо, но я гораздо сильнее чувствую эту дорогую мне душу, которую я все больше и больше люблю. Она мне делается так близка, что я ее желание, ей дорогое, угадываю. Этот раз мы, может-быть, не скоро встретимся, но это не помешает нашему сближению. Здесь, вокруг этого дорогого нам Старика, Гения, живешь высшими видениями, чувствами и пониманиями. Эти дни здесь была и есть дорогая милая Цецилия Хилкова. Она сегодня уезжает и мы все ее будем провожать. Я ее знал счастливой, кроткой, послушной, изящной, потом я ее видел восторженной, когда увели ее дорогого, мужа Хилкова, она стала на его место и была тем, чем был он для окружающих. Теперь я ее вижу, эту удивительную

страдалицу, которая здесь с нами — ни упрека, тихая, кроткая, до того истинная, что многие сочтут не страдающею. Но наше искусство — не ложь, оно в лучших, т.-е. правдивых представителях, отражает ту нашу жизнь, которая много совершеннее прежней холодной, символической. Я все время, смотря на это удивительное лицо, вижу настоящую мать страдалицу, которую силились увидеть, но, не имея глаз, не видели наши художники. Я попробую записать то, что так сильно отразилось в моей душе. Но все это время я думал о вас, моя дорогая художница. Как вы бы это и почувствовали и увидали бы и передали бы. Но ты, милая Таня, и там увидишь многое, многое, что нужно видеть, пожалуйста, не пропусти случая, познай то, что есть в этих могучих французах. Они во многом идут впереди, а нам следует итти за ними. Я думаю, что милый Лева ожил, обрадовался, увидя около себя милую Таню, я всею душою желаю ему скорого выздоровления — я верю и желаю и верю, что моя вера не напрасна. Милая Таня, я буду очень и очень рад ежели хотя два слова ты мне напишешь в Петербург, и я сейчас же расскажу, что я буду испытывать в Петербурге. Здесь относительно картин я спокоен, точно все кончено. Картины оценены, даже мне заказано повторение и я совсем успокоился. Но наступает переезд в Питер, там опять буряновая — ну, да как бог даст, а пока я думаю

только о близкой моей душе и о вас двух — милом Леве и моей милой новой Тане. Не бойся, дорогая, что я люблю маленькую измену, она вещь хорошая, она помогает мне двигаться в моей духовной и любовной жизни. Крепко вас целую и люблю.

Николай Ге

Адрес мой в Петербурге: Петербург. Гусев переулок, д. № 4, кв. 4.

Авдотье Николаевне Костычевой для Ге

89. Л. Н. Толстой к Н. Н. Ге

Февраль 1894 г.

Давно уж надобно бы отвечать вам, дорогой друг, да письмо ваше не осталось у меня на столе и я ответил другие письма, но не ваше, одно из самых близких моему сердцу.

То, что картину сняли, и то, что про нее говорили — очень хорошо и поучительно. В особенности слова „Это — бойня". Слова эти все говорят: надо чтобы была представлена казнь, та самая казнь, которая теперь производится, так, чтобы на нее было также приятно смотреть, как на цветочки. Удивительнаи судьба христианства! Его сделали домашним, карманным, обезвредили его и в таком виде люди приняли его и мало того, что приняли его,

привыкли к нему, на нем устроились и успокоились. И вдруг оно начинает развертываться во всем своем громадном, ужасающем для них, разрушающем все их устройство значении. Не только учение (об этом и говорить нечего), но самая история жизни, смерти вдруг получает свое настоящее обличающее людей значение, и они ужасаются и чураются. Снятие с выставки — ваше торжество. Когда я в первый раз увидал, я был уверен, что ее снимут, и теперь, когда живо представил себе обычную выставку с их величествами и высочествами, с дамами и пейзажами и nature morte'ами, мне даже смешно подумать, чтобы она стояла. Я не понял хорошенько слова Гос. кажется о том, что религия—религией, а зачем писать неприятное.

Что говорят художники? И кто что говорит? Что вы делаете? Скоро ли будете к нам? У нас все по-старому. Целую вас. О штунд. новости хороши. Количке не успел еще написать.

Л. Толстой

90. Н. Н. Ге к Л. Л. и Т. Л. Толстым

Март 1894 г. [1])

Дорогие мои милые Лева и Таня. Спасибо вам за ваше горячее письмо. Оно мне нужно и пришло как-раз, когда нужно мне — я только-что вернулся от товарищей и душа моя была крепко огорчена.

Не самолюбие мое страдало, а то особенное чувство, которое испытываешь, когда чувствуешь и видишь, что люди — в потемках и, как утопающие, мешают сами себе их вытащить и потому тонут. Я себя удерживаю от осуждения только тем, что мы так счастливы, что нам так ясно, что у нас столько любви и одно только желание и чувство, дай, боже, и им это. Но к этому счастью нужно идти, а само оно не прийдет—этого в особенности люди не понимают. Вчера была у меня Вера Кузминская — и она обрадовалась, почувствовав Ясную, и я обрадовался от того же. Я ее водил смотреть картину — ее, т.-е. картину, приютили мои приятели и я там буду писать повторение для Солдатенкова (в уменьшенном виде), а затем Товарищество посылает на июль выставку в Лондон, я же в мае хочу выставить в Париже и вот прошу тебя, милая Таня, пойди к Прянишникову, его имя Иван Петрович, адрес его Avenue de Villiers, № 37. Он женат на американке, очень милой женщине. Передай ему, что я хотел бы выставить картину в Париже и может ли он мне помочь в этом. Я бы послал картину на его имя, ежели он согласен, и если может это устроить, то я буду рад. Мне нужно еще, чтобы он, уезжая в Россию, кого-нибудь мог бы мне указать такого, к которому я мог бы обратиться с просьбой переслать ее в Лондон в известное время в летний сезон Лондона, где будет наша выставка.

Я буду еще вам писать подробно, как устроили запрещение и что за мотивы. А теперь целую вас крепко, мои милые, дорогие моему сердцу.

Вас любящий *Николай Ге*

Лева, читал твое Совершеннолетие. [2])
Очень, очень хорошо.

91. Письмо Л. Н. Толстого к П. Н. Ге

17/VI 1894 г. [1])

Очень вам благодарен, Петр Николаевич, за ваше подробное письмо о последних днях и минутах моего милого друга. Едва ли я когда испытывал такое больное чувство потери, как то, которое испытываю теперь. Не могу привыкнуть и по нескольку раз в день вспоминаю и первую минуту не верю и всякий раз вновь переживаю чувство утраты. Испытываю и то, что вы пишете: как бы раскаяние и позднее сожаление о том, что недостаточно любил его или скорее недостаточно проявлял свою любовь к нему, потому что любил я его всею душой. Но он-то был уж очень любовен и иногда думается, что недостаточно ценил это счастье. В особенности трудно привыкнуть к его смерти, потому что я не знаю человека — на наш человеческий взгляд более полного душевных сил и будущности. С ним никак не соединялась мысль о смерти. Хочется жалеть о том, что он не сделал всего того, что он хотел

и мог, но видно этого не нужно было. Видно, есть другие высшие соображения, недоступные нам, по которым ему надо было теперь уйти из жизни. Я верю в это. Смерть его подействовала на меня и на всех возвышающим образом, как действует всегда смерть человека большого не одним внешним даром, но чистого сердцем и такого любовного, каков был ваш отец. Так она подействовала на всех. Я с разных сторон — Страхов, Лесков, Стасов, Горбунов — получаю письма о нем, и на всех, я вижу, смерть эта произвела то же возвышающее и умиляющее впечатление, как и на меня, хотя и в меньшей степени. Стасов хочет писать его биографию или очерк его деятельности и, хотя это будет не очень основательно, это будет недурно, потому что он понимает хотя одну сторону величия вашего отца.

Вы хорошо сделали, что прислали к нам его картины, мы еще их не получили; получив, сделаем все, что нужно. Я начал писать Третьякову, чтобы разъяснить ему все значение Ге, как художника, с тем, чтобы он приобрел и поместил все оставшееся; надеюсь кончить письмо и послать ему нынче же.

Спасибо, что вы ко мне обратились, как к другу, и все описали. Вы для меня всегда будете дороги. Что Количка? Нам все казалось, что он приедет к нам. Я потому не писал еще ему.

Передайте мой привет вашей жене.

Любящий вас *Л. Толстой.*

Примечания к письмам

1. 1) Стасов, стр. 303.

2) Старший сын художника Н. Н. Ге — младший (род. в 1857 г.), впоследствии один из близких друзей Льва Николаевича. Этот портрет воспроизводится в настоящем издании. В „Альбоме художественных произведений Н. Н. Ге", Лист 66, отнесен к 1882 г.

2. 1) Дата посторонней рукой.

2) „В чем моя вера". Книга отпечатана для автора в количестве 50 экз. и тем не менее была конфискована.

3) Н. Н. Ге. в это время интересовали отзывы о портрете Льва Николаевича, который был окончен в январе 1884 г. и в том же году выставлен у Передвижников. Об этом он пишет и своему приятелю М. Ф. Каменскому 29 февраля 1884 г.): „Теперь уже вы видели портрет Толстого. Я жду, чтобы вы мне написали о нем и как к нему отнесутся Я ведь газет не получаю, потому не знаю ничего. Если что попадет в газеты о портрете, вырежьте и пришлите". (Стасов, 304). Этот портрет находится в Третьяковской Галлерее в Москве. Существует несколько авторских повторений с него. Указание на это находим в воспоминаниях Ек. Ив. Ге: „Н. Н. написал портрет Толстого, в то время как этот последний пишет „В чем моя вера", и потом сейчас же написал три копии с этого портрета: первую копию для гр. Олсуфьева, вторую для В. Г. Черткова, а третью

для одной учительницы, которой он уступил за ту цену, какую она сама назначила, так как она говорила, что для нее такое счастье переписывать сочинения Толстого под его портретом подаренным Ге“ (Стасов, стр. 292).

4) Анна Петровна Ге, рожденная Забело (род. 1832 г., сконч. 4 ноября 1891 г.), жена Н. Н. Ге.

3. 1) Стасов, стр. 293.

4. 1) Дата посторонней рукой.

2) Ожидание появления на свет Александры Львовны Толстой.

3) Зоя Григорьевна Ге — дочь старшего брата художника. Она состояла членом народовольческого кружка и ей предстояла ссылка в Сибирь на поселение. При содействии Льва Николаевича ее удалось отстоять и ссылка была заменена жительством на хуторе Н. Н. Ге.

5. 1) Дата посторонней рукой.

6. 1) Дата рукой Н. Н. Ге.

2) Сохранилось письмо Н. Н. Ге — сына к своему отцу, относящееся к этому времени. Оно дополняет некоторыми подробностями письмо Льва Николаевича, посему считаем необходимым здесь его опубликовать:

„23 июля суббота [1884] г..

„Был у Льва Николаевича, пробыл у него 3 дня... Давно мне не было так хорошо как у него. Теперь особенно — это было мне очень нужно. Хоть и веришь и понимаешь, а поддержка и сочувствие ужасно много значит. Он мне повторил буквально тоже, что и я тебе писал о моем положении. Не надо ничем задаваться и каждый день исполнять то, что бог велит, не предполагая ничего на будущее. Он хочет пойти в Киев и будет в хуторе, но когда и как определенно не знает. Ехавши домой (в начале августа) — я еще заеду к нему. Теперь еду на несколько дней в Тверь. Больной все также. Пишу это письмо на вокзале перед

отходом поезда в Тверь. Относительно Зои Кузьминский мне сказал, что ее судить не будут, а решили административно — одно скверно, что на месте Плеве сидит теперь Дурново (из выслуживающихся). Прощай, пока, целую вас всех. Пишите мне в Москву.

Лев Николаевич спрашивал меня о том, что было в хуторе (ты что то упомянул) и я ему конечно сказал всю правду".

7. 1) Дата посторонней рукой.

2) В октябре 1884 г. Лев Николаевич приезжал к Н. Н. Ге в хутор. Художник упоминает об этом в письме к М. Ф. Каменскому 31 октября 1874 г.: „Был у меня в это время дорогой гость, Лев Николаевич Толстой, четыре дня прожил с нами, и нам было несказанно хорошо вместе. Много мы беседовали, тихо дружно, согласно"... (Стасов, стр. 300).

3) Петр Николаевич Ге, меньшой сын художника (род. в 1859 г.), живший в это время с семьей в Москве.

4) Н. Н. Ге — сын окончил Киевский университет по юридическому факультету.

8. 1) Стасов, стр. 298. 2) В. В. Стасов ошибочно относит это письмо к 1884 г. Упоминание имени З. Г. Ге свидетельствует о том, что дата должна быть перенесена на год позже, т. е. на 1885 г. Приведенное выше письмо Н. Н. Ге — младшего свидетельствует о том, что в июле 1884 г. Зоя Григорьевна еще не находилась в хуторе, а год спустя она была уже замужем.

9. 1) Дата посторонней рукой.

2) С начала января и до середины февраля Н. Н. Ге пробыл у Толстых в Москве. Здесь художник исполнил замечательную серию иллюстраций к рассказам „Чем люди живы", об издании которых Л. Н. сообщает в следующих письмах ряд подробностей.

10. 1) Посторонней рукой „март 1887 г.". Из содержания письма явствует, что оно написано в конце этого месяца

2) Речь идет об альбоме иллюстраций к рассказу „Чем люди живы“. Текст его обложки: „Чем люди живы“ Л. Н. Толстого |в рисунках| Н. Н. Ге |фототипия М. Панова| Москва |Типография А. И. Мамонтова, Леонтьевский пер., № 5|. 1886 г. больш. f⁰ (059 × 043). На тексте цензурное разрешение — 26 марта 1886 г., всех рисунков двенадцать. Первый и последний помечены: „дозволено цензурой. С.-Петерб. 23 апреля 1886 г.“ На остальных: „дозволено цензурою. Москва, 1886 г.“.

3) Альбом иллюстраций к „Чем люди живы“ вышел согласно намерению Льва Николаевича в двух видах: один отпечатан на плотной бумаге и в картонаже, другой на более тонкой бумаге и в обложке.

4) Михаил Васильевич Теплов — офицер под влиянием Ге и Толстого оставил военную службу. Выйдя в отставку он начал заниматься живописью сперва в Киевской рисовальной школе Н. И. Мурашко, а затем под руководством Ге у него на хуторе. Кроме того помогал Н. Н. складывать печи и производил сельско-хозяйственные работы вместе с Н. Н. Ге — сыном.

11. 1) Весной 1886 г. Н. Н. отказался от собственности. 15 июня художник писал М. Ф. Каменскому: „Я повинился во всех моих грехах. Я отказался от всякого имущества, а отдал все, что имел, жене Анне Петровне и детям. Я живу у них потому, что они этого желают. Все, что я заработал и что бог послал, я отдал им и всем, кто меня попросит, потому что я не делаю различия между своими и чужими“. (Стасов, стр. 300).

12. 1) Стасов, стр. 304.

13. 1) Дата посторонней рукой.

2) „Так что же нам делать?“

14. 1) Стасов, стр. 304.

2) Рисунки сделаны углем в величину александрийского листа бумаги и составляют собственность Н. Н. Ге — сына.

Большинство из них воспроизведено в альбоме, изданном Н. Н. Ге — сыном, листы 75 — 77, с неверной датой 1890 — 1892 г. г., тогда как эти рисунки вне всякого сомнения относятся к 1886 г.

15. 1) Дата рукой автора.

2) Григорий Семенович Рубан — толстовец, живший долгое время на хуторе Ге и женатый на племяннице художника Зое Григорьевне.

16. 1) Дата посторонней рукой.

2) Болезнь ноги вследствие ушиба о грядку телеги.

3) Кат. Ив. Ге (род. в 1859 г., ум. весной 1918 г.) — невестка художника, донашивавшая ребенка.

4) Мих. Вас. Теплов в это время начал хлопоты об уходе в отставку.

17. 1) Датировано Н. Н. Ге без указания чисел.

18. 1) Дата почтового штемпеля.

2) Парася — Прасковья Николаевна Ге — дочь Н. Н. Ге — младшего.

3) Маленький Коля — Николай Петрович Ге (1884—1920) — внук художника.

19. 1) Совершенно неправильная дата посторонней рукой „9 декабря 1886 г.". По ходу болезни письмо должно быть отнесено к сентябрю 1886 г.

2) Исаак Борисович Фейнерман, толстовец в то время (1862 — 1925).

20. 1) Дата посторонней рукой.

2) Константин Михайлович Сибиряков. Скульптор-любитель, богатый человек, одно время сочувствовавший идеям Толстого

21. 1) Это письмо существует в копии и не имеет даты, но его несомненно следует отнести к октябрю 1886 г.

2) Эскиз к рассказу Л. Н. Толстого. См. воспроизведение в „Альбоме произведений Н. Н. Ге", л. 19.

3) Один из этих рисунков на сюжет „Не гневайся" воспроизведен в „Альбоме" с неверной датой: 1890 - 92 г.

22. 1) Дата посторонней рукой.

2) Николай Федорович Джунковский.

3) Дмитрий Александрович Хилков (умер 1914).

4) Драма „Власть тьмы“.

23. 1) Письмо существует в копии, дата отсутствует, но оно несомненно должно быть отнесено к осени 1886 г.

2) m-me Seuron француженка, жившая несколько лет гувернанткой при дочерях Л. Н. Толстого (см. дневник С. А. Толстой 1861 — 1891, стр. 134, примеч. 264).

3) Александр Александрович Стахович.

24. 1) Посторонней рукой: „октябрь-ноябрь 1886 г.“.

2) Здесь в оригинале помещен чертеж № 1.

3) Здесь в оригинале помещен чертеж № 2.

25. 1) Датировано автором.

2) Перспективный чертеж к этому письму помещен в конце книги.

26. 1) Датировано автором.

2) Став — пруд.

27. 1) Написано одновременно с предыдущим письмом и на одном и том же листе почтовой бумаги.

28. 1) Дата посторонней рукой: „87 — 89 г.г.“.

29. 1) Дата посторонней рукой.

30. 1) Дата посторонней рукой.

31. 1) Дата посторонней рукой.

2) См. в следующем примечании.

32. 1) В. В. Стасовым это письмо ошибочно отнесено к весне 1885 г. (Н. Н. Ге, его жизнь, произведения и переписка, стр. 298 — 300). В письме упоминается первоначальный вариант философского трактата „О жизни“, носивший в это время название „О жизни и смерти“ и оконченный в начале марта 1887 г. Об этом рассказывает в своем дневнике С. А. Толстая. 9 марта 1887 г. она отмечает: „Левочка пишет статью „О жизни и смерти“ новую для чтения в Университете и „Психологическом Обществе“, 14 марта

она записывает: „Лев Николаевич уехал с Н. Н. Ге — сыном в Университет, в Психологическое Общество, будет читать свою новую статью „О жизни и смерти“. Мы с Ге спешили ее переписывать“. (Дневник С. А. Толстой. 1861 — 1891 г. Издание М. и С. Сабашниковых 1923 г., стр. 138—139), В этот период времени Н. Н. Ге знакомится с сочинениями Толстого не разрешенными к печати, как напр. и в данном случае, по спискам своего сына, часто ездившего к Толстым. Что Н. Н. Ге не могла быть известна раньше этого времени статья „О жизни и смерти“ явствует и из письма Льва Николаевича от 11 апреля 1887 г., в котором говорится: „Чтение мое о к. вы спрашиваете, это мысли о жизни и смерти, к. мне дороги и нужны и к. я поэтому стараюсь себе уяснить. Может быт и другим пригодятся Колечка вам расскажет, а как будет в окончательной форме, то пришлю вам“.

33. 1) Датировано посторонней рукой.

34. 1) Почтовый штемпель на конверте: „Плиски 3 июля 87“.

35. 1) Дата посторонней рукой.

2) Репин посетил Ясную Поляну 9 августа, а уехал 16, В своем дневнике С. А. Толстая отмечает (19 августа 1887 г.) „Он, Репин, написал два портрета Льва Николаевича; первый он начал в кабинете внизу, остался им недоволен и начал другой на верху, в зале на светлом фоне. Портрет удивительно хорош“. Стр. 145. О впечатлении произведенном Львом Николаевичем на Репина см. письмо Стасова — Толстому 31 августа 1837 г. (Лев Толстой и В. В. Стасов). Переписка 1878 — 1906. Ред. и примеч. В. Д. Комаровой и Б. Л. Модзалевского, 1929, стр. 77 и 78).

36. 1) Копия. Дата отсутствует.

2) Сосед этот Н. Н. Ге — младший. В это время Н. Н. Ге — старший отказался от собственности в пользу жены и детей и потому считал себя не вправе выделить участок для своей племянницы.

37. 1) Датировано автором.

2) В начале декабря 1887 г. Н. Н. Ге ездил в Одессу. В своих воспоминаниях Екатерина Ивановна Ге отмечает: „9 декабря 1887 г., рано поутру, Н. Н. вернулся из Одессы. куда он ездил, т. к. слышал, что дела его сводной сестры очень плохи и она нуждается“ (Стасов, стр. 297).

38. 1) Дата посторонней рукой.

3) Лев Нихолаевич вспоминая друга при чтении Герцена этим подчеркивает, что он именно ему обязан знакомством с этим автором. Об этом приходилось слышать от самого Николая Николаевича. Встреча с А. И. Герценом оставила в умственной жизни художника неизгладимый след. Он часто вспоминает всевозможные подробности, касающиеся автора „Былого и дум“ и был в восторге от свойств его ума и от его необыкновенной способности ярко запечатлевать события. В доме Ге издавна хранился, как святыня сборник ранних статей Герцена — вырезки из „Отечественных“ записок и „Современника“ и четвертый том „Былого и дум“, Женевского издания 1866 г., лично принадлежавший писателю и подаренный им Ге со следующей надписью: „Посылаю вам в знак глубокой благодарности мой экземпляр „Былое и думы“ в знак дружеского сочувствия. 16 февраля 1869. Флоренция“.

39. 1) Письмо существует в копии. Дата отсутствует.

2) Одно время Н. Н-ч был в большой дружбе с Г. С. Рубаном. В осенние и зимние вечера они вели нескончаемые споры на всевозможные темы и вели их с необыкновенною страстностью. Роль арбитра играл иногда Лев Николаевич Так, например, долгое время велись споры о том, что важнее и значительнее жизнь или искусство. При чем Рубан доказывал, что жизнь это все, а искусство лишь слабый и необязательный придаток к ней. Ге утверждал, что искусство покрывает жизнь, доминируя над ней. Чтобы получить авторитетное разрешение вопроса, Рубан обратился

к Толстому (январь 1891 г.) и Лев Николаевич немедленно ответил:

„Очень рад был получить письмо от вас дорогой Григорий Семенович, рад просто общению с вами и рад был тому вопросу, который вы мне делаете. Как раз в это самое время Чертков прислал мне мои же когда то написанные мысли об искусстве, прося привести их в окончательный вид. Я не кончил и не издал их тогда потому, что хорошенько не разрешил того вопроса, который вы мне задаете. — „Чем отличается искусство — та особенная деятельность людская, которая называется этим именем — от всякой другой деятельности — я знаю, но чем отличаются произведения искусства нужные и видимые для людей, от ненужных и неважных, где эта черта отделяющая одно от другого. Я еще не умею ясно выразить, хотя знаю, что она есть и что есть такое нужное и видимое искусство. Есть самое видимое — жизнь, как вы справедливо говорите, но жизнь наша связана с жизнью других людей и в настоящем, и в прошедшем, и в будущем. Жизнь тем более жизнь, чем теснее ее связь с жизнью других, с общей жизнью. Вот эта то связь и устанавливается искусством, в самом широком его смысле. — Если бы никто не употребил словесного искусства для выражения жизни и учения Христа, я бы не знал его.

И потому я думаю, что искусство, важное дело и его не надо смешивать с жизнью. Жизнь сама по себе, а искусство само по себе.

Л. Толстой“.

(Письмо опубликовано в журнале „Мир Искусства“. № 4, 1902 г., без указания кому адресовано).

40. 1) Письмо существует в копии. Дата отсутствует.

2) „О жизни“ — первое издание уничтоженное цензурой. Этот философский трактат входил в один из томов собра-

ния сочинений малого формата под следующим заглавием: „Сочинения графа Л. Н. Толстого |часть тринадцатая| О жизни |Москва| Типография А. И. Мамонтова и К^{0}. |Леонтьевский пер., № 5|, 1883“. После титульного листа следует римская нумерация страниц: I — XXI. Вверху I стр. повторен заголовок „О жизни“, ниже эпиграфы из Паскаля, Канта и евангелия, II стр. чистая, с III по XXI „Вступление“. Сам трактат начинается без заголовка, но более крупным шрифтом — стр. 1 — 275. В конце книги снова римская нумерация I — XI, заключающая в себе 3 прибавления и оглавление, при чем в „Прибавлениях“ тот же шрифт, что и в „Вступлении“; — „Оглавление“ — петит.

3) Старший брат Н. Н-ча — Осип Николаевич был замешан в польском восстании 1863 г. По возвращении из ссылки под конец жизни нашел приют в хуторе Ге. Скончался в 1892 г.

41. 1) Открытое письмо, почтовый штемпель: „30.VI.88“. На адресной стороне рукой Л. Н-ча: „Курско-Киевская Ж. Д. Ст. Плиски Николаю Николаевичу Ге“.

42. 2) Пироговские девочки — дочери С. Н. Толстого.

2) „Христос и Эллины“. В это время художник увлекался названной темой, он даже думал воспользоваться ею для картины. Ек. Ив. Ге отмечает, что мастер „часто говаривал, что это очень важный момент“. (Стасов, стр. 320). На ряду с этим Ге разрабатывал сюжет „Прощальная беседа“. След от этой работы сохранился в углевом рисунке, который воспроизведен на стр. 79 „Альбома худ. произведений Н. Н. Ге“ с неверной датой 1890 — 1892 г.г.

43. 1) Дата посторонней рукой: „1 декабря 1888 г.“ В действительности письмо датировано самим автором 30 ноября.

44. 1) Письмо существует в копии. Оно содержит в себе дату — 6 декабря.

45. 1) Дата посторонней рукой.

46. 1) Датировано автором.

47. 1) Датировано автором.

48. 1) Датировано посторонней рукой.

2) „Выход из Тайной вечери".

3) „Николай чудотворец останавливает казнь невинно осужденных".

4) 2 марта начата работа об искусстве (впоследствии „что такое искусство"!)

49. 1) Дата посторонней рукой.

2) „Плоды Просвещения" (тогда назывались „Исхитрились").

3) „Крейцерова Соната".

50. 1) Стасов, стр. 321.

51. 1) Дата посторонней рукой.

52. 1) Стасов, стр. 321.

53. 1) На письме дата отсутствует. Но судя по содержанию письма оно относится к январю 1890 г.

54. 1) Датировано автором.

55. 1) Дата почтового штемпеля. Открытое письмо. На адресной стороне рукой Л. Н-ча: „Петербург, Лиговка 31. Склад Посредник. Для передачи Н. Н. Ге".

56. 1) Стасов, стр. 329.

57. 1) Дата посторонней рукой.

58. 1) Датировано автором. Почт. штелтель „Плиски 28 авг. 90 г.

59. 1) Дата почтового штемпеля не вполне ясна. На конверте: „Козловка Засека Тульской губ. Графине Татьяне Львовне Толстой".

60. 1) Дата посторонней рукой.

2) Анна Эльпидифоровна Владыкина — последовательница Толстого. Занимала место фельдшерицы по соседству с хутором Ге в местечке Ивангороде.

3) Картина В. Е. Маковского.

4) Картина В. С. Ярошенко.

61. 1) Датировано автором.

62. 1) Письмо сохранилось в копии. Датировано автором.

2) Этот художник ученик Н. Н. Ге Леон Марьянович Ко-

вальский (род. 1870 г.), очень часто гостивший на хуторе и во время своих посещений фотографировавший как самого художника, так и его семью, а также и многие картины. Благодаря ему сохранился один из вариантов „Распятия“ (воспроизв. на л. 69 Альбома). Три прекрасных снимка его работы воспроизводятся в настоящем издадании: а) Портрет Н. Н. Ге в профиль б) — Н. Н. Ге с семьей своего старшего сына и в) он же со своими внуками Парасей и Ванечкой.

3) Терновский Ф. А. „Три первые века христианства“ Киев, 1878 г. Вторая книга составляющая продолжение этого труда, носит заглавие „Греко-восточная церковь в период вселенских соборов“. К. 1882 г. Автор проводит с большой смелостью рационалистические идеи и вследствие этого обе книги находились под запретом. Этим и объясняется их большая редкость

63. 1) Стасов, стр. 357.

64. 1) Датировано посторонней рукой.

65. 1) На письме дата отсутствует.

66. 1) Датировано автором.

67. 1) Дата почтового штемпеля „6.XI.91“. Открытое письмо. На адресной стороне рукой Л. Н-ча: Курско-Киевская железная дорога. Плиски. Николаю Николаевичу Ге.

68. 1) Датировано автором.

2) Статья для журнала „Вопросы философии психологии“ — „Письма о голоде“ не пропущена цензурой. Другая — „Страшный вопрос“ напечатана в „Русских Ведомостях“ 6 ноября 1891 г.

69. 1) Дата посторонней рукой.

2) По поводу кончины жены Н. Н. Ге Анны Петровны, последовавшей 4 ноября 1891 г.

3) Призыв к пожертвованиям в пользу голодающих С. А. Толстой („Русские Ведомости“ 3 ноября 1891).

70. 1) Число и месяц помечены автором.

2) Книга „Царство божие внутри нас".

71. 1) Дата посторонней рукой.

72. 1) Почтовый штемпель „9.XI.92", но письмо написано 6 ноября.

2) В ответ на присланную А. С. Рождествиным статью Н. Н. Ге написал ему письмо, в котором выразил излюбленный свой взгляд на красоту в искусстве. Письмо это опубликовано в „Казанском Музейном Вестнике", №№ 3—6, 1921 г. Так как этот документ дополняет содержание издаваемых писем, поэтому считаем необходимым его здесь перепечатать:

„Внимание ваше к моей картине „Совесть" мне в высшей степени дорого, потому что оно дает мне оправдание моих художес'венных исканий на истинном пути. Ваша статья чрезвычайно хороша, по выражению только что прочитавшего ее у меня, — она правдива; в ней вы высказали много тех самых мыслей, которые я думал и переживал, создавая эту картину. Критик, высказавший мысль, что высшее изображение жизни и правды мы должны искать в высшем произведении искусства — в Евангелии, глубока-истинна. Я давно ношу в своей душе эту истину, и вы поймете мою радость, встретивши эту мысль в вашем уважаемом и дорогом произведении. Г. Михайловский и его подражатели не знают этой истины, оттого они в своих критических очерках блестят внешним, остроумным и личным, и оттого они не видят живого.

„В целом ряде своих картин я руководствовался этой истиной, не оригинальность мною руководила, а отношение к Идеалу с точки зрения Христа. Я отбросил форму языческую, — внешнюю навязанную христианскому Идеалу. Мои попытки слабы, далеки от совершенства, но они истинны, т. е. они оправданы не капризом, не рутиной, не поклонением внешнему, а истинным пониманием жизни, высказанным Христом. Красота, сила — идеалы поклоняю-

щихся физической силе, чувственности; красота Христа — духовная красота: око, светильник тела, духовное ценно, телесное временное, преходящее. Дороги формы, как смысл духа.

„Лицо Иуды неважно, и все попытки его выразить бесцельны и ни к чему не привели; есть много таких картин и изображений, они всегда будут ложны. Рыжий, отвратительный, красивый — это будут не Иуды, это будут символы, которые нам нравятся в виде кличек, которые мы даем по нашей прихоти. Не в выражении лица Иуды, а в том положении, которое неизбежно вытекает из его духовной деятельности, и это положение непременно будет и его, Иуды, и всякого, который встанет в его положение.

„Я это понял, потому что Христос любил Иуду, не осудил его, все время последней вечери выражал любовь и заботу, чтобы вернуть его; и даже когда Иуда убежал, то и тогда не лишил его своей любви. Иуда жалок. Иуда смотрит на свое преступление — вот где Иуда. Я это и сделал, а какая форма выпала Иуде, это зависело не от меня, а от происшествия.

„Нельзя Иуду понять, ежели не будет перед ним его преступление, смысл которого для него удаление Идеала, по его причине, — его уводят, и он, сколько ни беги, его не остановить для себя. Такой Иуда в каждом из нас, когда мы остановились и не можем бежать за тем, кто наш Идеал, наша жизнь, смысл нашей жизни. Вот эта связь зрителя с положением Иуды и дала название этой картине „Совесть".

„Еще раз от души благодарю вас за сочувствие.

„Уважающий и любящий вас Николай Ге, всегда готовый служить вам в чем могу.

6 ноября 1892 г.

3) Rich, Antony. The Illustrated companion to the Latin Dictionary and Greek Lexicon; forming a glossary of all the words representing visble objects connected with the arts, manufactures, and every-day life of the Grecks and Romans; with representations of objects from the antique. London 1849. Н. Н. пользовался французским переводом изданным в Париже в 1859 г.

4) Эта заметка, опубликованная А. С. Рождествиным по существу является выражением взгляда на характер Иуды высказываемого неоднократно Н. Н. Ге в кругу друзей и знакомых, в период работы над картиной „Совесть". Это между прочим подтверждается и свидетельством самого художника. На копии заметки Яремича посланной Рождествину Ге собственноручно сделал такую приписку: „К своему письму прилагаю эту прекрасную статью, написанную моим другом и учеником. Он отчасти исполнил мою задачу и хорошо сделал. Он свободнее меня, а потому и беспристрастнее. Я рад, что и этот ответ на вашу прекрасную статью может служить как материал. „Степан Петрович Яремич только просит вас прислать и ему вашу прекрасную брошюру, а ежели у вас есть несколько, то пришлите мне для моих киевских друзей, которые с большим интересом читали ее.

„Забыл объяснить, почему пишу так поздно. Я не был дома, ездил в Киев навестить друзей, а потому прошу извинить замедление.

Николай Ге".

(„Казанский Музейный Вестник", № 3—6, 1921 статья А. С. Рождествина. Страница из истории русской живописи).

73. 1) Почтовый штемпель: „24.XII.92". На конверте: „Москва Долгохамовнический переулок, д. № 15. Ее Сиятельству графине Татьяне Львовне Толстой".

74. 1) Датировано автором. На конверте: „Ст. Чернава, Рязанской губ. Бегичевка. Графине Татьяне Львовне Толстой.

2) Вл. Соловьев „Смысл Жизни“ Н. Грот — „Основание нравственного долга“ (см. „Вопросы философии и психологии“ кн. XV 1892).

3) „Жизнь художника шестидесятых годов“. Речь, читанная в собрании товарищей передвижной выставки 14 февраля 1893 г. („Северный Вестник“ март 1893 г.).

75. 1) Почтовый штемпель: „С.-Петербург. 21.11.93“. и „Москва 23.2.1893“. На конверте „Москва. Долго-Хамовницкий переулок, д. № 15“. Графине Татьяне Львовне Толстой.

76. 1) Число и месяц помечены автором. Год — рукой Ек. Ив. Ге.

2) Статья „Неделание“ (Сев. Вестник 1893).

77. 1) Датировано автором.

2) Вероятно речь идет о статье С. М. Волконского „Художественное наслаждение и художественное творчество“.

78. 1) Датировано автором.

79. 1) Дата почтового штемпеля.

80. 1) Дата посторонней рукой.

81. 1) Число и месяц рукой Л. Н-ча. Год посторонней рукой.

2) Картина „Повинен смерти“ („Суд Синедриона“). См. письмо Л. Н-ча от 22 сентября 1892 г., стр. 150.

82. 1) Печатано с копии. Датировано автором.

83. 1) Датировано посторонней рукой.

2) Христианство и правительство“.

84. 1) Печатается с копии На письме имеется дата 4 января 1894 г. — очевидно время получения письма в Москве, из содержания письма видно, что оно написано 31 декабря 1893 г.

85. 1) Дата почтового штемпеля.

2) Речь идет о романе д'Аннунцио „Невинная жертва“ („L'Innocente“), печатание хоторого началось с майской книжки „Северного Вестника“, 1893 г.

3) Сергей Петрович Костенко — художник выдающегося дарования. Психический недуг очень рано пресек его артистическую карьеру. Родился в Киеве в 1868 году, умер в Париже в октябре 1900 г.

86. 1) Печатается с копии. Датировано автором.

87. 1) Дата почтового штемпеля.

2) Под впечатлением известия о тяжкой болезни И. М. Прянишникова, скончавшегося два месяца спустя — 12 марта 1894 г.

88. 1) На письме посторонней рукой „Письмо в Париж к гр. Т. Толстой 1893 (?)“. Письмо несомненно относится к февралю 1894 г. когда Т. Л. находилась в Париже вместе с своим братом Львом Львовичем.

89. 1) Датировано автором.

90. 1) Посторонней руной: „1893 (первая половина)“.

2) Рассказ Л. Л, Толстого, напечат. в Февральской книге „Северного Вестника“ 1894 г.

91. 1) Дата посторонней рукой.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

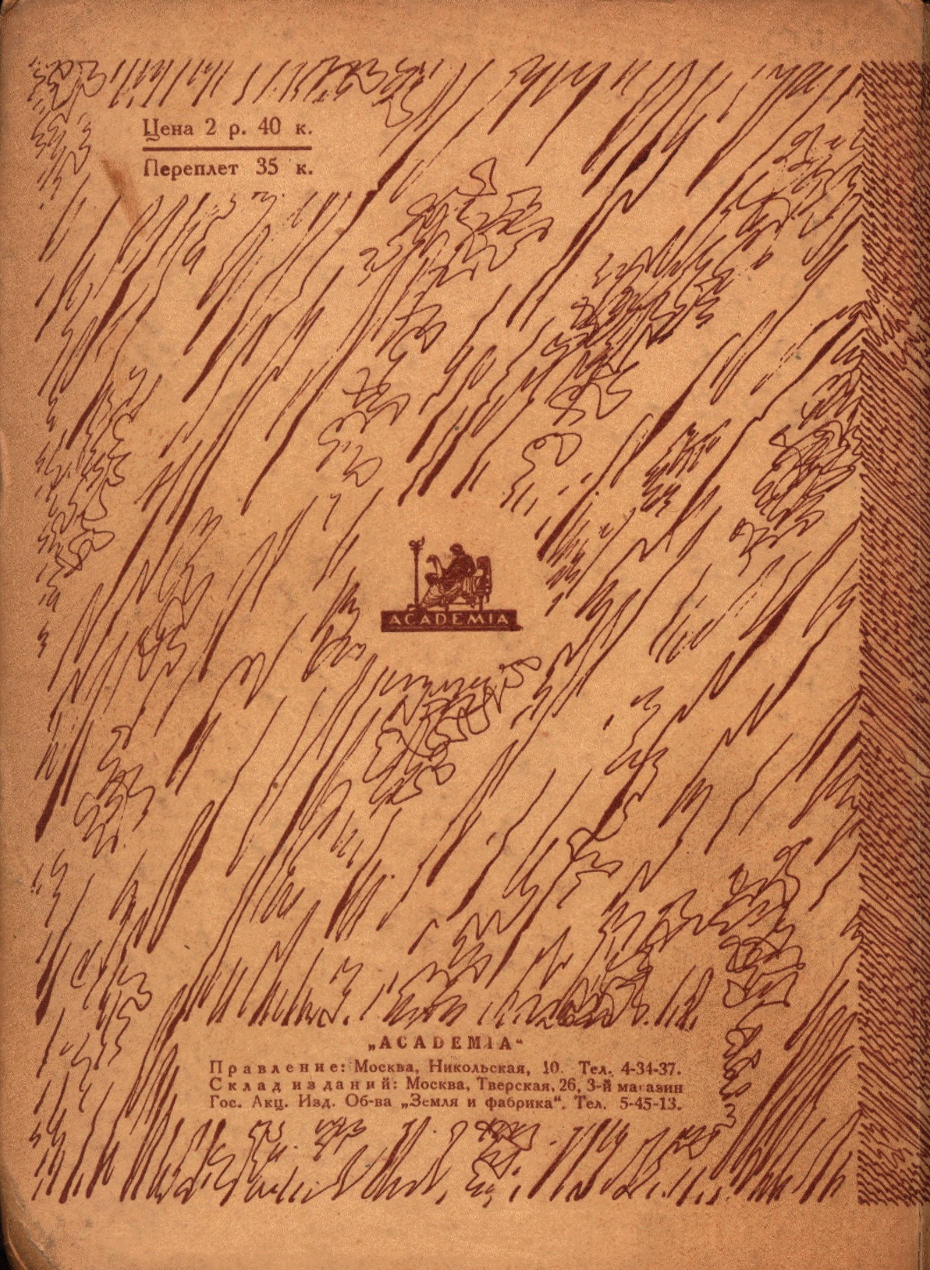
Его живописные произведения:

[1] См. также переписку Л. Н. Толстого в изд. Ленинской Библиотеки.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

СОДЕРЖАНИЕ.

„ACADEMIA"
Правление: Москва, Никольская, 10. Тел. 4-34-37.
Склад изданий: Москва, Тверская, 26, 3-й магазин
Гос. Акц. Изд. Об-ва „Земля и фабрика". Тел. 5-45-13.

Цена 2 р. 40 к.
Переплет 35 к.